

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫМ
ISSN 0134 - 241X URAL STALKER 3'1993

ОСЕННЯЯ СИМФОНИЯ

Игорь ШАКИНКО
ДЕМИДОВСКИЕ КОПОКОЛА
с. 2

Валерий КОБЫЛИН
ПОБЕГУШНИКИ
с. 6

Луи Л'АМУР
СКВОЗЬ
ПЕРЕКРЕСТНЫЙ
ОГОНЬ
с. 61

ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ

УЧРЕДИТЕЛЬ —

ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ,
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Станислав МЕШАВКИН

(главный редактор),
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей ГРИГОРЬКИН
(главный художник),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Ольга НАГИБИНА
(исполнительный директор),
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ, Сергей
КАЗАНЦЕВ, Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН, Николай
НИКОНОВ, Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ, Марат
ШИШКИН

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

620219, г. ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ, ПУБЛИЦИ-
СТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ, МОЛОДЕЖ-
НЫХ ПРОБЛЕМ)

Компьютерная верстка выполнена
в МП «СТИЛЬ»

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
"Россвязьинформа"

Бракованные экземпляры отправлять
в Чеховский полиграфический комбинат.

Подписано к печати 13. 09. 1993.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Бумага типографская №2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8, 8
Уч.-изд. л. 12, 4
Усл.кр.-отт. 8, 1
Тираж 61200 экз.
Заказ №1636
С.-7

Отпечатано на Чеховском полиграфическом
комбинате Министерства печати и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской обл.

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1993 г.

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ
U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ: 8'1993

Демидовские колокола Игорь ШАКИНКО	2
Побегушники. Повесть Валерий КОБЫЛИН	6
Журнал в журнале «Аэлита» Сказание о Четвертой Луне. Повесть Владимир ФИРСОВ	27(145)
Три княжны Таракановых? Исторический очерк Игорь АЛЕБАСТРОВ	55
Нас не так уж много. Стихи Владимир ТОПОРОВ	58
С верой под Южным Крестом	59
Сквозь перекрестный огонь. Повесть Луи Л'АМУР	61
Краеведческая копилка	71
У истоков Камы Анатолий ТУМБАСОВ	76
Знаки монетных дворов Виктор РУДЕНКО	77
Мишки на западе Регина ТЕРЕШКИНА	80

На 1 странице обложки
слайд Владимира ХОЛОСТЫХ,
на 4 странице обложки
слайд Алексея НАГИБИНА,
ФОТОХРОНИКА «РЕПОРТЕР»

Нелепая случайность унесла из жизни ИГОРЯ МИХАЙЛОВИЧА ШАКИНКО, писателя исторического жанра, давно и всегда желанного автора «Уральского следопыта».

Его перу принадлежат широко известные книги «Василий Татищев», «Загадки уральского изумруда», «Невьянская башня». Ни одной из них не приходилось ждать читателя или гоняться за ним. Книги мгновенно раскупались и не лежат на стеллажах библиотек. Совсем немного не хватило писателю времени для завершения историко-публицистического исследования «Демидовь», которое сейчас готовит к изданию Клуб ЮНЕСКО «Уральский следопыт».

В процессе работы над этой книгой написан им для нашего журнала очерк «Демидовские колокола» — последняя работа Игоря Шакинко, которую ему уже не удалось увидеть.

ДЕМИДОВСКИЕ КОЛОКОЛА.

Издавна любили на Руси колокольный звон. Он сопровождал всю жизнь народную. Колокола кричали о пожаре и предупреждали о приближении врага, праздновали победу и созывали на вече, указывали дорогу заблудившимся путникам и встречали высоких гостей... Звон колоколов сопровождал церковные обряды и церемонии. Колокол звучал то обыденно, то празднично, то грустно, то грозно или торжественно...

Он стал одним из символов русской народной культуры. Не случайно памятник тысячелетию России в Новгороде создан в форме колокола. Колокол одушевляли, очеловечивали. Отдельным его частям дали названия: язык, уши, голова, плечо, губа... Давали колоколам собственные имена, их награждали и наказывали.

Колокольные мастера пользовались в России особым почетом и уважением. Ведь в их деле слились ремесло и искусство со своими тайнами и секретами. Это и тайна колокольной бронзы, которая создавалась не столько расчетом, сколько интуицией. До сих пор непостижим секрет колокольной формы.

На Урале первыми освоили колокольное ремесло-искусство демидовские мастера. Да и сам горный император Акинфий Демидов, судя по всему, был страстным любителем колокольного звона и самих колоколов.

В Екатеринбурге, в областном музее, хранится колокол, который «лит 1702 октября 28 дня». Так гласит сделанная на нем надпись. Нашли этот колокол в земле на территории старого Невьянского завода. Акинфий Демидов по поручению отца начал управлять заводом на Нейве с сентября 1702 года.

Значит, отливка колокола без него не обошлась. Тем более, что это была «неплановая» продукция. Завод по указу Петра I должен был лить пушки, а не колокола. Этот, может быть, первый уральский колокол сработан не из меди, а из чугуна. «Магнит пополам с простым чугуном» — тоже написано на колоколе.

А магнитную железную руду в то время уже добывали на горе Высокой около реки Тагил.

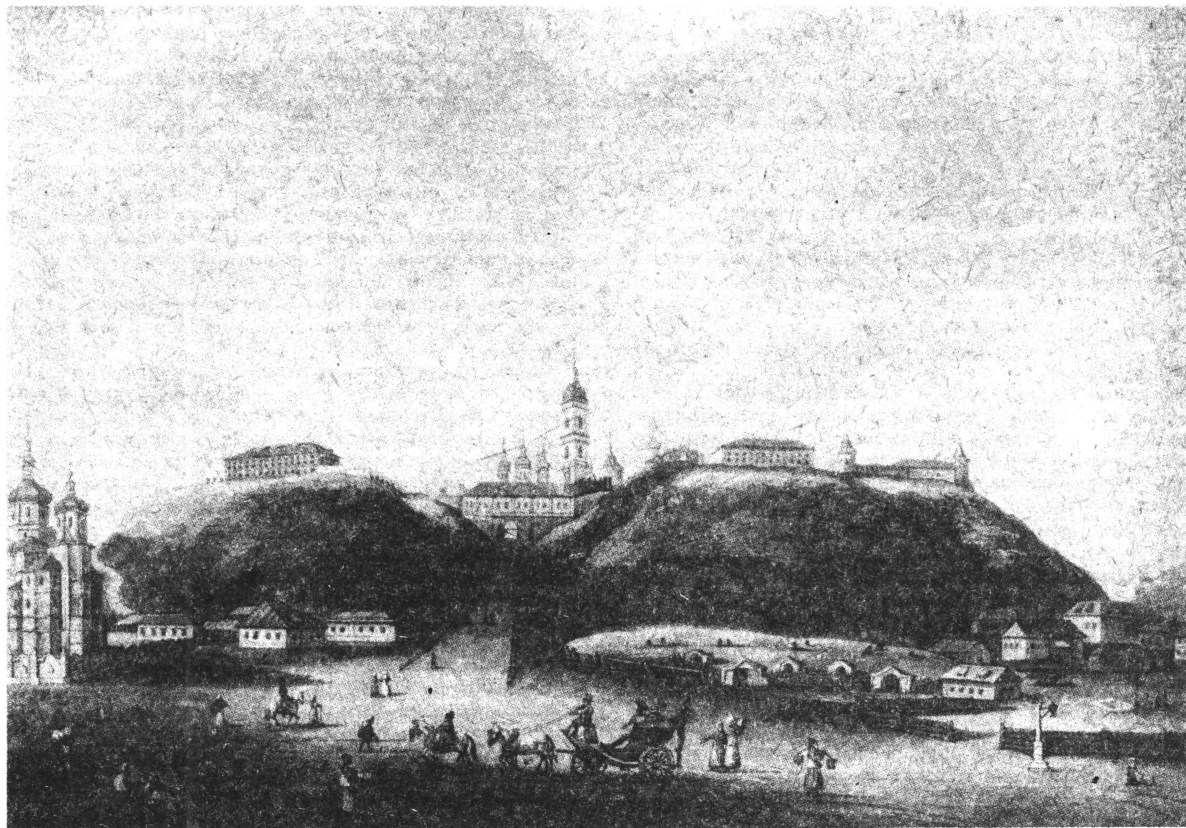
Как только у Акинфия Демидова завелась своя медь, он начал лить из нее и свои колокола. Один из них до сих пор звучит на знаменитой Невьянской башне. На нем текст: «Лета 1732 июня I лит сей колокол в Невьянских дворянина Акинфия Демидова заводах. Весу 65 пуд 27 фунтов». Такой же демидовский колокол тех же тридцатых годов хранится в Челябинском областном музее. Вот, кажется, и все, что осталось от невьянских демидовских колоколов. А отлили их только при Акинфий по крайней мере несколько сотен.

В «Реестре...» демидовских заводов 1733 года в Невьянке значится фабрика, где «колокола медные лют». В другом описании Невьянского завода говорится о «связи каменной», в одном из покоев которой находится «литейная колоколов», а в другом — «дело колокольных фурув», т.е. форм — устройств для подачи дутья в плавильные печи. А еще имелась фабрика, где «точили большие колокола» — окончательно отделывали их после отливки.

Демидовские колокола расходились по всему Уралу и Сибири. Есть сведения, что несколько невьянских колоколов звонили в Далматовском монастыре. Попадали демидовские колокола и в европейскую Россию. В прошлом веке в Новгороде на каменной колокольной церкви Святого великомученика Дмитрия Солунского среди девяти колоколов висел демидовский — весом в 76 пудов. Надпись на нем гласила: «лит в 1735 году в сибирских Невьянских заводах Акинфия Демидова».

Но самым главным колоколом Акинфия стал тот, что укрывал когда-то Софийскую колокольную в Тобольске.

Большой Софийский или Успенский собор — первый каменный храм Сибири — возвели в 1686 году, а колокольную в 1685-м при сибирском митрополите Павле. Это была не ме-

стная затея, а царская. В грамоте царя Федора Алексеевича указывалось: «В Тобольске соборную церковь Софии Премудрости Божия строить каменную против образца какова в кремле в Девичем монастыре...»

В каменной Софийской колокольне повесили колокола — и не простые, а царские. Московские цари часто жертвовали храмам сибирской столицы дорогую церковную утварь и колокола тоже. А потому в новой колокольне разместили колокол в 110 пудов, пожертвованный царем Алексеем Михайловичем, два колокола от царя Федора Алексеевича (в 40 и 103 пуда), колокол в 160 пудов от царей Ивана и Петра Алексеевичей. Кроме того, были там два колокола (в 293 и 500 пудов), заказанные митрополитом Павлом московскому мастеру Федору Моторину — отцу знаменитого Ивана Моторина, отлившего «Царь-колокол». Несколько позднее добавился колокол, отлитый в Амстердаме в 1719 году...

И вот среди этих знаменитых колоколов появился еще один. И стал самым большим и самым главным колоколом Сибири. На нем значится: «Лит в 1738 году на Тагильском заводе лтцанием митрополита Тобольского Антония и иждивением дворянина Акинфия Никитича Демидова». Знаюки так отзывались в середине прошлого века о тобольском колоколе: «И фигуры хорошей, и звук имеет прекрасный, а весит 1011 пудов и 22 фунта. Следует заметить об этом колоколе, что по Сибири колоколов больше его нет нигде». М.И.Пыляев в очерке «Исторические колокола» тоже упоминает о «тобольском большом колоколе Демидова»: «звук его прекрасный и вид красивый».

История же появления на свет божий этого колокола полна драматических сюжетов.

Дело в том, что колокол создавали демидовские мастера-старообрядцы — ярые враги официальной церкви. Парадокс? Абсурд? Попытаемся разобраться в этой странной истории.

Все началось с так называемой «выгонки», которую учинил

горный начальник Василий Татищев в 1735 году. Императрица Анна Иоанновна приказала ему выловить с помощью воинских команд тайных раскольников, обживших окрестности демидовских заводов и «развесть под караулом по разным монастырям внутри Сибири». И вот военные отряды прочесывают леса вокруг Невьянска и Нижнего Тагила, жгут раскольничьи скиты и кельи, а самих старообрядцев увозят сначала в Екатеринбургскую тюрьму, а затем в Тобольск. Из сибирской столицы арестованных гнали по Верхотурскому, Тюменскому, Тобольскому, Соликамскому и иным монастырям вплоть до Иркутска... Поймали около полутысячи старообрядцев. Не так уж много, но все-таки...

И надо же такому случиться, что буквально все арестованные, кроме 48 умерших, совершают из монастырей и тюрем удачные побег. Побег дерзкие и вызывающие...

Горный начальник разъярен. Чтобы оправдаться перед Петербургом, Татищев пишет донесение министрам Кабинета и обвиняет митрополита Антония и сибирского губернатора Бутурлина в тайном сговоре со старообрядцами и требует немедленного расследования. Сенат назначает следствие и посылает в Тобольск статского советника Батурина.

Одним из организаторов побегов был старец Ефрем. В мае 1736 года, получив у демидовской администрации ложные документы для поездки в Тобольск, он оказался в Сибирской столице, где был немедленно принят в демидовской резиденции. Ефрему под видом «кормления» приводят из тюрьмы арестованных раскольников и раскольниц. Среди них оказалась и двоюродная сестра Ефрема — Евпраксия, которая умолила брата устроить ей немедленный побег. Ефрем предложил такой план: «чтоб де она ни пила, ни ела семь дней или более, и умерла бы притворно».

Все шло по сценарию Ефрема. Тобольский полковой врач засвидетельствовал, что «содержащаяся на полковом бекете колодница из стариц Еупраксия Егорова волею божиею умре

и положена была во гроб...»

Гроб повезли на кляче, которую погонял мужичонка в рваной одежде. Это был один из вожаков уральских старообрядцев и крупный екатеринбургский купец Иван Осенев. В прибрежном, около Иртыша, лесочке Осенев освободил Евпраксию из гроба и повел ее в демидовскую резиденцию. По дороге беглянке стало плохо, и Осенев побежал за лошадей. Но в это время на них наткнулись солдаты и схватили обоих.

Под пытками Евпраксия и Осенев выдали Ефрема как организатора побега. Ефрема арестовали и заключили в Тобольскую тюрьму. Он пытается подкупить одного из караульных, но неудачно. После этого режим ужесточили. Теперь одного Ефрема стерегли несколько специальных караульных. Подготовить побег взялся другой руководитель уральского раскола и в то время один из приказчиков Акинфия Демидова — Родион Набатов. Вот как этот побег описал сибирский историк Н.Н.Покровский.

«Освобождение Ефрема Родион готовит тщательно. Основное внимание он уделяет организации многократно дублированной сети тайников, где бы Ефрем мог укрыться после побега... Подготовка занимает около трех месяцев, наконец, все готово. На нескольких вариантах маршрута Ефрема ждут сменные лошади. Первые сани будут стоять под самыми стенами Тобольского кремля. Остается самое рискованное — подготовка внутри этих стен. Здесь надо все увидеть и рассчитать самому. И Родион проникает в кремль, в тюрьму, сообщает Ефрему все детали и дату побега...»

Все подготовив и подключив к побегу нужных людей, сам Родион Набатов, как приказчик Кольвано-Воскресенских заводов Акинфия Демидова, уезжает на Алтай. После его отъезда события, по описанию Покровского, развиваются так. «19 декабря 1736 года в 11 часов ночи старца Ефрема ведут по тюремному двору назад в камеру. «Почему-то» с него сняты ножные кандалы, оставлены лишь ручные. Сопровождает его только один караульный — солдат Кочешев. Они останавливаются у кремлевской стены близ Павлиньей башни. Здесь в стене сохранилась донья узкая бойница, обычно забитая ставнями, которые кто-то снял в ту ночь. Впоследствии Кочешев на жесточайших пытках, вися на дыбе, утверждал, что ничего не знал о побеге; он так и умер на пытке, настаивая на своем. Согласно его версии, он лишь ненадолго отвернулся «для мочения», и вдруг заметил, что Ефрем исчез. Шестидесятилетний старец в ручных кандалах выбросился в бойницу. Ефрем скатился с 50-метрового заснеженного холма, на вершине которого высятся стены Тобольского кремля. Внизу его с санями ждал тюменский казак Петр Зубарев...»

Через систему тайных убежищ Ефрема доставили в Невьянский завод Акинфия Демидова, а затем в Нижний Тагил, на окраине которого находился тайный старообрядческий монастырек, устроенный Родионом Набатовым. Здесь беглец находился под надежной охраной местных раскольников и в частности главного приказчика Нижнетагильских заводов Григория Сидорова.

На этот раз Акинфий Демидов и демидовские старообрядцы выиграли опасные сражения с местными властями и даже Тайной канцелярией. С помощью фаворита императрицы Бирона удалось убрать из Екатеринбурга Василия Татищева: его назначили командиром Оренбургской экспедиции.

Но опасность не миновала. Правительство Анны Иоанновны объявило настоящую войну раскольникам, отказываясь от компромиссов. Но старообрядческие структуры прочно вросли в горную империю Акинфия Демидова. Разрушить их — рухнет и империя. И Демидов идет на все, чтобы защитить своих старообрядцев, проявляя и дипломатическую гибкость.

Акинфий узнает, что Синод добивается новой ревизии для переписи раскольников на его заводах. И светским властям и духовенству выгодно выявить как можно больше раскольников. И не только из идейных, но и фискальных соображений. Ведь каждый обнаруженный раскольник платит двойной налог, с каждой раскольничьей души берется гривна в пользу приходских священников Сибири.

Акинфию же нужны не записные, а скрытые старообряд-

цы, на которых и держится его полутайная империя. И он вынашивает планы нейтрализации ревизии. Судьба демидовских старообрядцев во многом зависит от митрополита Антония. И Акинфий Никитич прекращает открытую войну с сибирской митрополией и начинает «флиртовать» с Антонием. И флирт этот, как ни странно, удался. Возможно, их объединила общая ненависть к горным казенным властям Екатеринбурга. Василий Никитич вообще не терпел церковников и ни в чем не желал от них зависеть. 9 июля 1735 года горный начальник направил и митрополиту Антонию «преморию», в которой потребовал, чтоб отныне все церковные назначения на территории подвластного ему горного ведомства согласовывались с ним. Митрополит, естественно, обиделся. Свою «выгонку» раскольников из скитов и присылку арестованных в Тобольск Татищев тоже не согласовывал с Антонием и тем усугубил всю вражду...

Может быть, это и сблизило Антония с Акинфием. Да и наверняка не хотелось митрополиту иметь вокруг себя одних врагов. Так или иначе, они пошли на компромисс. Очевидно, ради примирения и искупления прежних вин и грехов Акинфий митрополит и предложил ему отлить для Софийского собора колокол. Да не простой. Позднее в письме к Григорию Сидорову Акинфий Никитич вспоминает: «было желание его преосвященства, чтоб реченный колокол был в тысячу пуд».

Появлению гигантского колокола на главной колокольной Сибири было, безусловно, престижно для митрополита и повышало его авторитет среди верующих. Для Акинфия же задание явилось отнюдь не простым и легким — расходы немалые да и технически сложно: до сих пор на Невьянском заводе лили колокола весом лишь до 200 пудов. Но любил Акинфий Никитич браться за новые, трудные дела. Не только понаслышке знал он о литье «Царь-колокола», а скорее сам видел, как его отливали: с осени 1733-го и почти до конца 1735 года он находился в Москве, в собственном доме. И именно в это время и проходили основные работы по отливке «Царь-колокола».

К тому же колокол отливали из его, демидовской, меди. Уже в наше время анализ обнаружил в «Царь-колоколе», кроме меди и олова, 72 кг золота и 500 кг серебра. Это вызвало удивление, ибо ни в одном старинном колоколе драгоценных металлов найдено не было. Дело в том, что только колыванская демидовская медь содержала тогда драгоценные металлы. Других подобных месторождений в то время еще не нашли.

Свой, тобольский, колокол Демидов решил лить не в Невьянске, а в Нижнем Тагиле. Наверное потому, что невянская колокольная фабрика не приспособлена для гигантских отливок. И кроме того, пришлось бы из Невьянского завода доставлять эту такую тяжелую сухим путем до пристани на реке Тагил, а это более 60 верст.

Создавал свой знаменитый колокол Акинфий Демидов новаторски. Он отлил его... в доме! Как это все делалось технически — трудно сказать. Но второго подобного случая нигде не замечено.

При выпуске колокольного сплава и заливке формы Акинфий Никитич несомненно присутствовал. Это знаменательное событие произошло не в 1738 году, как гласит надпись на колоколе, а где-то в первых числах или в середине января 1739-го. Об этом свидетельствует переписка Акинфия Никитича с Григорием Сидоровым. Как именно проходила заливка сплава, описаний не сохранилось. Но, наверняка, празднично и торжественно. При этом нередко останавливали все другие работы, служили молебен, совершали разные ритуальные акты. А еще распускали самые нелепые слухи, ибо суеверно считали, что это влияет на успех литья и качество колокольного звона. Отсюда и поговорка: лить колокола, т.е. распускать слухи, неблыдцы.

Заливка прошла успешно. Дождаться, пока остынет колокол, Акинфий Демидов не стал, уехал в свою горную столицу Невьянск. И уже оттуда он послал 22 января распоряжение Григорию Сидорову о «вынятии колокола» из домны.

Сохранились и дальнейшие послания Акинфия за первые месяцы 1739 года. Все они адресованы опять же Григорию

Сидорову — главному приказчику Нижнетагильских заводов. Он, судя по всему, и был распорядителем по сотворению «тысячного» колокола.

Григорий Сидоров — крупная фигура в демидовской горной империи. Он не только «горный начальник» у Акинфия, но и один из руководителей уральских старообрядцев, по крайней мере, в Нижнем Тагиле. В челобитной императрице Анне Иоанновне (1735 г.) он подписался так: «Нижнетагильского дворянина Акинфия Демидова завода приказчик Григорей Сидоров и вместо всех того завода записных староверцев по их прошению и за себя руку приложил».

Он дерзко «воевал» за старую веру и с солдатами карательного отряда, и с посланными митрополитом Антонием священниками. И вот теперь руководит работами по отливке колокола для своего идейного да и просто житейского врага. Неисповедимы пути господни!

В своем послании из Невьянска от 22 января 1739 года Акинфий Демидов пишет Сидорову: «Для просмотра колокола при сем послан Яков Сидоров...» (родственник Григория?). Яков — это талантливый механик, который, кроме прочего, «ходил» за курантами Навьянской башни, а позднее в 1741 году соорудил куранты в Нижнем Тагиле.

И далее: «Ныне скоро будет к вам главный межевщик Игнатей Никитич Юдин для свидетельства всех заводских обывателей...»

В бытность ево, господина Юдина, у вас попросить, чтоб был у снятия на домне печати да разломания оной домны и вынятия колокола. Чтоб разломавши на низ опустить...»

Сообщение это не так просто и наивно, как покажется на первый взгляд. Кроме распоряжения ломать домну для «вынятия колокола», оно содержит весьма важную для Григория Сидорова информацию.

Дело в том, что по упомянутому уже указу Сената от 22 июня 1738 года Канцелярия главного управления Сибирских и Казанских заводов посылает Игнатия Юдина на демидовские заводы для переписи старообрядцев. Сообщая Сидорову о скором приезде Юдина в Нижний Тагил, Демидов даже не намекает, что ревизора надо встретить достойно. Это само собой разумеется, Акинфий Никитич предлагает «попросить господина Юдина» присутствовать при «вынятии колокола». Зачем? А для того, чтобы произвести на ревизора впечатление, мол, Нижний Тагил вовсе не раскольничье гнездо, враждебное законным властям и официальной церкви, а вполне верноподданное поселение. Хитер Акинфий Никитич! Многое предусмотрел. Опасных для него последствий ревизорство Юдина не имело.

А колокол получился великолепный. Как мы уже знаем, он имел «вид красивый» и «звук прекрасный». Значит, создавали его большие мастера. Но кто они, мы, к сожалению, не знаем, как не знаем имен и многих других талантливых демидовских умельцев. Можно только предполагать, что были они из Невьянска и владели секретами колокольного искусства.

Главным же секретом считалась подготовка сплава колокольной бронзы. От ее качества и зависела полнота и красота звона. А потому подготовка сплава — это алхимия, таинство. Для колокольной бронзы как нельзя лучше подходила колыванская медь. Позднее, в XIX веке, высокоценилась вуйская — опять-таки демидовская. Один из специалистов по колоколам писал в конце прошлого столетия: «...Опыт колокольных заводов говорит, что хорошие качества колокола зависят от соединения в известной пропорции демидовской меди... В какой пропорции соединять медь с оловом, это тайна каждого завода».

Итак, тобольский колокол получился! Правда, одна оплошность все-таки произошла. Акинфий обещал митрополиту отлить колокол в тысячу пудов, а он получился немного легче. Акинфий вышел из положения таким образом. 11 апреля 1739 года он пишет в Нижний Тагил из Невьянска:

«Григорий Сидорович

Послано к вам с Мироном Поповым два колокола для отсылки в Тобольск. Один с подсечкою. Этот в продажу охотникам... А второй для присовокупления с тысячным колоко-

лом для того, что было желание его преосвященства, чтоб реченный колокол вылит был в тысящу пуд, а мы в том весе утрафить ево не могли. Для того оный колокол в допологику к нему и послан без подсечки, а весу в нем 41 пуд 12 фунтов, и вы то число пудов совкупите вместе с большим колоколом и что в нем купно с малым колоколом всего весу явится, то число пуд вели подсечь на одном большом колоколе. Для того от нас означенной малой колокол без подсечки к вам послан. А как болшей колокол подсечен будет меня уведомить...»

И к этому посланию есть еще приписка:

«А всего весу будет в большом и малом колоколах 1011 пуд 22 фунту и тако против тысящного (колокола) излишку в весу явилось 11 пуд 22 фунту. Так на болшем колоколе и велите подсечь, а малой не подсекать как о том и выше показано».

Итак, истинный вес большого тобольского колокола получился 970 пудов 10 фунтов. Но формально Демидов как бы выполнил свое обещание — подарил Тобольску колоколов более чем на тысячу пудов. Но поскольку общий вес колоколов «1011 пуд 22 фунта» высечен только на большом колоколе, то все поверили, что это и есть его вес. И пошла «гулять» цифра по всем публикациям...

Предстояло еще доставить тяжелейший колокол в Тобольск. А это было не так просто. В марте Демидов уже заботится о подготовке коломенок и стругов на пристани Тагила и многократно дает указания, как лучше погрузить колокол-громацину на струг.

4 апреля он получил сообщение Сидорова, что колокол погружен, и в тот же день отвечает ему: «Ты пишешь, что колокол в понедельник в струг поставили вы благополучно и о том славим мы бога. Токмо ты нам не объявил: тот колокол с той же ли кобылиной поставлен в струг, на которой он был, или один без кобылин, и над коль отпущен или на обруб поставлен? И ежели на обруб, то надлежит вам ево всемерно на дно опустить...»

В каждом письме к Григорию Сидорову Акинфий Никитич дотошно вникает в малейшие детали всего, что связано с тобольским колоколом. В другом послании он заботится: не забыли ли положить в струг «блок со шкивом, которым он подыман был». Это, чтобы разгрузить в Тобольске. Но эта хозяйская забота вызывает и удивление, и уважение.

Еще об одном он наказывает строго-настрою: «Как оные стружки Тагилом проплывут и как им поможет бог Большекодский и Косой переборы миновать, без известия нас не оставлять. И будет ли твое рапортование верно, что оные переборы... вычистили хорошо и в проплытии оных стружков не было опасности. Обо всем оном хочу известен быть в немедленном времени». Это — из послания 19 апреля.

Опасения Акинфия Никитича не оправдались: речные переборы были вычищены, то есть освобождены от камней и углублены достаточно. Струги прошли без аварий до самого Тобольска.

Прибытие в Сибирскую столицу «тысячного» колокола занесено в «Сибирскую летопись» Черепановых.

«1739 год. В Тобольск привезен на коломенке колокол весом в 1011 пуд 22 фунта мая 31 дня. На гору подымали собравшимся народом июня 5 числа с третьего часу до девятого. А как в Кремль втащили был для его (т.е. в честь колокола — И.Ш.) звон во все колокола соборные... Лит сей колокол у Демидова на Тагильских заводах по заказу преосвященного тобольского Антония Стаховского...»

Так появился в Тобольске самый большой колокол Сибири, который служил своим звоном почти два века. К сожалению, дальнейшая его судьба нам неизвестна.

*Фото из архива автора
Слайд Олега Капорейко*

Валерий КОБЫЛИН

Повесть

Сыну Сергею

ПОБЕГУШНИКИ

Сараюшка представляла из себя малую часть длинного строения, предназначенного для хозяйственных нужд жильцов двухэтажного дома. Помещение без размаха, три на четыре, зато крыша высоко поднята, вверху просторно, можно бумажные самолетики запускать. Папа для завоевания этого воздушного пространства сделал дощатый настил, а к стене приколотил лесенку и четыре ступени. Получился как бы трап на корабле, по нему Мишка бравым юнгой взлетал на верхнюю палубу, которую папа невыразительно называл полатями. Внизу были сложены колотые дрова для титана, стояли рядышком папин мотоцикл и Мишкин велосипед «Орленок», а на палубу складывалось ненужное барахло.

В большой полиэтиленовый мешок с черными буквами «Аммиачная селитра» Мишка накидал коротких сосновых полешек — папа к своему приходу просил организовать ванну — и собирался уходить, но тут услышал, как над головой хрупнули доски настила.

Крыса что ли? Или кот Мурзик, которого хозяева Кузьменковы не пускают домой. Провинился Мурзик, какой-то ценный комнатный цветок съел...

Конечно, Мурзику там лафа. Летом, потеснив по углам палубы различный утиль, Мишка втиснул туда списанный матрац, покрыл его старым ватным одеялом и увенчал уютное гнездышко давним творением бабушкиных рук — огромной, в красную ягоду, подушкой. Несколько ночей Мишка с Ромкой скоротали здесь, слушали колдовскую мешанину затухающих шумов и звуков и вели разговоры на всякие важные темы. Засыпали поздно, а с утренним знобким холодком, под цоканье на крыше воробьиных лапок, тянули друг с друга одеяло, которое оказывалось почему-то узким и коротким.

— Мурзик, это ты? — спросил Мишка, просто так, для порядка, и в ответ сверху шевельнулось тяжело и тягуче.

Мишка взлетел по трапу и замер на предпоследней ступени. На него в упор смотрели чьи-то большие глаза. Некто, закутанный в одеяло до подбородка, сидел, привалившись к стене, и нелепо торчала странная, размазанная в полумраке и потому непонятно чья — маленькая голова. Неизвестный походил на пингвина.

Мишке стало страшно.

— Это ты, что ли, Ромка? — пробормотал Мишка, хотя уже понимал, что это не Ромка.

— Не ори, мальчик, не бойся! — торопливо и умоляюще зашептал непрошенный гость и отбросил одеяло. — Смотри, я совсем маленький и не страшный. Я ведь...

Поджав под себя ноги, свернувшись в комок,

сидел, словно приклеенный к стене, маленький человечек, похожий на гнома.

— Заорать хочешь?! Ну ори громче, зови ментов, все равно живым не дамся. Во! — в руке мелькнуло что-то длинное, тонкое, вроде вязальной спицы. — Воткну себе в горло и хана. Давай-давай, ори, зови, награду дадут, прославят. Предатель, бандеровец... — на жалобном, приглушенном тоне Гнома лежал пласт немой бессильной злобы.

Страх прошел, более того, Мишка сумел оскорбиться за «бандеровца».

— Чего ругаешься?! Я орать и не думаю, чего мне орать. Сам орешь. Ты кто?

— Иван-пехто. Не видишь? Сними очки.

Мишку осенило: зек, зек в побеге. И одежда, и остриженная голова — все зековское, как это он сразу не догадался. В двух километрах от поселка находится колония строгого режима. Угловая сторожевая вышка и белый забор видны от свинарника, когда идешь на рыбалку или за малиной в сторону Черного озера. Давно привыкли к этому соседству, и Мишка с Ромкой тоже: эта колония с незапамятных времен тут, с довоенных, ничего особенного. Некоторые офицеры и прапорщики живут в поселке, немало женщин работает в конторе при колонии. Вон прапорщик Семенчук в соседнем подъезде живет: толстый и неразговорчивый, всегда с увлажненными черничными глазами, словно их только что окатило ливневым дождем. В поселке изредка можно встретить бесконвойников, спешащих по своим делам: нормальные люди, улыбаются, шутят, только одежда у всех всегда одинаковая серая, скучная. Иногда доходил слух, что кто-то убежал, а позже уже говорили, что беглец пойман. Часто можно видеть солдат с овчарками. Ничего особенного, все привычно.

Гном встал, выпрямился и попал в полоску света. Фигурка щуплая, руки тонкие, голова маленькая и как бы сдавленная с боков, лицо некрасивое, пучеглазое и бледное, а ростом разве что на кепчонку Мишки повыше. Гном уже успокоился.

— А чего ты такой маленький? — спросил Мишка.

— Витаминов не хватало. Тебя-то мать молоком через титьку кормила, а я искусственник. Мать родила и сразу ушла на длинную дистанцию.

— Спортсменка, что ли? — высказал догадку Мишка.

— Во-во, спортсменка, — обрадовался Гном Мишкиной простоте. — Только сошла с дистанции, ни милиция, ни бабка не знают, где она сейчас. Прикрой дверь. Отца нет, ну был, конечно, лихой алкаш, говорят, умер. Прикрой дверь, увидят же...

Мишка соскочил с лесенки, плотно прикрыл

дверь, набросил крючок и остался внизу. В сарае заметно потемнело.

— Чего ты? — забеспокоился Гном. — Лезь сюда. А? Ты только не вздумай, а не то... — он приставил спицу к своему горлу, — моментально покойничка выдам. Буду лежать в крови, как поросенок, а тебя всю жизнь изжога будет мучить, потому что невинную сироту погубил. Лезь...

Мишка послушался, полез наверх, уселся рядом с Гномом. Какое-то первобытное чутье подсказало ему, что Гном не опасен.

— Как тебя зовут? — спросил Мишка.

— А на кого я похож?

— Ну, это... на гнома.

— Вот так и зови: Гном.

— А я Мишка.

— Вижу, что Мишка, а не медведь. А медведь шальной, он бежит за мной.

— Ты мальчик или взрослый? — вопрос был не по существу, от лукавого, Мишка понимал, что Гном не мальчик.

Гном кашлянул смешком и опять обрадовался.

— Во! В этом все и дело. Тут главный фокус-мокус. Не ты первый заблуждаешься. Пионерский галстук нацеплю — дашь свой галстук? — за пацана примут, никто не подумает, что мне двадцать лет. «Мальчик, мальчик, на скушай конфетку!» — «Спасибо, тетя», — и он скроил дурацко-жалобную гримасу на лице, изображая одновременно и добрую тетю и бедного мальчика.

Мишка смотрел на Гнома и приходил к выводу, что тот карлик. Видимо, не только в сказках, но и в жизни карлики могут встретиться, вот как сейчас.

Оказывается, бригаду Гнома выводили за зону копать канаву, какой-то подземный кабель лопнул, за час до возвращения он по-за кустиками увильнул в сторону и очутился в лесу.

— Культурно оторвался — повезло, сараюшку ты не запер — опять повезло. Не выдашь? Железно?

Мишка представил, как он подойдет к дяде Семенчуку, посмотрит в черничные глаза и скажет: «Дядя Семенчук, а зек-то беглый в нашем сарае сидит. Арестуйте его скорей». И дядя Семенчук сразу разговорчивым станет: «Спасибо тебе, Миша. А то я из-за этого бандита в глубоком расстройстве, весь убегался по лесам и болотам, устал, как собака. А теперь я успокоился. В газету про тебя напишем, Миша, а может подарок какой подарим...» Эта картина показалась Мишке настолько нелепой, что ему даже весело стало.

— Чего лыбишься? — рассердился Гном. — Чего скажешь?

— Не выдам. Железно.

— О'кей. А обманешь — отсижу свой срок, выйду и убью тебя. Я бешеный бываю, когда мне падло в грязной посуде преподносят. Доведут ме-

ня — держись: глаз выткну, нос откушу — гуляй уродом, — он приоскалился, скрипнул зубами и задергал щекой, словно комара сгонял.

Было не страшно, а смешно, и Мишка засмеялся. А Гном «согнал комара», успокоился и по-свойски заметил, что пора бы подкрепиться, пожевать что-нибудь существенное, вроде яичек и сальца. Услышав от Мишки, что в холодильнике, кроме яиц и сала, найдется и молоко, сморщился, продемонстрировал величайшую брезгливость и посоветовал молоком кормить Мурзика. А себе попросил приготовить напиток из литра кипятка и пачки чая, объяснив, как этот эликсир жизни приготовить. Затем дотошно расспросил о родителях и соседях. Пришлось выкладывать, что и как: не велика беда, не военная тайна. Мама уехала на неделю к бабушке; она сейчас в декретном отпуске. Папа работает в лесу вальщиком, бригадой руководит, домой возвращается не раньше семи вечера, а в семь утра снова уезжает на специальном автобусе в лес на делянку. А соседи как соседи: на работу ходят, в школу, в садик, кому куда надо. Кажется, из жильцов подъезда сейчас никого нет дома.

Гном попросил немного спиртику или одеколона, чтобы смазать ранку на ноге, оцарапался о проволоку. Мишка сказал, что в аптечке есть йод. Гном язвительно заметил, что если бы Мишка читал газеты, то знал бы, что с этого года йодом в медицине пользоваться не рекомендуют, так как зарубежные специалисты в нем обнаружили ядовитое вещество церюлий.

— Церюлий?

— Да, очень вредное вещество.

Мишка навесил замок и заковылял с неловким шеперистым мешком домой.

Через полчаса с закрытой черной сумкой он стоял на крыльце и тренированным взглядом обозревал подходы к сарайке: порядок, безлюдье, да и кто в такую погоду без дела будет болтаться на улице. Прошествовал к сараю. В сумке лежали десяток яиц, кусок свиного сала, полбуханки хлеба, панировочные сухари и початая банка китайской свиной тушенки. Побулькивал в литровом термосе чай, приготовленный по спецрецепту, и покоился в боковом кармашке сумки зеленый флакон огуречного лосьона.

...Гном прихлебывал из кружки коричневую жидкость и выговаривал Мишке за его бестолковость: в цифир сахар класть не положено, его потребляют с конфеткой во рту. Мишка же не поскучился, полсахарницы вывалил, желая хоть немного облагородить ядовитое пойло. Еда и питье осветили, омолодили Гнома. Глаза заблестели, голос набрал силу, вспыхнул на скулах пятнистый румянец и даже проклюнулось снисходительное хозяйское благодущие, будто эта палуба и весь сарай его личная собственность, а Мишка тут все-

го лишь гость. Остро пахло огуречной грядкой, а Гном откровенничал, делился планами на ближайшее будущее.

Сутки-другие надо бы отсидеться. Сменить зонтовскую одежду хотя бы на школьную форму, раздобыть рублей десять, чтобы в поезде не устраивать заячьих пробежек, а фон-бароном прокатиться в плацкарте. Добираться до железнодорожной станции лучше не на рейсовом автобусе. Купить билет на Мурманский поезд до Рикасихи, а там до бабкиной хатенки пешочком километров пятнадцать — раз плюнуть. Бабку надо навестить во что бы то ни стало. Там его, наверное, будут ждать и зацапают. А кто будет ждать? Да участковый Васька. Уговорят они с бабушкой Ваську, чтобы не борзел, чтобы дал передохнуть, разрешил сходить разок на налимов с переметом, бабушку ухой накормить. Васька — свояк, хоть и пятая вода на киселе, а родня. А потом в другую зону должны отправить досиживать, пусть и срок добавят, но обязательно в другую, иначе все зря...

— Не хочу здесь. Такие гады... Гад на гаде... — Гном насупился, погас, стал похож на старичка, но тут же оживился, полез за пазуху, сверкнув нательным крестиком, достал небольшую помятую фотографию. На табуретке чинно сидела серьезная старушка в больших валенках, а между валенок стоял, припадая к ней, мальчишка, похожий на мышонка.

— Это бабка, а это я. Восемь лет мне. Ну, как бабка?

Ничего выдающегося в бабке не было, совсем обыкновенная старушка, и Мишка высказался сдержанно:

— Подходящая.

— Мировая старуха! — поправил Гном Мишку и вздохнул.

— В письме пишет, что умирать собралась. Ни хрена: меня увидит — еще пятерик протянет, а то и больше. Я ведь у нее единственный и любимый.

Мишка считал нужным поинтересоваться, что же такого натворил Гном. Оказывается, в пятнадцать лет Гном спалил на лугу два стога сена. Рыбачил в сентябре, нечаянно искупался в одежде, решил погреться, а второй стог самостоятельно загорелся от первого. За ним еще кое-какие подвиги числились, и Гнома определили на два года в колонию для несовершеннолетних. Неплохо было ему на малолетке, Гному даже нравилось, там он в королях ходил. Правда, вышел перебор, одному фискалу пришлось ухо отрезать, двое держали, а он резал. Противно было, потому что уши грязные. Получил за ухо добавки три года, а когда стукнуло восемнадцать, привезли его вот сюда, к взрослым, в колонию строгого режима.

— Врешь, что ухо отрезал, — сказал Мишка.

— Может, и вру, — не возразил Гном.

Мишка пришел к выводу, что Гном не бандит, а обыкновенный хулиган. У них в школе хулиганы тоже водятся, вон девятиклассник Самарин в туалете взрыв устроил, всю школу дымом заволкло, и ничего — не исключили Самарина, поэтому Мишка проявил великодушие и амнистировал Гнома.

А Гном благоухал огурцами, сосал сигарету, и пряный огуречный аромат соперничал с тяжелыми волнами табачного запаха, перебивал его. Мишка нащупал рядом с собой пустой флакон из-под лосьона.

— А где?..

— Где... Там! — Гном хохотнул, хлопнул себя по животу. — Отличная штукенция для ослабленного организма.

Мишка даже удивился: когда это он успел. Но этот факт не шокировал его, в свои десять лет Мишка не был наивным простаком, слышал он и про любителей одеклона и даже знал их, например, Ромкиного папу, но относился к ним с полубрезгливой терпимостью, как к однокласснику Генке, который на спор мог разжевать и проглотить живую бабочку или кузнечика.

Мишка понимал, что делает он что-то не так, как надо, но это понимание держал под замочком и воли ему не давал. Помощь Гному благородна, исполнена риска и героичности, но враждебна дяде Семенчуку и солдатам, которые должны охранять осужденных и не допускать побегов. Нет, он, Мишка, не за бандитов, да он с настоящим бандитом, если надо, в смертельный поединок вступит, пожалуйста, не сомневайтесь. Но разве Гном похож на бандита?.. Куда ему, такому хиндрику! Ухо, говорит, кому-то отрезал, врет, наверное...

— Сейчас самый кайф, — сказал Гном, — захорошело. Сейчас я стихи читать буду. Свои. Внимание, уважаемая публика! Как-то выйдя на причал, Жора Муру повстречал. «Здравствуй, Мура дорогая», — разговор Жора начал...

Гном читал с выражением, слова старался выговаривать четко, немного подвывая, и в конце четверостишия на выдохе пришептывал. Левый глаз он щурил, словно целился, сочилась самоуверенная ухмылка. Правый глаз смотрел выпукло и морозно. Голова подергивалась на изношенной шее, как будто он глотал без воды таблетку, а она упиралась в горле.

Жора влюбился в Муру и, чтобы завоевать ее любовь, ограбил сберкассу. Перед такой дерзостью и мужеством Мура не устояла и тоже влюбилась в Жору. Но она, дурочка, опрометчиво доверилась школьному другу Вове. Вова — человек омерзительный, хотя имеет спортивную фигуру и нежный бархатный голос. Вова донес, и Жору взяли. Жора думает, что его выдала Мура. Он бежит из тюрьмы и, не выслушав объяснений Му-

ры, убивает ее. А когда узнает, как все было на самом деле, делает Вову инвалидом, отдаст последнюю десятку первому встречному хангыге и кончает жизнь самоубийством.

Лихо зарифмованное кровавое действие понравилось Мишке своей динамикой и экзотичностью. Никакой тягомотины. Все как в добротном детективе. Гном остудил Мишкин восторг приземленной просьбой: нет ли еще дома лосьончика? Лосьончика, конечно же, больше не было.

— На нет спроса нет. Меня сперва за стихи на руках носили, кормили, поили, и хоть бы пальцем кто задел. Дед бардом звал. Кто такой бард, знаешь? Ну, вот Высоцкий бардом был. Правда, я на гитаре не играю и петь не мастак, а все равно... Как у деда праздник, меня зовет, давай, Карлуша, выдай, потешь душу. А мне что, мне дай минуту для настроения, и я схожу погоню стихами на любую тему, на какую просят, могу для хохмы, могу для души. Дед любил печальное и всегда плакал. Добрый ко мне был, вы, говорил, вселучи, запомните и другим скажите, кто кар... барда обидит — изувечу, голову отверну.

— А кто такой дед?

— Человек. В большом авторитете был. Ладонью кирпич переламывал. Освободился дед — и началось... Есть там один, по кличке Гитлер... — Гном вздохнул со вскрипом и полез за новой сигаретой. — Эх! Мне не надо миллиончика, мне б сейчас глоток лосьончика. Хочешь, я сейчас для тебя стихи сочиню?

— Давай.

Гном помолчал, прокашлялся и начал:

— Мы по улице шагали,

Увидали Мукина.

«Здравствуй, Мукин! — мы сказали, —

Не встречал ты Хрюкина?!»

Тот башкою покачал:

«К сожаленью, не встречал!»

Мишка рассмеялся, попросил повторить и заучил забавные стишки.

— Понравилось? Ну вот, — Гном светился. — Таких людей самородками зовут, их надо ценить и помогать им. Правда? Таких, как я, мало. А? — и он оскалился в ожидательной улыбке, показав маленькие зубки.

— Мало, — искренне согласился Мишка, рассматривая в единстве поэтические способности барда с его уникальными физическими данными. — Может, один на всю страну.

— Один, — поддакнул Гном, — один-единственный.

«Хвастун», — подумал Мишка, и ему стало скучно. Приврать — это одно, это нормально, на это и сам Мишка охотник, но безудержных хвастунов он не любил.

— Ну, ты, почти что гений, — произнес Мишка иезуитским тоном, в котором кроме убийствен-

ной иронии имеющий уши ничего другого не услышит.

— Можно и без «почти», — спокойноотреагировал Гном. — Пушкин на кого походил? На обезьяну. Я тоже, сам видишь, больше смахиваю на макаку, чем на Ивана-царевича.

Мишка рассмеялся.

— Не смейся, это я к тому, что все талантливые люди товарного вида не имеют, зато у них — ум. Возьмем, к примеру, тебя. Вот что из тебя получится, когда вырастешь, — думаешь, Пушкин или какой там умный ученый? Не -а... Красивый здоровый бугай получится. Ты только не обижайся.

Мишка обиделся, тут не обидеться было просто невозможно. Ему помогают как человеку, прячут, заботятся, а он, карлик проклятый, еще и обзывается.

— А хочешь, если на то пошло... — угрожающе начал Мишка.

— Не хочу! — спохватился Гном. — Извини, Миша, прости меня, дурака. Это я с лосьону. Хочешь — шелкни меня, гада, по лбу.

Мишка не стал скромничать и шелкнул. Удачно шелкнул, удар не увяз в канавке морщины, а пришелся по костной глади.

— Молоток, — одобрил Гном.

— А стихи я тоже могу, правда, не так...

— Конечно. А кто сказал, что не можешь. Можешь, — и потер лоб.

Захлопали двери квартиры, зазвучали голоса. Мишка простился с Гномом, навесил замок, повернул ключ на два оборота.

— Халвы завтра принеси, — прошелестело из-за двери...

Пришел с работы папа, вкусно пахнущий костерным дымом и влажными опилками, как всегда, весело, шумно пришел. Помылся в ванне, пошел (он, когда мылся, обычно пел), выпил чаю и лег спать пораньше.

Мишка уснул не сразу, одолевали сомнения. К сладостному ощущению тайны примешивались неуверенность и тревога. Из темноты на него смотрели то испуганные, то усмешливо-наглые глаза Гнома. Как он там? Наверное, закутался с головой в одеяло, холодно все-таки в сарае, хотя под бабушкиным ватником не замерзнешь.

Утром после бритья папа упорно, но безуспешно искал лосьон.

Мишка решил не просыпаться. Папа успокоился, но вскоре очень громко начал радоваться в кухне.

— У тю-тю! — весело орал папа. — У нас же холодильник пустой, ни одного яичка нет. Это когда же мы с тобой успели?.. Кладу десятку под сахарницу, сходишь в магазин. Лады?

— Лады, папа, — проснулся Мишка, — это ко

мне вчера Ромка приходил, чего-то голодный такой...

— А! Ну-ну. Правильно, — сказал папа и ушел на работу.

...Гном встретил Мишку благостным стоном и подрагивающим от озноба голосом потребовал горячего чаю, потому что холодина хуже, чем в карцере, околеть можно запросто, придется Мишке хоронить его, гроб заказывать.

Мишка забрал пустой термос и начал крутиться как белка в колесе: сбегал в магазин — он был рядом — купил буханку хлеба, два белых батона, десяток яиц, три банки путассу в томатном соусе. Конфет хотел купить, их не было, а о халве вспомнил на обратном пути, но возвращаться не стал, сердито оправдался, фон-барон, халвы ему захотелось — обойдется, не маленький, тем более, что на плитке оставлен кипящий чайник.

Заждавшийся ворчащий Гном принял сумку с провизией и подал сверху розовый горшок из времен Мишкиной младенческой поры.

— Извини, конечно. Но кому-то надо выносить. Наверное, тебе.

— Чего тут?

— То самое, которое... — как-то мерзко хихикнул Гном.

Смущенный Мишка вышел на улицу, вытянув вперед и в сторону руку с горшком, как с дымной, стреляющей искрами головешкой. «Тут уж да, тут бы я и сам ничего другого не придумал», — трезво рассудил он и уже на подходе к помойной яме неожиданно нос к носу столкнулся с Ромкой.

— Привет! — сказал Ромка, помахивая опорожненным ведром. — А это чего у тебя? — и заглянул в горшок. — Ну, ты даешь!

— Бачок в туалете не работает, — рассердился Мишка, — изломался чего-то...

— Бывает, — посочувствовал Ромка, — ты к нам приходи, у нас бачок — как часы!

— Ладно, приду! — рывкнул Мишка и, словно бомбу, швырнул горшок в помойку. Из помойки взмыл в небеса кот Мурзик и, задрав хвост, ускакал прочь.

У Ромки была новость. Солдаты скоро будут осматривать чердаки, сарайки и гаражи, потому что из колонии сбежал очень опасный бандит, хотя и маленького роста. Говорят, в поселке прячется.

— Маленького роста?

— Ага! Шишкин вчера отцу сказал: маленький такой клопик. Дурачки подумают, что он мальчик, а он взрослый дядька. Бабку какую-то, говорят, зарезал, а вчера охранника легонечко так уложил на землю, потому что каратист. Автомат подхватил и бежать...

Похоже, не добраться Гному до родной бабушки, подумал Мишка, все про него знают, никак

ему не прорваться. Объявления развешат о розыске, мол, опасный преступник, рост такой, глаза серые... Читал Мишка такую бумагу в зале ожидания на автостанции, там и фотография была прилеплена. Ромка, конечно, хороший человек, но про бабуку и охранника врет, как сивый мерин. Вот сказать ему про Гнома, он бы рот разинул, ни за что бы сперва не поверил, а потом бы и посоветовал, и помог. Это уж точно: помог бы. Сказать? Нет, сейчас нельзя, завтра видно будет, или даже сегодня вечером. А сейчас Ромка ему не нужен, и чтобы отвязаться от него, Мишка печально сообщил, что ему велено идти в огород, на яму, перебирать картошку, гнить начинает почему-то картошка, придется попотеть пару часиков. Мишке ли не знать, что Ромка не сможет соблазниться гниющей картошкой.

— Плохо сушили, — изрек Ромка и принял озабоченный вид, — ладно, Мишка, я пошел, некогда мне с тобой тут трепаться. Дело у меня есть, — и убежал.

— Это кто? — спросил Гном. Он слышал часть разговора с Ромкой и, возможно, наблюдал через щелку. Пока Мишка восторженно описывал Ромку, Гном морщился и снисходительно кивал, а потом стал сочувствовать Мишке, который разбирается в людях, как некая хавронья в апельсинах. Он, Гном, через стенку, на слух, не глядя, сразу понял, что этот Ромка гаденыш. Таких, как Ромка, прессовать надо, держать в черном теле и на почтительном расстоянии от себя. Доверять таким людям нельзя: предадут, продадут за копейку.

— Может, ты вот гад, а он никакой не гад, — горячо заступился за друга Мишка, — Ромка совсем не такой. Понятно? Карлушечкин-Лягушечкин!..

— Да я ничего, — грустно согласился Карлушечкин-Лягушечкин, — не обзывайся, ты же пионер, — и он круто свернул разговор на другое: выразил неудовольствие завтраком, — мол, яйца с подозрительным душком, а путассу, к сведению некоторых, потребляется не на свободе, а в колонии строгого режима. Снова завел речь о десяти рублях и вольной одежде. Потом он все вышлет, все вернет с процентами. За ним долг не пропадет.

К Мишке опять стало назойливо и тревожно подступать предчувствие неудачи. Ничего у них не выйдет. Гнома поймают, не успеет он до бабуки добраться. Через два часа Мишке в школу идти, сыщики сейчас будут лазить по чердакам и сараяшкам, что же делать с Гномом... Мишка ввел в курс поселковых новостей Гнома, и тот заметно сник, вроде как загрустил. Ни в сараяшке, ни дома его оставлять нельзя. А сейчас все-таки надо перевести Гнома домой, пока будет идти досмотр подсобных помещений. Что будет потом, он не знал, не умел Мишка рассчитывать на три хода

вперед. К временному переселению из сарая в квартиру Гном отнесся с энтузиазмом.

В подъезде по две квартиры наверху и внизу. Мишка покрутился на первом этаже, надсадно покашлял, а потом издал душераздирающий вопль, на который сумел бы не отреагировать разве что покойник. Никто не отреагировал. А на втором этаже он осторожно толкнулся в двери Кузьменковых, оправдание на всякий случай было: под ногами крутился Мурзик, а Мишке вот жалко котика стало, пусть зайдет к себе домой, бедняжка, погрееется. Объяснение не потребовалось, дверь заперта, значит, никого нет.

Гном серой мышкой юркнул в подъезд, потом в квартиру. Переселение прошло благополучно.

Увидев на столе пять рублей с мелочью, Гном спрятал деньги в карман.

— Я пока возьму себе, а то забуду. Больше нет?

— Бери, больше нет.

Мишка полез в шифоньер. Любая Мишкина одежда, несмотря на худосочность Гнома, или трещала по швам, или не налезала вообще. Добрался до шерстяного спортивного костюма. Когда весной Мишка примерял этот костюм, кончики пальцев едва выглядывали на волю из рукавов свитера, а брюки были с жутким наплывом, как у клоуна. А мама была довольна: мол, костюм куплен с перспективой на вырост и очень даже по божеской цене, хотя и с рук, а к зиме Мишка подрастет. Повезло: костюм оказался впору для Гнома.

Гном был довольнехонек. Стал крутиться перед большим зеркалом в прихожей, запританцовывал и заговорил стихами под ритмику движений.

— Здесь не парят и не жарят, здесь берут, когда дают. Здесь кичмарят и чинарят, и колымушку поют. Ты любила да забыла, Любка, вспомни-ка удалого, молодого уголовника. Что пуховая кровать, что там сливки к кофею, память любит вспоминать и шептать: тебя ждет мать! Ша! Красавец, не рыдать. Хочешь морфию?..

Гном приплясывал, как-то нелепо, развинченно подламываясь в коленках. Наверно, это было смешно, но сейчас Мишке почему-то стало жалко Гнома и неловко за него. Мишка растерянно думал, что через час он пойдет в школу, а как же с Гномом быть. И, словно угадывая Мишкино состояние, Гном прекратил танец и сказал:

— Я, пожалуй, сегодня и уйду, днем. Вместе пойдем, ты в школу, а я куда-нибудь туда...

Вдруг глаза Гнома ошалело уперлись во что-то поверх Мишкиной головы. Лицо, как луковица на огне, стало съеживаться, страдальчески сморщилось.

В дверях стоял папа.

— Ну вот, значит, я не ошибся, — спокойно

сказал папа и вроде похвалил Мишку. — Рисковый ты у меня, сын.

Щелкнул замок. Папа запер дверь.

— Папа... — Мишка испугался и тут же ощутил облегчение и тихое ликование: груз Мишкиной ответственности сейчас автоматически ложится на папу, а папа у него самый умный и справедливый, папа найдет правильный выход.

— Папа...

— Дяденька! — вскрикнул, обгоняя Мишку, Гном.

— Давай, поговорим, Рафаил Момотов, — сказал папа, включил телевизор и выставил Мишку на кухню. — С тобой разговор впереди.

«Рафаил, Рафашка, — подумал Мишка, — турецкое, что ли, имя...» За дверью ржали кони и звенели клинки, шел фильм на басмаческую тему, и на этом экзотическом звукофоне невнятно бубнил что-то Гном. Но вот в телевизоре наступило затишье, кони умолкли, и стал четче слышен голос Гнома.

—...теперь, гады, изгаляются. Бригадир Ряцин, этот Гитлер, заставляет пятки чесать, и в бригаде почти все по нему, гад на гаде, пристегаи проклятые...

— Бьют?

— «Бьют». Лучше бы били, а то мучают, все насмежаются. Я Гитлера ночью сонного зарезать хотел.

— Ну?

— Струсил. Духу не хватило.

— Ты это выкинь из головы. Надо вот что...

Телевизор вновь взорвался пулеметными очередями и хоровыми воплями атакующих. Мишка прижался ухом к двери, но слышимость была отвратительная.

—...до бабки добраться. Не убегу далеко... Чтобы в другую колонию... Да, писал, писал я не... Ни хрена никому не надо. Не хо...

Тут раздался дружный залп, наверно, похоронили погибшего героя, и папа выключил телевизор.

— Запомни, ты не в победе, ты заблудился. Уснул в канаве или лучше за грибком погнался — встречаются еще опенки — заблудился. На меня случайно вышел около шестого столба. Поэтому мы идем вместе. К проходной зоны идем. Я тебя не веду, а провожаю, ты сам возвращаешься. Идешь обратно и радуешься.

— Дяденька, не надо... — и Гном тоненько завыл. — Не хочу-уу! Нельзя мне...

— Дурень. Иначе судить будут, квалифицируют как побег, два-три года добавят, а так тебе осталось, говоришь, пять месяцев — это же пустяки. Пять месяцев, да ты отщелкаешь их...

— Дя... — Гном плакал. Ровно и обреченно тынул на высокой ноте плач, похожий на вытье.

— Ну, потерпи, ты же мужик. Я поговорю с

кем надо, в другую бригаду переведут. Ну, не реви, Рафаша, а то как по покойнику плачешь. Я буду туда к тебе приходить, меня пустят.

Вой оборвался, слышались частные надорванные всхлипы.

— Пойдем, Рафаил. Чем раньше, тем лучше. Костюм снимай, нельзя в нем. Я тебе потом его принесу. Теплей в нем будет, зима на носу.

— Отберут, не надо...

Папа вышел на кухню, припал к окну и послал Мишку на улицу посмотреть кругом: крайне нежелательно, чтобы беглеца заметили в поселке, надо как-то незаметно выбраться за его пределы. Нет, что там ни говори, отец у Мишки человек замечательный, на все сто. Мишка обежал вокруг дома, в поселке спокойно, солдат не видно. Удовлетворенный разведкой, вернулся домой.

В кухне стоял маленький старичок, заплаканный, набычившийся, он выразительно глянул на Мишку.

— Это ты отцу сказал. Предатель, — и добавил грязные, ругательные слова.

— Нет! Я не говорил! — закричал Мишка. — Папа, скажи ему, что я не говорил. Папа! — Мишка чуть не заревел от обиды.

— Да нет, Рафаша, ты уж не грехи на Мишку и не ругайся. Я сам докумекал, — папа невесело рассмеялся. — Лосьон-то, конечно, ты выпил, охо-хо. Ну, как говорят, с богом, пошли...

Мишка смотрел из окна, как прошли неторопливо по дощатым влажным мосткам красивый высокий папа и ссутулившийся маленький Гном и завернули за угол. Шуршал за окном мелкий дождь, отдельные капельки его со всхлипом разбивались на подоконнике. Мишке было грустно, одиноко, обидно. Папа принял, конечно же, правильное решение, но все равно у этой истории несправедливый конец, что-то не так, до слез жалко Гнома, ведь он снова возвращается туда, где его обижают, где ему очень плохо. И халвы не купил Мишка Гному.

2

Шли дни. Папа хоть и навещал Гнома в колонии, но не любил разговаривать на эту тему. На Мишкины вопросы отвечал односложно, неохотно или просто отмалчивался. Мишка же не хотел быть назойливым и отступился.

В середине июля, когда сразу за детским садиком на мшистой болотине заподознивала ягодинок морощка холодной незрелой краснотой, папа получил письмо.

— От Рафашки, от Гнома, — объявил папа. — Помнишь?

Ну как же не помнить!

— Освободился. Уже полгода как освободился... Даже не зашел, прохвост. Написать хоть догадал-

ся, — папа был рад письму, и Мишка порадовался.

Письмо было веселое, с заметной хвастинкой.

Гном писал, что жив-здоров и живет на свободе претолчно. Живет в бабкином доме, и бабка еще ничего, кряхтит нормально. Гном благодарил папу за заботу и сообщал, что женился и стал фермером. Закупил восемь поросят-младенцев, один сдох, остальные растут и веселятся, с утра до ночи есть просят. Вспахал и засадил картошкой десять соток бросовой земли, которую закрепили за ним бесплатно. Картошка уже выборочно зацвела, будет чем осенью и зимой кормить хрюкающую ораву.

Вторую часть письма Гном обращал непосредственно к Мишке.

«...Привет, Майкл! Приезжай ко мне в гости. Езды — раз плюнуть. На поезде «Мурманск-Вологда» от вашей станции до моей Рикасихи всего-то восемь часов. А от Рикасихи до деревни Старая нужно автобусом или попуткой. Пятнадцать километров, даже меньше пятнадцати. Тут у нас не совсем потемки — даже электричество есть. Лес и река прямо под окнами, грибы, ягоды, рыба — все твое будет, только захоти. На рыбалку с ночевкой ходим. Отцу да матери дары природы привезешь. Все будет о'кей. Приезжай, только стукни, когда — я встречу. Халва там у вас есть? Если есть, привези хоть два кило, за халву зимой поросятиной отблагодарю. Для тебя, Мишка, свежая поросятина, как дрожжи для бражки. К сведению твоего отца: не пью, завязал, некогда и не очень хочется. Пока. Рафаил Момотов (Гном)».

Мишку удивило, что Гном женился и стал фермером. Не подходило как-то это все Гному. Врет, наверное... Интересно, подрос он или все такой же?..

— Пять раз я к нему в зону ходил. Не судили все-таки за побег, изолятором обошлось. С начальством переговорил: в другую бригаду от него-даев перевели, — с чувством собственного достоинства объяснил папа свои отношения с Гномом.

— Спортивный Мишкин костюм отнес какому-то уголовнику, — недобольно высказалась мама. — Шестьдесят рублей за костюм платила. Был бы сейчас Мишке в самый раз. Горе-покровители нашлись... — мама явно не симпатизировала Гному.

— А что, папа, взять и съездить? Пап? Вместе с Ромкой! — загорелось у Мишки.

Папа несогласно покачал головой.

— Нет. Об этом и речи быть не может.

Мишка разочарованно вздохнул, а папа пообещал:

— На следующий год, возможно, выбью отпуск в июле-августе, тогда вместе и съездим на пару деньков. А что: очень даже возможно. А пока —

нет. Ты же в Архангельск к бабушке в воскресенье едешь. Забыл?

Эх, папа, папа! До следующего лета целая вечность. Да и к следующему лету у папы найдется отговорка, мало ли... А об Архангельске Мишка не забыл. Архангельск — это пляж на Северной Двине, мороженое, чертовое колесо, плененный английский танк в парке отдыха, кинотеатр «Мир» с голубыми и красными залами и бабушка, приторно и занудно страдающая от Мишкиной нечуткости, от его, как она говорит, умопомрачительного эгоизма. На этот раз Мишка берет с собой Ромку. Ромкин вопрос уже согласован и одобрен во всех инстанциях.

— Не забыл, — сказал Мишка. — Чего мне забывать-то... — и задумался о приглашении дерзновенного и жалкого Карлуши, стихоплета и любителя лосьона.

Желание побывать у Гнома упрямо вызревало в Мишке весь вечер, обрастало ласкающими душу робинзоновскими и том-сойеровскими деталями. Уснул спокойно, к утру желание не угасло, наоборот, вызрело до крайней необходимости. Поделился с Ромкой своими соображениями, и Ромка не засомневался ни на секунду: обязательно надо ехать к Гному. Ромка в Архангельске не бывал и очень хотел бы покрутиться на чертовом колесе, понаслаждаться мороженым, но приглашение загадочного Гнома мгновенно перечеркнуло перспективу окунуться в мир городских прелестей.

— Едем к Гному! — решительно высказался Ромка. — Только секретно, чтобы никто не знал.

— Совершенно секретно! — поставил точку Мишка.

3

...До железнодорожной станции Плесецкая добрались на рейсовом автобусе за сорок минут. У папы выдалось рабочее воскресенье, и провожала ребят к поезду Мишкина мама, оставив восьмимесячного Сережу у соседки тети Тани.

— Ты не провожай, мама, — пробовал уговорить ее Мишка, — чего тебе: взад—вперед... Я не маленький, мне уже почти одиннадцать. Да и не один я, с Ромкой.

— Нет уж! — решительно возражала мама. — Билеты вам возьму, в вагон посажу — и на душе спокойно будет.

На станции она купила два билета в плацкартный вагон. До прибытия поезда «Москва-Архангельск» оставалось больше часа, и мама стала давать наказы, как вести себя в пути: не разгуливать без нужды по вагону, не торчать в тамбуре и — боже сохрани! — не переходить из вагона в вагон. Бабушка встретит их на вокзале в Архангельске, папа послал вчера телеграмму.

Мама передала Мишке сетку. В сетке заряженный маслом батон, термос с чаем, с десятком яб-

лок, словно выкупанных в сладком солнечном настое. В полиэтиленовом пакете покоится теплая фиолетовая кофта для бабушки, в два боковых кармана ее положено по флакончику лекарства.

— Лекарство не разбейте. У бабушки в городе нет «Пустырника», я вот достала, — похвалилась зачем-то мама перед Ромкой, а Мишку предупредила, — деньги не вытряси.

Родители Мишке на поездку выделили сорок рублей. Из них восемь рублей ушли на билеты — как понимает Мишка — впустую ушли, на ветер, а тридцать два рубля в заднем кармане брюк отдыхают до лучших времен. Вон и Ромка хозяйственно поглаживает свой карман — в нем хрустящая десятка, полученная от своего отца, дяди Коли. Тридцать два да десять — сорок два. До Москвы можно прокатиться, не только до какой-то Рикасихи.

К перрону степенно подвалил пассажирский состав во главе с двумя тепловозами. Ребята и мама в числе первых зашли в вагон, который, как по заказу, остановился прямо напротив них.

— Ну вот, — сказала мама и взглянула на часы. — Вроде все нормально. До моего автобуса полтора часа, может успею в магазин.

— Можете, тетя Света, и не успеть, — заметил Ромка.

— Тогда я побежала. Вы уж, пожалуйста, посмотрите за ними, — обратилась она к лысому толстому дяде, располагающемуся в их купе.

— Посмотрим, — басовито согласился дядя.

Мама чмокнула Мишку в щеку, проворно нырнула ладошкой в Ромкины волосы и исчезла. Через минуту ребята прыгнули на перрон со ступенек неродного седьмого вагона.

— Эй, ребята! Сейчас отправляемся! — жалобно донеслось из окна вагона.

Вагоны мягко заскользили вдоль перрона, увозя обеспокоенного лысого дядю в Архангельск. Мишка почувствовал, как в него вливается праздник, и, вкусив сладость его, уже не сомневался, что именно испытывали путешественники Миклухо-Маклай и тот же Том Сойер с друзьями, когда они отправлялись в неведомое.

Через полчаса они отсчитывали шестнадцать рублей восемьдесят копеек за два билета в купейном вагоне на поезд «Мурманск-Вологда» до станции Рикасиха. А неудачная попытка сдать неиспользованные билеты до Архангельска ничуть не огорчила их.

— В купейном, — даже облизнулся Ромка, — как мистеры-твистеры поедем.

Мишка от избытка чувств сделал Ромке легкую смазь, за что Ромка моментально отвесил Мишке дружеский пендель. Обменявшись любезностями, решили запастись подарком для Гнома. В газетном киоске купили за рубль картину, форматом чуть побольше тетрадного листа и похожую плот-

ной гладкой бумагой на фотографию. На ней изображен красавец-ковбой верхом на вороном коне, голый до пояса и с суперавтоматом в руке. Внизу надпись: «Рембо III». По мнению Ромки, подарок совсем ерундовый, но Мишка решил иначе, помня об отношении Гнома к физически сильным людям, которые смогут слабого защитить и для остротки ладонью кирпич переломить.

В восемь часов вечера их купейный вагон зеленым кораблем поплыл в сторону Рикасихи. Ребята оказались единственными пассажирами в купе. От постельного белья они отказались. Попили чаю из термоса, закусили батонком с маслом и, поделив яблоки, забрались на верхнюю полку. Мишка подумал, что второй билет вообще можно было не покупать, не тратить попусту деньги, вон как шикарно устроились вдвоем на одной полке.

За окном лес то убегал от поезда, то догонял его. В вершинах деревьев играли солнечный зайчики — оранжевые отсветы от полыхающей где-то за лесом вечерней зари. Иногда лес обрывался, и мир за окном вагона вспыхивал золотым пожаром. Мимо проносились хлебные поля, огороды, цветные станционные будки, маленькие поселки. Женщина в белом, с граблями в руках, пыталась рассмотреть Мишку из-под околышка ладони...

4

— Рикасиха! — дергали Мишку за ногу. — Просыпайтесь, ребятки! Вам до Рикасихи.

Мишка открыл глаза. Проводница теребила Ромку за ногу, а он отбрыкивался. За окном вагона, над лесом, срезая вершины высоких деревьев, летало, не отставая от поезда, свежеспеченное солнце, еще не расплывшееся в жарком мареве. Вползало крадучись, словно из-за угла, желтоватое здание с вывеской на лбу под фуражкой-крышей — «Рикасиха».

Ребята вышли из вагона. Огляделись. Поселок с приземленными бараками, частными серыми домиками, наставленными невпопад, и без единого зеленого деревца в зоне видимости не радовал глаз. Вдоль железнодорожного полотна горбатились завалы из бревен и досок, которые, видимо, давным-давно, напрочь забытые людьми, гнили и истлевали под открытым небом.

— Как на кладбище, — сказал Ромка, — и пахнет невкусно, как...

— Как, как, — и кучка, — опередил Мишка и вздохнул. — А папа старается в лесу, пилит да валит деревья. А чего зря пилить, если вот так...

И они двинулись на станцию узнать про автобус.

Про рейс на Шолгу дежурный с наклепленным газетным кусочком на обгорелом носу ничего определенного сказать не смог, пробурчав, что автобус к этому поезду ходит не ежедневно, а избирательно, по особому графику, им, железнодоро-

рожникам, неизвестному, но вот через два часа некий Степаныч повезет пустые бидоны в Шолгу, Степаныч, возможно, их и подбросит.

Стали ждать Степаныча. Вскоре он подъехал, веселый, говорливый мужик. Взял с ребят по рублю — не скупердяйничайте, сейчас рубль — не деньги, и велел лезть в кузов с бидонами.

Дорога была разбитая, а может, просто веселая, как и сам шофер, не сбавляющий скорости и перед глубокими рытвинами. Бидоны поодиночке и артельно кидались на пассажиров. Атаки приходилось сдерживать руками и ногами. У Мишки даже в животе заекало от такой прыгучей езды.

Примерно через полчаса Степаныч неожиданно высадил ребят среди клеверного поля и махнул рукой в сторону маячившей за полем стайки берез:

— Вам туда!

До конечной цели Мишка и Ромка благополучно добрались к полудню. Крайний дом с осевшим подворьем походил на живое глазастое существо, которое раскинуло длинное серое туловище на солнцепеке и сейчас, чуть присев назад, задорно вздернуло голову и с игривым любопытством рассматривало гостей. Жилой частью, видимо, была только эта глазастая голова — передок дома с тремя окнами на лицевой части и по одному с боков. Голова ехидно шурилась крайним глазом. Этот прищур получался из-за перекошенного оконного проема. Мишка приятно удивился: с лица дом походил на Гнома. Среди печальных полуразвалин видны были еще две жилых избы, но Мишка не сомневался:

— Вот тут, — сказал он...

5

— Н-но! Пошла, буланая! И какой русский — не взбрыкивай! — не любит быстрой езды! Полюбились девке речи, что Пахом вещал ей с печи. Веселей, кикимора! Мишка, Ромка, обгоняйте ее!..

Наталья, сверкая круглыми коленками, легко бежала по полю, расцвеченному красными и белыми головками клевера. На плечах у Наталии восседал Рафашка-Гном, прилав кудрявой черной головкой к растрепанному русоволосию, и держался руками за женскую голову и шею. Хорошо сидел Гном. Мишке он показался сейчас шмелем на цветке.

— Ох, ты моя кобылка породистая! На хлебах вскормленная! Мы едем, едем, едем в далекие края! Сейчас она отреагирует! Может, бить начнет, так вы выручайте. Она, зараза, бьет насмерть, вырубает сразу. Только мешки не потеряйте, шибзики!

Предупреждение о мешках адресовалось Мишке, ему выпала честь тащить в веревочной связке

четыре мешка для травы. Наталья косилась на ребят, бегущих чуть впереди, и лицо ее уродовалась смятая бегом улыбка: мол, конечно, немного я в неловком положении, но вам весело, мне весело — всем хорошо, у всех праздник...

— Цирлочка моя великолепная! Мурлин Мурло! Внимание, Мишка! Два, три... — Гном выбросил вперед корпус и, вывернув шею, что-то негромко сказал Наталье. Что именно, ребята не расслышали, но в тот же миг всадник, тоненько вскрикнув, оторвался от своего «коня», распластавшись в воздухе, полетел в траву и зрелищными кувырками в клевере преодолел не менее пяти-шести метров. Приземляясь вполне благополучно, Гном собирался вскочить на ноги, но Наталья навалилась на него, как куклу, ловко перевернула лицом вниз и уселась ему на ноги. Схватив поверженного за большие уши, стала с силой их накручивать.

— А-а-а! Миш... Ро-оо... Задушит! Ще... ще... котите ее. Она щекотки боит...

Но Мишке и Ромке не хотелось щекотать Наталью. Если честно, было страшновато, уж больно ярко полыхал синий огонь в ее глазах. Гном как-то сумел вывернуть к солнцу перемазанную в земле и зелени мордашу и теперь жалобно и четко причитал:

— Миленькая Натальюшка! Золотце мое! Голубка сизокрылая! Не бу-уду больше! Да больно же! Прости, любушка моя!

Синий пожар угас. Наталья встала, отряхнулась, легко подняла на ноги Гнома, прижала его голову к своей груди, шумно дую на истерзанное ухо, и виновато улыбнулась Мишке и Ромке.

— Прохиндеи трусливые! Не выручили... — придавленно просипел Гном.

Когда двинулись по кособору вдоль речной излучины, Гном уже посмеивался над случившимся, прижимал к уху целительную травяную жвачку, приготовленную Натальей прямо на месте экзекуции, и ласково поглядывал на свою жену. Она улыбалась ему, шевеля губами, и слышалось низкое и монотонное: «ы...ы».

— Это она поет, — сказал Гном. — Взрослый человек, а как ребенок.

«Сам ты, как ребенок, — подумал Мишка. Подумал с неприязнью. — Уселся на свою жену, как на лошадь, и поехал. Ладно, прокатиться шутя можно, Мишка тоже в малышевом возрасте на папиных плечах любил покататься. Но зачем обзывать и оскорблять? Хвастун и дурачок: сейчас, говорит, поеду, если нет — вы мне десять щелчков, если да — я вам по щелчку. Чего-то пошептал Наталье, она присела, он взобрался, как черт на колокольню, и... поехал. И начал выпендриваться... Веселый, гад...».

Гном словно прочитал Мишкины мысли:

— Не заводись, Мишка. Я, может, из другого

мира, только об этом ни мне, ни тебе, никому пока знать не дано.

— Он — домовой, — сказал Ромка.

— Вот — домовой, — ухватился за подсказку Гном. — Поэтому зовите меня не Гномом, а Рафашкой. Хватит...

Пришли на место: на небольшую полянку, выкошенную, огороженную упругими темно-зелеными кустами вереска. В центре поляну венчала копна, из-за длинных березовых жердей, пристегнутых к ней по бокам, похожая на индейский вигвам. Ребята нырнули в копну, как в воду, и развалили ее. Стали набивать мешки подсохшей, ароматной травой. Самым большим, тяжелым и тугим, как мяч, оказался Натальин мешок. Ромка даже приподнять его не смог.

Гном, глядя на Ромкино бессилие, предложил Мишке побороться и в мгновение ока уложил его на лопатки. Но когда Мишка и Ромка вдвоем напали на Гнома, тому пришлось туго, хотя и тут он вышел победителем.

— Давай еще, — предложил Ромка. — У меня приемчик один есть в запасе.

— Жидковаты казачки, — снисходительно отметил Гном. — Пошли.

Взвалили на плечи мешки и двинулись к дому. Мешок у Мишки сперва сползал с плеча, и его приходилось выправлять подергиванием плеча, но скоро Мишка и мешок приноровились друг к другу. Травинки под рубашкой и струйка пота щеко-тали спину.

— А я, Мишка, поэму пишу, — слышалось из-под соседнего мешка. — Про колхозную жизнь во времена Сталина. Называется «Жил-был дедушка Пахом».

Ромка хихикнул.

— Мишка, не хихикай. Плакать и смеяться можно, а хихикать не смей.

— Я и не хихикаю, сперва узнай... — пробурчал Мишка, недовольный ошибкой Гнома. А у Ромки аж мешок на спине затрясся от хихиканья.

— Кончайте зубы скалить. Тихо! Послушайте начало. Грубовато местами, но зато все правда. Моя бабка тому судья. Дили-бом, дили-бом, жил-был дедушка Пахом. Лысоватенький, конопатенький, два бальзаковских уса, пузо круче колеса. Был Пахомушка речист, скандалист и сталинист. «Отчего теперь на мне дорогие брюки? Оттого, что Сталин наш брюкам дал большой тираж, суй, знай, в брюки руки — вот какие штуки. Отчего с печей видны коммунизма дали? Оттого, что завстраны наш родимый Сталин». Не любил Пахом работу: неохота. На колхозную работу кости мять? Наплевать. Председатель Пешкин Славка, у него большая ставка, пусть идет навоз кидать. В душу мать. Ох, долги в колхозе дни, ох, долги, со щепотку трудодни — лезь в долги. Тащат бабы редьку в город, где ни ткнишь — пердеж и голод...

Мешок слева затрясся и запрыгал, словно в нем сидела пара вздорных котов, сказал «ой!», пошел боком, боком и грохнулся, взбрыкнув Ромкиными короткоштаннами ногами.

Гном развернулся и, убедившись, что крушение произошло не у Мишки, а у Ромки, двинулся дальше и продолжал чтение. Гном заметно выделял Мишку и не особо маскировал свое пренебрежение к Ромкиной личности.

— ...Гнутся в поле старики, а о том, как девки роєм один рыжик берут с боем, горько плачут кулики. Кулики, кулики куликают у реки, беги, девка, из колхоза, пока ноженьки легки. Беги, не бойсь, тот, кто молод, тому в город, а не то и ноги врозь. Хуже нет, когда людишек у мякнинных у коврижек приколачивают на гвоздь...

На «гвозде» Гном споткнулся и растянулся на траве. Сбоку что-то завсхлипывало и заклохотало.

— Это она так хохочет. Весело ей, что я свалился, — пояснил Гном и объявил привал. Все по примеру Гнома уселись на свои мешки.

— Ну, как мое начало?

— Интересно и смешно, как в анекдоте. Я даже грохнулся от смеха, — дал весьма высокую оценку Ромка.

— Подходяще, — более скромно оценил Мишка. — Только у тебя там слова ругательские есть. Не напечатаят.

— Напечатаят. Сейчас можно. Еще с руками оторвут! Гонорарчика тыщонки две хапну. Наталья... Наталья! — заорал Гном, — Брошь позолоченную тебе куплю на цепочке, — и он жестикулировал руками, поясняя суть сказанного. Наталья поняла, привычно зацвела в улыбке и погладила Гнома по голове.

— Как дитя малое, — вздохнул Гном, и вздох этот показался Мишке по-отечески теплым. — Что взять с дитя...

Гном рассказал, что он в районке уже дважды напечатался — дома покажет газеты со стихами. Познакомился с членом редакции, умным мужиком Августиновичем, Августинович — член партии анархистов-синдикалистов, и Гном записался в эту партию.

— Анархисты — это понятно. А синдикалисты — это что? — спросил Мишка.

— А я и сам не знаю. Знать не обязательно. Зато Августинович поможет мне протолкнуть поэму куда надо. Как однопартийцу... Связи у него...

Двери сеновала были гостеприимно распахнуты. Ребята без лесенки вскарабкались наверх и втянули мешки, которые подала им снизу Наталья. Стали вытряхивать траву из мешков, и на сеновале выросла целая гора до крыши. Густой свежий аромат набивался в ноздри, кружил голову. Мишка издал свой разбойничий клич и нырнул в траву, Ромка последовал за ним, перекувырну-

лись несколько раз и вывалились из травяных объятий чуть не под деревянные вилы Гнома. Гном скидал, прихлопывая, траву в задний угол, и ее оказалось совсем не много. Внизу без требовательных визгливых ноток, сытно и дружно запереговаривались члены поросычей семьи.

— Чайку с черничной попейте-ка, — ласково проскрипела из сеней баба Глаша. — Чернички набрала маленько.

Ребята хватили из блюда черники по две полные горсти, вычернили губы и языки, а от чая отказались. Не хотелось, да и некогда. Предстояла вторая ходка за травой, а на обратном пути планировалось купание в реке...

6

Пятый день живут ребята в гостеприимном доме Рафаила Момотова. В доме Гнома. Хотя никакой он не гном и не карлик. Просто — человек низенького роста. (В самом деле, Гном подросток. Он стал выше Мишки на полголовы, хотя за прошедший год Мишка не отсиживался, а тоже тянулся кверху).

Позади Рафашкиного дома — грядки с репой, морковью, горохом, луком, чесноком. Старая черемуха раскорячилась посреди большого поля, засаженного картошкой. Ботва упругая, дружная, местами цветет сиреневыми и белыми цветами. С часок тяпками поработали, доокучивали низовой глинистый уголок, где ботва заметно отставала в росте.

Мишке нравится в деревне, а Ромка покрякивает. Ромка — юморист, придумал вот, когда у него все идет на лад, он не говорит «хорошо», а крикает, а когда дела неважные, грустно мяукает.

Большой старый дом обследован и освоен от чердака до погреба. В горнице, жилой части избы, слева от входа расположилась огромная русская печь с лежанкой и тараканами. У окна перед красным углом, где величественно красовалась большая бледноликая от старости икона, одетая в цветастое полотенце, стоял обеденный стол, выскобленный ножом до младенческой лысоватости и по случаю приезда гостей покрытый кружевной скатертью. К столу сбегались с двух сторон скамейки — лавки, как называл их Рафашка, намертво закрепленные вдоль стен, словно на танцплощадке. В объятиях огромной деревянной рамы, рядом с небольшим, треснувшим сбоку зеркалом, теснились разноформатные полувыцветшие фотографии. Среди них сверкал глянцевой свежестью Рембо III. К нему Рафашка отнесся равнодушно, зато Наталья восхищенно заклокала языком и губами и погладила Ромку по голове. В кухне из-под полукружья кирпичной кладки приветливо щерится печной зев. Навесной посудный шкаф заставлен рабочей посудой. На лавках и на полу — тазы, ведра, чугуны, горшки, горки кри-

нок, из подпечья выглядывают гладкие концы ухватов. Здесь хозяйничают попеременно Наталья и баба Глаша.

Через мрачноватые, всегда прохладные сени, которые пахнут сухим березовым листом и скрипят под ногой, попадаешь не только в горницу, но и в холодную комнату, кладовую, где стоит ларь для муки и дюжина коробов, корзин, мешков, ведер, бочонков, заполненных зерном, крупами, горохом, сухарями и бог знает чем. Часть тары, правда, уже пустая. Здесь же ютится лежанка из дощатого настила, заваленная старыми одеялами и поношенной верхней одеждой. В конце сеней четыре ступени приглашают вверх на сеновал.

Первую ночь ребята переспали в горнице, на полатах, следующие три — на сеновале. На сеновале спать величайшее блаженство. Блаженства через край, даже сон пропадает от его избытка. Запах травы сладко одуряющ, хочется возиться, кувыркаться, что они и делают под одобрительное похрюкивание жильцов этажом ниже. Правда, потянет иной раз снизу через щели специфический душок, но быстро завязнет и растает в сенном аромате. Сочится лунный свет через щелястые двери-ставни и приятно волнует расположенный напротив, в каких-нибудь ста метрах от них, дом-полуразвалина, в котором, по рассказу бабы Глаши, отделными ночами манит, появляется давным-давно умерший под Воркутой высланный хозяин дома Федор Иванович. Федор Иванович гуляет в доме и около него всегда в белой одежде. Вчера Ромка долго паял в ночь через самую большую щель в ставнях, хотел выследить Федора Ивановича, тот, конечно, не помаячил, а может, светлую одежду на темную сменил.

На сеновале обнаружилось осиное гнездо, сплетенное и склеенное из травы, в виде колпачка, прилепленного раструбом к брусу под гребнем кровли. Осы миролюбивые, но когда ребята устраивают сражение, насекомые начинают беспокоиться, высылают трех-четырех блюстителей порядка, и те угрожающе гудят, кружась над ребятами, как истребители. Приходится прятаться под одеяло.

Позавчера, когда баба Глаша наведальсь с кормом к пороссятам, перебрались на карачках по ветхой потылице над сенями на чердак. Обнаружили деревянную «Г»-образную прялку, заряженную полуистлевшей куделью, церковную книгу с ободранными корками и многочисленными твердыми знаками в мудреном тексте, учебник ботаники за 1958 год. Ни старинных монет, ни какого-нибудь завалыщегося холодного оружия недавних времен отыскать не удалось. Зато из короба с ветхим тряпьем вспугнули желтоглазую мышь, и Ромка в охотничьем азарте едва не прихлопнул ее «Ботаникой».

Баба Глаша строго наказала Ромке на сеновале не курить, почему-то заподозрив в Ромке тайного кураку. Ромке пришлось неуклюже, с надсадой оправдываться, что он не верблюд.

Баба Глаша маленькая, седая, с единственным передним зубом во рту. Ромка негласно окрестил ее бабкой Мышкой. Неслышно, как мышка, бойко семенит она по избе взад-вперед, чаще кипятит, варит, жарит и парит на кухне, колдуя перед печным шестком, и внезапно появляется за спиной. Баба Глаша видит и слышит плохо, ей уже за семьдесят. Голос у нее тонкий, как у девочки-дошкольницы, говорит часто, густо, но четко и громко, получается, вроде как всегда орет, а по жизни она старушка добрая и веселая. Все путает Мишку с Ромкой. Ребята подозревают, что путает она нарочно, чтобы веселей было. За столом баба Глаша советует Ромке:

— Мишенька, ты молочка помене глони, а хлебушка поболее укуси, сила будет, как у Муромца.

Ромка мычит, а Мишка, принимая замечание на свой счет, с набитым ртом пытается разъяснить ситуацию.

— Я и так... А вот Ромка...

— А? Чего ты бормочешь? — орет баба Глаша, наострив ухо на Ромку. Она не то чтобы скупится, а берет молоко на жесткий учет, потому что своей коровы давно нет, молоко по четыре литра носит Наталья от своих стариков.

Баба Глаша любит поговорить, и разговоры с Мишкой и Ромкой ведет на равных, игнорируя разницу в возрасте, судачит с ними, как с подружками-старушками.

— Рафаша, он в мою малорослую породу. Эка невидаль — невелик — все мы были от земли невысоки, а с тела всегда здоровы. Мал золотник, да дорог. А што Наталья убогая, так на то воля божия. У их в роду одна она девка увечная, родители да сестры у нее все здоровые. Да и она ведь кровь с молоком, только вот... Помогли ей, мать божия, заступница за убогих, родить здорового ребеночка. Я их свела, мне и перед богом ответ держать. В Шолге муж да жена Огарковы проживают, оба глухонемые, четверых девок нарожали и каждая говорит-поет, да за версту любовью шепоток слышит. Ты, Мишка, поди, тоже жениться скоро надумаешь? Искать невесту-то? А? Тебе шестнадцать есть ли, или больше? А? Одинадцать... Да ты што, парень! Дрожжами тебя кормят, што ли...

Рафашкина жена Наталья — женщина крупная, статная, высокая, пожалуй, не ниже Мишкиного папы. Макушка Рафашкиной головы до Натальиногo подбородка не достает. Сам он выглядит рядом с ней пацаном. Ромку это смешит, и он то и дело, не сдерживаясь, хихикает. Из-за этого, наверно, Рафашка Ромку и недолюбливает. Мишке тоже забавно, но он старается вида не по-

казывать. Лицо у Натальи некрасивое, с толстыми, как у комической матрешки, щеками, и нос картошкой. А вот глаза большие, кажется, будто с пол-лица, и синие-синие, но не как небо или полевые васильки, а как у мамы разведенная синька в тазу.

— Глухонемая — это хорошо! — с пафосом заявляет Рафашка, косясь на Ромку. — Это даже отлично. Считайте, что мне повезло. Ругаться, орать не может. Раз! И какую бодягу по ее адресу не завернешь — ничего не слышит. Два! Улыбается себе как Маша с Уралмаша, и нате вам. А сила бычья. Одна за двух мужиков ломить может. Турист из Вологды, здоровенный бугай, пошутить с ней задумал — сразу в медпункт угодил с вывернутой рукой. Она ведь что... Она, как борец Поддубный, как... собор Парижской богоматери. Она и сына мне родит богатыря. Это три.

Он смотрит на Ромку, Ромка не ухмыляется.

— Может, сына Мишкой назову. Ромка — не то, имя какое-то пустячное, золотушное...

— Сам ты золотушный, — моментально вспыхивает Ромка. — Болдуин сто двенадцатый.

— Который? — вроде бы свирепеет Рафашка.

Мишка гасит назревающий конфликт. Однако эта взаимная легкая неприязнь ничуть не угнетает Ромку.

Конечно, Рафашка паясничет, но, похоже, ему нравится превозносить достоинства своей бессловесной жены. Наталья относится к своему мужу, как старшая к младшему: она и постарше его на пять лет. К Рафашке она также ласково снисходительна, как к Мишке и Ромке. Ромку почему-то она заметно предпочитает Мишке, то и дело тянется ладонью к его ершистой волосне, чем очень раздражает Ромку. Симпатия Натальи ему не льстит. Рафашка Наталью иногда именует Хричамундрой. На Мишкин вопрос — что это значит — ответил, мол, в переводе с индийского языка на русский означает «милушка моя». «Врет, — сказал, как отрубил Ромка. — Это ругательное слово».

Раз-два в неделю Рафашка ездит в Шолгу. Вчера привез для себя полрюкзака книг и журналов, вывалил на пол свое добро, словно Дед-Мороз новогодние подарки. И стоял, сиял тихо, довольный до крайности.

— Подфартило. Даже Ахматову привез. Разбирайтесь, оглоеды темные!

«Оглоеды» набросились на литературу, но заинтересоваться ничем не смогли: журналы были все толстые и без картинок. Да и читать не хотелось, особенно Ромке.

Рафашка читал быстро, много и везде, в самых неподходящих местах: за обеденным столом, по дороге за травой, в поросятнике и даже на «веселом помосте».

Баба Глаша посмеивалась:

— Это он дурь свою вышибает. Пушшай, может ученым писателем станет. Только бы поросят не зачитал.

На третий гостевой, дождливый, с громом и молнией, день, когда Рафашка и Наталья с утра укатили на попутке в Шолгу, чтобы отовариться в магазине хлебом и решить какое-то дело в колхозном правлении, баба Глаша поведала прилежным слушателям, Мишке и Ромке, о многом новом.

Родители Натальи, небедные детьми, сдали ее девочкой в специнтернат. Дед и бабка, живущие в деревне, пожалели внучку, забрали к себе. Их пятистенок около колодца-журавля стоит. Сперва Наталья в Шолге на молокозаводе работала, ежедневно по двенадцать километров туда и обратно, когда на попутке, а чаще пешком. А когда в девушку, ладную да сильную, обернулась, затосковала, заблажила: то кринку о пол шмякнет, то кинет чем около шолгского клуба в проходящую мимо влюбленную парочку. Ее шолгские девушки скопом поколотить собирались, да так и не собрались, понятливыми оказались, пожалели.

Баба Глаша вздохнула.

— Больно Наталье замуж хотелось, какая-никакая, а живой человек, сердечко — то к любви потянулось. Теперь вот Рафашкиной женошкой стала, два дома обхаживает, трое старых людей, поросят и коров — все на ней. Делов до краев... А ей будто так и надо, все бегом да в радости, не липнет к ней печалица. Обижает он ее, а и жалеет тоже. Сердце у него мяконькое, только нервный. Свела их, то ли пожалела ее, то ли каторгу ей прописала.

Семь поросят-подростков живут в просторном хлеву. Для бычка еще места хватит, намекает на расширение своего хозяйства Рафашка. Он провел свет в хлев, утеплил на зиму стены изнутри, набил дощатые простенки, засыпал ниши опилками. Семь уютных поросячьих закутков нагородил.

У каждого из ребят есть свой подшефный поросенок. Своего можно и лишней корочкой побаловать, и почесать брюшко, пока он, балдея от удовольствия, не завалится набок. У Мишкиного любимца чушка добродушная и туповатая, как у окуня. Ромкин красавец постройней, со щучьим рылом. Рафашка их щетинистых подшефных назвал соответственно Мишкой и Ромкой.

— В вашу честь! — объявил он.

Ребят не привела в восторг оказанная честь. Тем более, что Рафашка, оказывается, собирается поросенка Мишку заколоть к Октябрьским праздникам, чтобы немного свежанинкой полакомиться, а остальное выкинуть на продажу, потому что деньги нужны позарез на корма да и на себя.

— Главное, дожить до картошки, а там начнут жировать мои свинюшки. Однако на одной моей картошке такую ораву до Нового года не вытя-

нуть. Надо как-то спастись, а на будущий год умней будем, с землей тут просто, только захоти. Грибов пару бочек засолю, тоже еда для них. Волнушки попрут скоро — хоть косою коси. А Ромку я до Нового года подержу. Пусть пожирет, порадуется.

— Больно надо, — вроде бы сконфузился Ромка. — Раз Мишку, то и меня, ну этого... Ромку режь к Октябрьским.

— Это не твое дело, когда мне тебя резать, — поймав Рафашку Ромку на слове.

Баба Глаша говорит, что руки у Рафашки золотые — от деда, и ум есть — стихи сочиняет, а в стихах тех все правда несладкая. Ум от нее, от бабы Глаши. А дурь и лень, конечно, от отца-проходимца.

— О матери что говорить, — вздыхает баба Глаша. — Спуталась с высланным городским хулиганом, родила Рафашку недоношенным и пропала. В розыске она давно, никак не найдут. Может, косточки тлеют где, а может еще и объявится.

— Объявится! — орет Ромка, обещая скорую встречу. — Здравствуйте, скажет, вот и я.

— Не-ет, не скажет, Ромушка. Не жива она, сердце подсказывает: не жива. Узнать бы, где упокоилась. Непутевая она, Верка моя, пьющая...

Баба Глаша горестно вздыхает, и Ромка вздыхает, Мишка сердито фыркает: знает, что Ромка вздыхает не по-настоящему, а понарошке.

— Одну-ко я, — бормочет баба Глаша, — кофту-то. Схожу.

В день приезда Мишка подарил бабе Глаше фиолетовую кофту, предназначавшуюся для архангельской бабушки, и столь щедрый подарок вызвал у хозяйки слезы благодарности. Кофта ей велика, но она пренебрегает этим недостатком и с удовольствием выходит в ней на крыльцо посидеть или отправляется проведать Натальиных стариков. Извлеченные из карманов кофты флакончики с «Пустырником» заинтересовали Рафашку. Он спрятал их в свой карман и вышел в сени. Через минуту вернулся, включил проигрыватель и под песенку старухи Шапокляк изобретательно исполнил танец людоеда из племени Тумбо-Юмбо. Баба Глаша конфузливо и усмешливо поджидала губы:

— Нехристь, кто так пляшет, разве што грешник на горячей сковородке.

Наталья цвела в улыбке и, раскинув руки, большой доброй птицей мягко ходила вокруг разбушевавшегося в хмельном веселье «воробья»...

7

Мух в избе хватало, и Мишка не удивился, когда Ромка объявил за столом:

— Муха прямо в стакан залетела.

Сидящий рядом Рафашка выпучил глаза:

— А я думал, соловей в окно залетел да на божницу уселся.

Ромка удалил из стакана муху и засомневался, стоит ли пить чай, в котором побывала муха.

— Чай с сахаром, значит надо пить. Муха — это ничего, она чистенькая, — рассудил Рафашка. — Таракан — другое дело.

Тараканы водились в достатке. Они густым черным стадом дремали на стене вдоль печки и полатей. Иногда какой-нибудь пикировал вниз и тут же убирался восвояси. Промышляли они, видимо, по ночам. Ребята как-то предложили бабе Глаше свои услуги по уничтожению тараканов. С помощью ядовитой пыхалки пообещали расправиться с нечистью за полчаса. Но баба Глаша категорически воспротивилась, мол, без тараканов в деревне нельзя: пропадут тараканы — заведется домовая.

Ромка раздумал пить чай. Выбрался из-за стола, освободил стакан и наполнил его заново из заварного чайника и самовара. Глотнув пару раз, восторженно объявил:

— Опять муха в стакане!

Рафашка сердито сказал, что если привередничать и после каждой мухи выливать чай, то ни самовара, ни сахара не хватит. И если выливать сладкий чай, то не в помойный таз, а по-хозяйски, в поросячье ведро. Поколебавшись, Ромка вылил чай с мухой в поросячье ведро, а через минуту выуживал пальцем из стакана третью муху.

— Да у нее одно крыло! — сделал открытис Ромка и покосился на Рафашку. В самом деле, муха была однокрылая.

— У нас, считай, каждая четвертая муха с одним крылом, — стал объяснять Рафашка. — Из-за благоприятных климатических условий. До восьмого класса доберешься — от учителей узнаешь. Встречаются и бескрылые особи, — и стал уговаривать Ромку поймать с десятков мух и убедиться в сказанном.

— А если не поленишься, сотню выловишь, клянусь, и бескрылая попадет, — Рафашка ловко, с лету, ухватил муху, подержал в кулаке у уха, дал Ромке послушать, как жужжит пленница, и разжал кулак: однокрылая муха бойко скакнула с ладони прямо в Ромкин стакан.

— Ну ты, балдуин! — яростно зашипел Ромка, поняв, что его дурачат, а мухи становятся однокрылыми и попадают в чай благодаря ловкости Рафашкиных рук.

Баба Глаша перебирала чернику, нацепив на нос древние очки, и хвалила Мишку за чисто набранную ягоду. Похвалы не удостаивались Ромка и Рафашка — в их бидончиках было много лесного мусора.

Сегодня с утра все наведались к Марьиному оврагу за деревней. Бабу Глашу оставили домовни-

чать. Наталья пошла по верху оврага, заросшему густой травой, сноровисто замахала косой, только запосвистывало, а Мишка, Ромка и Рафашка спустились в широкий и глубокий овраг. Там между одинаковых, в Мишкин рост, сосенок и елочек стлался густым кудрявым ковриком черничник, в который иногда вторгалась багровая от переспевы и пахнущая муравьями земляника. Крупная, сладкая черника споро заполняла трехлитровые бидончики. Соревнуясь, кто быстрее и больше, ребята опередили Рафашку. Ромка по этому поводу поехидничал, а Мишка оправдал оставшего: он ягоды брал и стихи читал про деда Пахома...

— Варенья сварю, — сказала баба Глаша — Домой увезете. Сахару нет, какой уж это сахар... смех. Подсластью маленько, а дома ваши матери сахара добавят, переварят.

Наталья ворочала в печке чугуны, и остро пахло горячей мятой картошкой и распаренными черными сухарями. Наталья, управляясь у шестка, посматривала на ребят и когда встречалась с их взглядами, улыбалась широко, особо ласково улыбалась Ромке.

«А ведь Ромка на Рафашку похож, поэтому она так и улыбается», — подумал Мишка.

Ромка, прислонившись к Мишке, прошептал, что он сегодня чертову Гному устроит одну хорошую штучку, прямо пальчики оближешь. Мишка попробовал угадать Ромкину «хорошую штучку», но так как возможности в этом плане у Ромки были безграничны — отказался от пустой затеи.

Полуденное солнце по приступку напозло на тараканный лагерь, и запечные жильцы вяло запередвигались, смещаясь в тень. Разомлевшие ребята ползелись на сеновал, и Рафашка напомнил работникам, что вечером надо идти к Марьиному оврагу за сеном и травы покосить назавтра. Так вот получается: трава-сено, сено-трава. Утром трава, а срезанная под корень сабельным лезвием и подсушенная на солнце, к вечеру она превращалась в сено.

Мишка обратил внимание, что за травой они ходят всегда по вечерам, чуть не по ночам, и косят не на лугу, где травы море разливанное, а по оврагам и полянкам в чащобе, а там трава пожиже и пониже. Оказывается, луговина вдоль реки — колхозные покосы, и трогать их строго запрещается. Иногда Рафашкина команда нарушает запрет и прихватывает с краю колхозную сладкую травку, но делается это осторожно, с оглядкой. Однажды на дороге показался маленький «УАЗик», и Рафашка заставил всех присесть и не высовываться. Колхозное правление предлагало Рафашке с Натальей выкосить луговину и состоговать из расчета каждую десятую копну себе, остальные колхозу. Не согласились, потому что, как сказал Рафашка, шкурка выделки не стоит.

Мишка пробовал косить и уже начал подлажи-

ваться к своенравной горбуше под одобрительное Натальино мычание. Но легкого плечевого замаха и ровного низкого среза пока нет. Не слушается Мишку коса, клюет носом в землю, застревает в корневой травяной завязи. После нескольких «поклевок» Рафашка отбирает косу и начинает отбивать брусом, налаживать ее. Ромка вон как ловко граблями сено ворошит да в копенку собирает. Опять же, грабли — всего лишь крестовина с деревянными зубьями на конце, а коса — серьезный и тонкий инструмент, заряженный капризной режущей сталью. Теперь мешки с травой они выгружают на сеновале Натальиных стариков, под которым в хлеву проживает красная с белым корова Рябка. Рябка, единственная корова в деревне из трех домов, пасется в одиночестве около деревни, а то и в самой деревне, почти всегда на виду, но приглядывать за ней надо, вот ребята и приглядывают.

Натальины старики ласковые. Бабушка Ольга угощает их рассыпающимися во рту малинками домашней выпечки, а совсем слепой и почти не ходящий дед Иван лихо исполняет на балалайке «Камаринскую» и «Коробушку». Дед Иван зовет спать их на свой сеновал, на нем воздух чище, потому что в хлеву корова живет, а не поросята. Ромка в принципе не против, потому он так смело и конфликтует с хозяином Рафашкой, что имеет надежные позиции для отхода.

От наблюдательного Мишки не ускользнула щекотливая тонкость. В последние дни женщины в доме и Натальины старики при равном и более чем радушном отношении к ребятам питают некую тайную слабость к Ромке и невольно выделяют его. Ромке обязательно выпадал срединный ломоть черничного пирога, а Мишке ближе к краю. В Ромкиной кружке с домашней ряженкой золотистую сладкую пенку ложкой с трудом пробьешь, а в Мишкину кружку дунь — и сразу дырка в пенке. В Мишке начал было проклевываться росток черной обиды, но, к счастью, увял, потому что сегодня Мишка понял, что повинен в этом он сам. Бабе Глаше, когда они были одни, без Ромки, он выложил всю правду о Ромкиной семье: о выпивающем отце, о матери, которая живет не дома, а с дядькой Чурилиным, и все собирается вернуться к своим, но сборы эти затянулись. Будто бы из-за болезни Чурилина. На Ромку, как медаль, навешивалась стариковская жалость. Другое дело — Рафашка, у него, видимо, свое особое мнение на этот счет.

8

...Забрались на сеновал, плюхнулись на широкий сенный матрац, застланный старым покрывалом с нашитыми для красоты цветными лоскутками. Цветастые лоскуты, как мягкие тряпичные

пуговики-застежки, как ягодные островки на голубом поле.

— Хорошо тут, — вздыхает Ромка. — Каждое лето буду сюда ездить, а потом возьму и совсем останусь. Тут и электрический свет есть, нет, жалко вот, телевизора. Был бы маленький переносной телевизорчик «Электрон», тогда бы... — и Ромка крикает, давая понять, что в принципе тут можно жить и без телевизора.

На сеновале прохладно. Солнце пробивается сюда через щели золотыми стрелами, и травяная пыльца клубится вокруг стрел. Над головой мирно гудят осы.

— Смотри! — Ромка указал пальцем вверх.

Сбоку осинового гнезда притулился полураскрытый спичечный коробок. Три осы, как вертолеты над посадочной площадкой, зависли над ним.

— Там ягода в сахаре, — пояснил Ромка. Он осторожно встал, потянулся кверху и резко прикрыл коробок. Поднес к Мишкиному уху. В коробке шуршало и царапалось о стенки. Теперь понятно, какой сюрприз готовит Ромка для Рафашки.

Позвали Рафашку, он тут же объявился, завалился на середину лежанки, между ребятами, и проникновенно высказался, что если есть рай, то он не на небе, а здесь, на сеновале. Вздохнул блаженно и неожиданно грустно так заговорил о своем житье-бытье.

Денег нет. Воровать, мошенничать, грабить он не хочет и не может. Сухарей полтора мешка осталось и картошки ведер двадцать. Колхоз комбикорма обещает, но немного даст, на трех хрюшек. Договор с колхозом заключен на выкорм трех поросят: два колхозу, третий себе, а остальные приобретены со стороны на свой страх и риск и бабкину овчинную незаношенную шубейку. Кормить всех одинаково надо, иначе труба дело. Картошки и ячменя купить можно. Он знает, где купить, да финансы поют романсы.

— А те сто рублей? — спросил Мишка и посоветовал, — ты из тех денег и купи чего надо.

— Уже! Твои сто рублей уже хрюшки кушают. Похрюкивают от удовольствия. Спасибо, говорят, дядя Миша.

Дело в том, что три дня назад, когда Рафашка чистил хлев, к дому подкатила на велосипеде тетенька-почтальон и подала ребятам телеграмму для Момотова Рафаила от... Мишкиного папы. «Держи ребят до моего приезда. Надеюсь на тебя. Высылаю сто рублей. Андрей Колыбин». И сто рублей, оформленные через телеграф, почтальон привезла с собой, но вручила лично Рафашке. Пришлось Рафашке объясняться перед ребятами. Оказывается, на второй день по приезду неожиданных гостей Рафашка втайне от ребят сбегал в Шолгу и подал Мишкиному папе успокаивающую телеграмму. Иначе нельзя. Иначе — родительская

паника и всесоюзный розыск для побегушников. Ромка сперва расценил этот поступок Рафашки как предательство. Мишка решил, что, наоборот, теперь все нормально, и вскоре сумел убедить Ромку в том же.

...Рафашка вздохнул и снова начал плакаться на судьбу.

Где денег взять? Богатеньких родственников нет. Знакомые займы больше десятки не дают. Да и где они, знакомые — нет их в безлюдных, забытых богом и властью местах. Спасибо Мишке, по приезде тридцаткой одарил, не зажилил в кармане, та тридцатка была очень ко времени, как дождь на сухоту. Одну хрюшку он в ноябре пустит в расход. А шестерых — кровь из носа! — должен держать до Нового года. Двоих колхозу отдаст. Четверо останется. Эти четверо — свои кровные, от чушки до хвостика. Сдаст мясом по десять рублей за килограмм...

— Считайте, грамотеи! Сколько за одну свиношку выручу? Тысячу двести! А за четыре? Мой прогноз — не меньше шести кусков!

Да, шесть тысяч деньги немалые, и ребята с уважением смотрят на скоро разбогатеющего Рафаила Момотова.

Он уже не плачется, в голосе упругая твердость и азарт. По его уразумению, с шестью тысячами можно переходить на личное фермерское хозяйство. На полную самостоятельность. Отказаться от подряда. А сегодня плохо, совсем плохо... Вот если бы у Мишкиного отца занять. Хотя бы с полтысячи. Полтысячи спасут. С процентами в виде отборной свинной вырезки долг где-нибудь к рождеству возвратится.

Рафашка привстал, с надеждой глядя на Мишку. Мишке стало как-то неловко за просящего займы Рафашку, и он брякнул:

— Папа может и целую тысячу дать.

Сказал и пожалел. Тысяча — это очень много, у папы может не оказаться таких денег. Да и сумеет ли Рафашка вернуть тысячу? Но Рафашка, не заметив Мишкиного смущения, в радости взбрыкнул ногами.

— Ну, Мишка! Золотой ты человек! Эх! Живы будем — не умрем. Почитать тебе про Пахома?

— Ага! — сказал Мишка. — Почитай.

— Только пусть не визжит, — ядовито заметил Ромка. — А то все визжит чего-то...

Похоже, Ромка задался целью завести Рафашку, но Рафашка не завелся.

— Ну ладно... По ведру дает буренка, — начал он. — Полведра берут налог. От убитого теленка государству левый бок, правый бок. А себе? Себе лишь студень из телячьих задних ног — строг налог!..

Ромка фыркнул, выражая неприятие. Рафашка прервал чтение.

— За такие стихи, между прочим, меня при

Сталине сразу бы определили на Кольму или на Соловки, или вышку дали... Живот урчит, язык молчит. Язычок — на крючок, а иначе в лоб щелчок, в Соловках смотреть сквозь клетку будешь, думный мужичок...

Мишка увидел, как Ромка осторожно оттянул резинку Рафашкиных трусов и молниеносным движением затолкнул внутрь них приоткрытый коробок. Резинка щелкнула, и наступила тишина.

— А? Ромка, ты?.. Ой! Сво-оо...

Рафашка взвыл, стал хлопать руками по трусам, кубарем прошелся по сеновалу. Вытряхнув из трусов коробок и оторвав от тощей ягодицы впившуюся туда жалом осу-смертницу, бросился к Ромке и с замаху пнул его ногой. Занес ногу для нового удара, но Ромка вцепился в ногу клещом. Рафашка потерял равновесие, упал, и они забарахтались в сене. Рафашка зло и матерно ругался, Ромка сперва свирепо покряхтывал, а затем панически заверещал, придавленный противником. Рафашка тискал Ромкино горло, и Ромка, дико выпучив глаза, пытался разорвать цепкую хватку рук.

Задушит же, подумал Мишка и, прыгнув на Рафашку, сбил его с поверженного Ромки. Схватка была жестокой. Ни борьбой, ни дружеской возней нельзя было назвать эту злую драку. Рафашка пинался, бил кулаками, царапался и кусался. Ребята отвечали тем же. У Мишки текла кровь из носа. Драка живет и питается злостью. Но Мишкина злость не вылилась, как у Рафашки и Ромки, в расхристанную ярость, не помutila сознание. К бойцовской злости примешивалось раздумное смешливое недоумение: Рафашка взрослый, а с детишками дерется и, как дурачок-детсадник, даже царапается и кусается.

И тут Рафашка снова заорал нехорошим голосом. Потревоженные осы выпустили из гнезда эскадрон боевиков, и крылатые блюстители порядка атаковали Рафашку, который, подмяв ребят под себя, находился сверху и был открыт для нападения. Прикрывая руками лицо, он проворно скатился с сеновала в сени. Ребята закутались в покрывало.

Осы угрожающе жужжали над головой, из избы доносился зло рыдающий голос Рафашки и гортанный Натальин смех. Одна настырная оса, надсадно жужжа над ухом, просочилась в щель и поползла по волосам, стала нащупывать уязвимую точку для кинжального удара. Мишка без сожаления прихлопнул агрессивное насекомое.

Проанализировав кровавую схватку в деталях и в целом, ребята пришли к выводу, что она закончилась в их пользу.

— А как я ему...

Обиды на драчливого Рафашку не осталось — чего с него взять: гном и есть гном. На них напала смехота, Мишка даже заикал, а Ромка за-

крякал. Ныли раны, и они спустились в избу. Наталья, увидев расцарапанные руки и физиономии, обратила гневное лицо в сторону Рафашки, замала руками, как мама кура в присутствии родных цыплят на злого коршуна. Рафашка в одних трусах, с испятнанными желтыми кружочками лицом выглядел смешным и жалким. Наталья стала прикладывать к ранкам влажную резиновую пробку от пузырька с йодом. Вспыхивала ожоговая боль, но быстро таяла, утихала.

— Ничего, у мужиков меж собой всякое бывает, — похаживал рядом Рафашка, виноватясь перед ребятами. — Случается у мужиков...

Наталья неожиданно выбросила руку вперед, попыталась ухватить Рафашку за ухо, но он увернулся, отскочил к двери.

— Не балуй, Хричамундра. А то мы тебе тоже осу посадим. Ромка, как? Подсадим?

Рафашка ратовал за мир и всепрощение.

— Чего там у вас? — орала с печи невидимая баба Глаша. — Опять ты, Рафашка, комедии представляешь? — и соглашалась, не проявляя интереса к комедиям, — ну, представляй. Я уж досыта нагляделась.

9

Меченые желтыми печатками, посмеиваясь друг над другом, вернулись на сеновал. Распахнули двери, поправили развороченную лежанку, прилегли и... уснули. Проснулся Мишка, когда солнце нижней половиной спряталось за землю, а верхней заглядывало на сеновал и накладывало на разноцветье покрывала строгие багровые тона. В хлеву аппетитно чавкали и удовлетворенно похрюкивали, похваливая ужин, поросята. Бойко позвякивали ведра. «Наталья в хлеву», — определил Мишка.

— К дождю, што ли, не то к ветру, — очень четко прозвучал негромкий голос бабы Глаши, будто она находилась не на крыльце, а здесь, на сеновале.

Мишке захотелось есть. Вспомнил про похлебку, которая сейчас томится в печке, и облизнулся. Разнообразием горячих блюд баба Глаша не баловала. Ежедневно готовила незатейливую похлебку. В большой суповой чугун загружала кусок пожелтевшей солонины, взятой из погреба, добавляла три—четыре картофелины, две горсти перловки или пшена, луковицу, и пропарившееся, протомившееся на жару в русской печи варево к обеду обретало особый пикантный вкус, аппетитнейший аромат и золотистый прокаленный цвет. А выстоявшиеся в печи до ужина остатки супа были еще вкусней...

Когда солнце выбросило над рекой на остыв бронзовый веер, опять вчетвером сделали ходку за травой. Рафашка балагурил, но не задевал никого лично и распевал, как частушки, стихи про

деда Пахома. Он доверил набить травой свой мешок Наталье, исчез ненадолго и принес в целлофановом пакете со стакан налитых красной черной ягод.

— Угощайтесь княжицей. Царская ягода. Ее и нет тут, с царями исчезла, но одна полянка метр на метр для меня оставлена. Ну как?

Княжицу ребятам не доводилось пробовать, она оказалась ароматной и удивительно вкусной ягодой. Внешне походила на малину, но Мишке она показалась вкусней и малины, и земляники. Ребята лакомились, а Рафашка, глядя на них, морщился от удовольствия. О происшествии на сеновале никто не вспомнил. Однако, на подходе к дому Рафашка с насадой выдохнул из-под травяной ноши:

— Вы уж не обижайтесь, но последнее слово будет за мной.

Прозвучало как обещание сюрприза. Ребята попытались разговорить Рафашку, спровоцировать на раскрытие секрета, но Рафашка не поддался на провокацию.

...Спать не хотелось. Двери сеновала были распахнуты. Негустые ночные сумерки спустились на землю. Свесив наружу ноги, ребята сидели на порожке, за которым была пустота в два метра до земли, и колебались, не нанести ли визит в заброшенный дом Федора Ивановича. В дневное время они побывали в нем, проникнув внутрь через окно с отошедшими снизу досками. Провалившиеся полы, голые пыльные стены, полузавалившийся, в паутине погреб не вдохновили ребят на поиски. Дом насквозь солнцем простреливается: неинтересно и страха ни на мизинец. Ночью — другое дело...

Бесшумно появился на сеновале Рафашка, шуточно поцапал ребят сзади отчего-то холодными пальцами.

— Сегодня будьте начеку. Спите одним глазом, а другим... Сегодня гроб можете увидеть!

— Неужели? — насмешливо удивился Ромка.

— Сегодня — да, — твердо сказал Рафашка.

— Пустой гроб. А может, с Федором Ивановичем. Сегодня его ночь, не проспите.

Мишка не верил Рафашке, но слушать его было приятно. Рафашка посоветовал Мишке ночью не стесняться и выдавать ежечасно свой знаменитый дьявольский вопль.

— А ну давай, разик попробуй.

Мишка попробовал: рывкнул в открытые двери сеновала, и ночь вздрогнула от страшного крика, зашуршала листьями ближних черемух. Пробудились и забеспокоились поросята в хлеву.

— Шикарно! — оценил Рафашка. — Зверь и человек одинаково могут обсикаться со страху.

Спускаясь с сеновала, пообещал, что завтра днем приготовит снасти и к вечеру они выйдут на рыбалку с костром и ночевкой.

Ушел Рафашка, и ночь загустела. Спрятался в лохмах седины дом Федора Ивановича, одна печная труба, как памятник на кладбище, четко выделялась на фоне алого подсвета. Поярчал дальний костерный огонек за рекой.

Пулеметили ночные кузнечики, тоненько и жалобно похрюкивал во сне один из обитателей хлева. Заскрипело и треснуло что-то в стороне древней баньки. Вчера Наталья баню топила. Мишка с Ромкой мыться ходили, головы клонили и спины гибали в дверях, словно в подвал спускались. До пояса осела в землю банька. Наверно, вот так по ночам, прощально салютуя умирающим деревом, и зарывается она в землю.

Насторожились, прислушались: нет, все тихо. Над крышей мягко прошумела крыльями ночная птица.

— Это сова, — сказал Ромка и поежился. — Давай пока двери закроем.

— Давай, — согласился Мишка. — Как будто нас тут и нет, а через щель наблюдать еще лучше.

Прикрыли дверь на завертушку и мгновенно ослепли в чернильной темноте. Мишка, пытаясь сориентироваться, стал прощупывать руками темноту и угодил Ромке в рот.

— Ну ты... — заворчал невидимый Ромка.

Мишка заводил руками, продвигаясь в направлении постели, и снова попал пальцем в Ромку.

— Ты чего в глаза тыкаешь? — вскрикнул Ромка. — Я тебе сейчас как тыкну! Вот только дверь открою...

Пока Ромка добирался до двери, Мишка унырнул под сено около стены и вытянулся в струнку вдоль нее. Открытая дверь ничуть не просветила сеновал, и Мишка сладко млея, слыша, как растерянно блуждает в темноте Ромка. Наконец, Ромка сдался и жалобным голосом попросил отозваться. Мишка откликнулся, и Ромка добрался до него, зарылся рядышком.

Что-то хлопнуло и проскрипело около крыльца, а может, на крыльце. Ребята замерли, прислушиваясь к звенящей в ушах тишине. Потом Мишка высунул голову из сена и рывкнул. За стеной что-то длинно прошуршало, удаляясь. И опять вязкая тишина, но сладкий страх растаял, только тикает что-то около уха, и глаза, отяжелевшие от темноты, слипаются...

Мишку разбудили.

— Ид-ди сюда, — заикаясь, тянул его за руку к дверям сеновала невидимый Ромка. — Смотри в щель. Не открывай...

На сеновале по-прежнему царил неподвижная застойная тьма, а на улице ночь доживала последнее и готовилась, судя по светлеющей дверной щели, перевалить к рассвету.

Внизу на земле, напротив входа в хлев, стоял гроб. Белый деревянный гроб. Мишка окончательно

но проснулся, понял, что это настоящий гроб, но испугаться не успел.

— А где этот... Федор Иванович?

— Откуда я знаю, — вразяжку шептал Ромка, вцепившись в Мишкину руку. — Может, в гробу лежит, а может, уже здесь, на сеновале. П-пошли, — он ринулся по лесенке в сени, и Мишка, заряжаясь страхом, скатился за ним. Заскочили в избу.

— Чего? — вскинулся на полатах Рафашка. Ромка, захлебываясь, стал объясняться.

— Не ори, всех глухих разбудишь. Да, это неспроста, это уже опасно, — Рафашка соскочил с полатей. — Ни с места! Не шевелиться, я сейчас, — и он юркнул в дверь.

— Чего там? — подала с печи голос баба Глаша. Ребята отмалчивались, притулившись на припечной лавке. Вошел Рафашка, шумно дыша, как после хорошей пробежки.

— Точно, не соврали. Я вышел на крыльцо, он и взлетел вверх, как ракета, спетлял над домом Федора и пропал, растаял, словно его не было. А я думал: приврали...

Мишка хмыкнул, потряс головой, освобождаясь от наваждения. Ему уже не верилось в эту чертовщину, хотя светлый гроб упрямо стоял перед глазами. Досыпать на сеновале ребята не решились и забрались на широкие гостеприимные полаты к Рафашке и Наталье. Наталья громко храпела.

— Она всегда так, — сказал Рафашка. — Будто мотор запускает. Я привык. Сейчас перышко в нос толкнем, он чихнет, и мотор заглухнет.

— Не надо, — сказал Мишка.

— У меня отец тоже храпит, — сонливо пробурчал Ромка, — и ничего...

Мишка подумал, что появление гроба и исчезновение его — это хитроумная проделка Рафашки, потому что... Но дальше думать о чем-либо не было никакой возможности.

...Надрывая обволакивающую сознание теплую пелену сна, будил Мишку рыдающим ожесточенным голосом бабы Глаши.

— Ирод! Ты чего привязался к моей гробовине! Чего тебе надо?! Занять хочешь — ложись, заколотим, зароем, а мне добрый человек новую домовину сколотит! Игрушку нашел — недоносок чертов! Паразитина! В тот месяц тоже выставил гробовину перед хлевом прямо под дождь. От воров моей гробовиной загораживается! Господи! За ночь полон гроб воды... Дакось, я тебя ухватом - то...

Под полатами послышались удар по мягкому и заполошный вскрик: «Ой, не дерись, бабка, не буду больше!». Хлопнула дверь. Оказывается, заранее изготовленный гроб для бабки лежал обычно на чердаке баньки под вениками. Сегодня рано утром пошла баба Глаша туда за ковшем и на-

ступила на крышку гроба. А сам гроб оголенным боком с чердака свесился, на землю криво смотрит, чуть не падает. Ясно, кто опять с домовиной игрался...

Стукнула дверь, и Мишка увидел, как Рафашка приобнял успокоившуюся бабу Глашу и громко зашептал ей на ухо:

— Стотовь чего... Мишкин отец сегодня приезжает.

— Кто?

— Дядя Андрей, Мишкин отец, глухая тетеря. Телеграмма пришла!

— Ойеньки-ешки! — всплеснула руками баба Глаша. — Дела-то какие! Дак я тогда..!

Мишка вскинулся в радости, хотел было разбудить Ромку, да передумал. С молодым задором постреливала и пыхала старая печь, поскрипывало раскрытое двухстворчатое окно, на поводке у которого прыгал взад-вперед по полатам солнечный заяц. Радость поутихла, появилось разочарование: значит, завтра уезжать. Уезжать не хотелось, еще денька два пожить бы. Но радость вновь оживилась с надеждой, что папа сам захочет остаться тут на пару деньков. Конечно, человек он занятый, у него работа, но ведь он заядлый рыбак, а тут шуки прямо нагледуют...

За завтраком Мишка крутился, поглядывал в окно и на часы.

— А что! — сказал Рафашка, — повезет ему с транспортом, даже часам к десяти может объявиться...

Втроем вышли на задворки дома Федора Ивановича к огромному седому валуну. Отсюда, с мурожистого угора, открывался отличный обзор местности и начинался долгий спуск в бушующее разнотравье с проглядывающей местами желтой лентой дороги, продернутой через зеленую кипень. Дорога на Шолгу к деревне не прижимается, минует стороной. Километра полтора путник, сойдя с машины, будет идти по открытому травяному раздолью, как и Мишка с Ромкой неделю назад.

— Красота?! — сказал восхищенно-вопрошающе Рафашка и скинул с ног резиновые «вездеходы» — в бытность свою сапоги, у которых низко урезали голенища. Ребята последовали его примеру, освободившись от изрядно побитых ботинок. Рафашка почему-то натянул на себя папин подарок: бывший Мишкин спортивный костюм. Костюм по-прежнему красив и ярк, но уже мал ему, кисти рук вылезают далеко вперед из рукавов свитера, и короткие брюки с трудом цепляются за тощие ягодицы.

— Жарко же, — посочувствовал Мишка, мелькнула догадка, что из другой одежды у Рафашки и нет ничего.

— Стерпим. Зато... Пацаном я на этом месте бабку встречал — караулил. Разгляжу, что она

домой с котомкой чешет — и отсюда к ней навстречу. В котомке гостинец всегда мне был, — и он запританцовывал в предстартовом нетерпении.

— Правильно, — сказал Ромка. — Как увидим, так и рванем, — и покосился на Рафашку. — Наперегонки.

Рафашка пренебрежительно глянул на Ромку. У Ромки на шее висел одноглазый бинокль, и он то и дело прикладывал его к глазам.

— Я знаю, знаю, чем его взять! — обещал Рафашка. — Он у нас как еще клонет! — и потирал руки, предвкушая папину поклевку. Рафашка с утра ловил настроение ребят: Ромка тоже не торопился домой — и уверял, что он умрет, но заставит Мишкиного папу пожить тут дня три, а может, и целую неделю.

Вышли из дому и присели на крыльце принадлежавшие Наталья и баба Глаша.

Рафашка крутился вокруг Мишки, обнимал его за плечи, шутиливо потыкивал кулаком в бок. Потом отвел в сторону от Ромки и стал не то инструктировать, не то уговаривать:

— Мишка, помоги, не подведи. Я к твоему батьке так это легонечко при тебе подкачусь на полтысячи, а ты сразу встревай, не медли ни секунды — мол, чего там полтысячи, мол капля в море полтысячи в таком хозяйстве, дурачок, — дурачком меня можешь назвать. Тысячу, папа, дай ему, он отдаст, это я-то, значит, отдам. Рафашке верить можно! Так и говори. А?

— Да понятно, — соглашался Мишка, испытывая некоторое чувство неловкости.

— Лошадь с телегой едет! — объявил Ромка.

В самом деле, лошадь с телегой, а на телеге через бинокль можно разглядеть двух человек.

— Не он, — сказал Рафашка. — Лошадь, если со станции, то она уже третий час ползет, не меньше. А поезд подошел полчаса назад. Не получается.

Но вот от лошади с телегой отделилась крохотная безликая фигурка и двинулась к деревне.

— Ура! — завопили Ромка и Мишка, вырывая друг у друга бинокль.

— Без паники! — сказал Рафашка, отобрал бинокль и долго всматривался вдаль, наконец опустил бинокль и усмехнулся. — Это Козлиха. Куда-то моталась с утра пораньше.

Мишка посмотрел через бинокль. Лошадь с телегой уже пропадала за холмистым поворотом, и укрупнялась, росла вроде бы неподвижная человеческая фигурка.

Далеко, где-то у речной излучины, родилось пыльное облачко.

— Это уже около дела, — отметил Рафашка. — Машина идет.

Мишка отобрал бинокль у Ромки: из увеличив-

шегося до низкой серой тучи пыльного облака вырвался игрушечный грузовичок.

— Ну-ка, ну-ка, — Рафашка почти вырвал бинокль у Мишки. — Та-ак, остановился. Из кузова человек вылез. Так. Из кабины кто-то вылез. Двое сюда идут! Да на ты, на...

Мишка схватил бинокль: пока бесполезно, никого не разглядеть, не узнать, одно ясно, — идут два человека.

Рафашка предложил не дергаться, не мучиться с биноклем, а спокойно сидеть на траве, выждать минут десять. Так и сделали. Через восемь минут — десять не сумел выдержать — Мишка прильнул к биноклю.

— Ага! Папа! Точно, он. С рюкзаком.

— С рюкзаком? — переспросил Рафашка.

— Да. С ним какая-то тетенька.

— Какая еще тетенька... Мать твоя, что ли? — Рафашка вроде бы выразил неудовольствие. — Смотри лучше.

— Нет, это не мама.

— Ну-ка, дай мне, — и Ромка надолго прилип к биноклю.

— Так, так... та-так! — затакал Ромка, возвышая голос до победного ликования. И вдруг подпрыгнул, отшвырнул бинокль, дал пенделя Рафашке и закричал:

— Это же моя мама!

А Рафашка, похоже, и не заметил, что ему отвесили пендель.

— Вперед! — скомандовал он и бросился, как с берега в воду, вниз с угора. Ребята ринулись за ним.

Одна приятность вот так мчаться с угора, словно на крыльях летишь, только выше ноги поднимай. Трава, как живая, и ласкает, и покусывает, и цепляется, а оторванные головки клевера застревают между пальцами ног.

Рафашка мчался впереди, перепрыгивая через самые густые полосы рослой вязкой травы, которая гасила скорость. Оборачивал к ребятам лицо в маске шальной радости и орал что-то дикарское. Ромка, видимо, включил свою чемпионскую скорость и красиво обошел Рафашку. Оглянувшись, сделал ему пальцами рожки, но запутался в траве и упал. А Рафашка чуть отклонился от курса, чтобы не разминуться с Козлихой, и, когда поравнялся с ней, с лошадиным кличем «И-го-го!» подпрыгнул вверх, взбрыкнул ногами и, оставив в потерянном раздумье Козлиху, помчался дальше.

Приветственно поднимает руку папа и, наверное, улыбается. А Ромкина мама, тетя Вера, раскинула руки и по-женски неловко бежит навстречу Ромке. Ромка делает рывок, снова обходит Рафашку и попадает, почти врезается, в объятия тети Веры. Они падают в траву. Мишка замедляет бег, бежать уже некуда: перегородила горизонт широкая папина улыбка

Владимир ФИРСОВ

Иллюстрации Наталии ЕРМОЛАЕВОЙ

СКАЗАНИЕ О ЧЕТВЕРТОЙ ЛУНЕ

АЗЛИТА-93

Покинув эту страну и плывя к югу по морю-океану, посетил я много островов и стран и побывал я на одном из островов, который называется Никоверан. Это очень большой остров — в окружности он добрых две тысячи миль, и у мужчин и у женщин здесь собачьи морды... Тепло они сильны и в бою хитры, а сражаются голые, но заслоняются от врагов щитом, который защищает их с головы до ног. А когда берут пленников, за которых не могут получить выкуп, то тут же съедают их...

*Восточных земель
описание, исполненное
братом Одорико, богемцем
из Форо Юлио, что в
провинции св.Антония.
1330 г.*

Он кидается к ней, раскрыв объятия. Он уже хочет прижать ее к груди, как вдруг яростный удар обрушивается сзади на его шею; ослепительно-белый свет с грохотом пушечного выстрела польхает вокруг него — затем мрак и безмолвие!

*Амброз Бирс.Случай на
мосту через Совинный ручей.
1891 г.*

Храм Солнца возвышался над площадью Справедливости массивной конической глыбой — ни дверей, ни окон, только тщательно отесанные, великолепно пригнанные друг к другу холодные шершавые камни, слагающиеся в гигантскую лестницу. В особо торжественных случаях ступени этой лестницы оживлялись белоснежными одеяниями жрецов, а на вершине храма появлялся сам Верховный Жрец, простирая к божеству свои длани. Сейчас гигантские ступени были пусты, потому что происходящее на площади было обычным, будничным явлением.

Противолежащая храму сторона площади была, по существу, торговым рядом, где торговали всем, что только можно продать. Здесь располагались большие и маленькие магазины, кабаки, лавки менял, цирюльни, казино, лупанарий, ломбарды, конторы писцов, синематограф, биржа труда, кафе, варьете и многие другие заведения, об истинной сущности которых можно было только догадываться. Длинная, уродливая цепь прилепившихся друг к другу зданий, составлявших этот ряд, разрывалась в центре величественной аркой, сквозь которую открывался вид на главную улицу столицы и на лежавший в конце ее императорский дворец.

Дворец этот был прекрасен. В противоположность угрюмому Храму Солнца он искрился и сверкал майоликой, глазурью и полированным мрамором, и только опытный взгляд мог заметить, что дворец неприступен, как крепость, что его стрельчатые окна — великолепные амбразуры, что окружающая его узорная решетка работы старинных мастеров не уступит по надежности двадцати рядам колючей проволоки.

Дворец казался вымершим — ни в окнах, ни на балконах не было никого, потому что происходящее на площади Справедливости никого не интересовало и во дворце.

На площади происходила казнь. Осужденного уже вывели на высокий помост и поставили на колени. Это был пожилой человек, скорее даже старик, одетый очень просто, почти бедно. Его лицо, которое в другое время могло выглядеть живым и умным, сейчас выражало тупую покорность судьбе.

Вокруг помоста бурлила возбужденная толпа, раздавались какие-то выкрики, смысла которых осужденный не мог уловить. Затем мощные динамики разнесли по площади голос судебного автомата, зачитывающего приговор. До сознания осужденного доходили лишь отдельные фразы, которые никак не связывались в единое целое. Голос у автомата был монотонный, равнодушный, и коленопреклоненный человек никак не мог поверить, что все происходящее имеет к нему самое прямое отношение. «Этот презренный небозритель преступно нарушил законы нашей Великой Империи, гнусно надругавшись над...» — монотонно бор-

мотал автомат, пришепывая и глотая окончания. Очевидно, магнитная запись в его речевых блоках не обновлялась давным-давно — то ли в целях экономии, то ли из-за отсутствия специалистов, которых почти всех по разным причинам обезглавили. «Когда же взошла Четвертая Луна, он осмелился выразить свою гнусную радость самым непристойным образом, голосом и телодвижениями восхваляя...» Обреченному вдруг захотелось крикнуть, что все это не так, что он свято чтит законы Империи, и только весть о сыне, первая за много лет, заставила его на миг забыть, но клейкая паста, которой палач набил его рот, намертво сомкнула челюсти, и он не мог издать ни звука. «...обнаруженные при обыске запретные приборы полностью изобличают злобный умысел и неопровержимо доказывают... Тем не менее осужденному предоставляется право опровергнуть... и он будет отпущен на свободу...»

Автомат умолк, и осужденный вдруг ощутил, что на площади стало необычайно тихо. Огромная толпа словно затаила дыхание. Он в изнеможении закрыл глаза, и ему показалось, что он снова стоит в темноте среди песков Западной пустыни, ожидая восхода Четвертой Луны... Стоящий рядом палач нетерпеливо шевельнул длинным мечом, хрустнули сжатые пальцы. Тогда он понял, что означает эта невероятная тишина, и в ужасе дернулся.

Он хорошо знал самый демократический закон Великой Империи, по которому каждому преступнику перед казнью давалась возможность спасти свою жизнь. Для этого надо было только крикнуть: «Я не виновен!» — и его тут же освобождали. Он не раз видел подобные казни — и радовался, что улики неопровержимы, потому что еще ни один преступник не посмел солгать перед лицом народа, чтобы спасти свою презренную жизнь... Только теперь он понял, что спасения нет, но все же попытался выдавить из склеенного рта спасительные звуки. Потом голова его бессильно поникла, и он уже не слушал, что бормотал шепелявый автомат, и не видел, как палач поднял хорошо отточенный меч. «Да здравствует Солнце!» — завершал вдруг фальцетом автомат, меч описал стремительную дугу, и голова казненного покатила по помосту, выбрасывая струю крови.

Из окна кабачка «Под Солнцем Справедливости» за казнью наблюдало несколько человек...

1
Удар был тяжелым и тупым, но не таким болезненным, как я ожидал. Просто в глазах почернело, горло перехватило удушьем, и я почувствовал, как все завертелось вокруг меня. Это длилось долго, так долго, что я подумал было, что неопытный палач не смог завершить казнь одним ударом, и с нетерпением ждал, когда все оборвется, но это нарастало и нарастало, и вдруг невероятная, невыносимая

боль рванулась мне в череп вдоль позвоночника, откуда-то снизу, от поясницы, и мир раскололся на части. Я догадался, что это — смерть, но не успел обрадоваться, потому что все оборвалось. Но тут же сознание прояснилось, и я снова увидел кричащую толпу, и ее рев достиг моих ушей. Я видел все невероятно отчетливо. Толпа плыла вокруг меня — раз, другой, третий. Что-то знакомое было в ее вращении, и я с усилием вспомнил, что палач, подняв по обычаю голову казненного, трижды поворачивал ее перед толпой, прежде чем взойти на кол. Тогда меня захлестнул ужас. Я напрягся в крике, но склеенные челюсти остались недвижимыми. Боль была всюду — во мне, вокруг меня, и эта боль — а особенно дикий, чудовищный страх — были ужаснее всего на свете.

Потом я почувствовал, что площадь пуста и солнце уже заходит. Боль все еще продолжала терзать меня, но страх немного отступил. Прежде я думал, что казненные страдают очень мало, и не подозревал, что с казнью мучения только начинаются. Когда солнце почти скрылось за императорским дворцом, а я все не умирал, я понял, что смерти нет, а есть только вечная боль. И я стал молиться.

В Великой Империи был только один бог — Солнце, и я стал молиться ему. «Великое Солнце, я самый презренный из твоих детей. Я совершил ужасное преступление, перестав верить тебе, я обратил свой гнусный взор к запретному небу, а потом нарушил еще много законов и постановлений. Я не знал, что казнь будет так ужасна. Испепели меня, Солнце, сожги мое тело, высуши кровь, преврати в прах кости, только избавь от мучений. Я отказываюсь от самого святого для человека — от своего Рода, я проклинаю отступника-сына, я разведу в своей памяти прах родителей — я готов на все. О Солнце, только смилостивься надо мною и дай мне умереть!»

Я все повторял и повторял эти слова, глядя на императорский дворец, башни которого темнели на закатном кровавом небе далеко за аркой.

Очевидно, Великое Солнце услышало мой бессвязный бред, потому что прежде, чем погасли остатки дня, на мои глаза пала тьма, и я перестал что-либо чувствовать...

2
Когда сознание возвратилось ко мне, я увидел, что нахожусь в Большом зале Императорского Совета. Я сотни раз видел этот зал на снимках и хорошо запомнил величественные ярусы позолоченных лож и ликующие лица квиритов, в радостном порыве приветствующих Императора. Я даже не мечтал когда-нибудь попасть сюда, тем не менее каким-то чудом очутился тут, и передо мной — в странной дымке — спиралью уходили к далекому потолку заполненные людьми ложи, и лица всех светились восторгом. Слезы радости, навернув-

шиеся вдруг на глаза, мешали мне рассмотреть, но я напрягся, туман растаял, и тогда я понял, где нахожусь.

То, что в первый момент я принял за ярусы лож, было длинными полками, а на них правильными рядами стояли головы казенных. Все они были живы, я понял это сразу, встретившись с их взглядами, и это было самое ужасное. Эти отрубленные головы все чувствовали, все понимали! Каким-то чудом жизнь продолжала сохраняться в них. Лишенные речи, лишенные движения, они выражали свою муку движениями глаз. Но мой ужас достиг предела, когда я понял, что сам я — тоже только голова, и так же обречен лежать на полке в напрасном ожидании недостижимой смерти!

Некоторое время спустя я различил, что каждая из голов покоится на какой-то подставке, напоминающей по форме блюдо. Скопив глаза, я увидел край такого же блюда и вокруг своей шеи. От него поднималась целебная прохлада, совсем утолившая боль. Голова стала ясной, какой она была у меня в далекой молодости, веселыми рассветами. И это было хуже всего, потому что теперь боль уже не заглушала ужаса.

На полке возле каждой головы были прикреплены небольшие таблички. Напрягая зрение, я попытался прочитать надписи на них, но не мог разглядеть букв. Однако на одной из табличек я различил трехсложное имя, и это привело меня в смятение. Во всей Империи только Император именовался трехсложным именем. Простые люди носили имена из одной буквы, образованные или имевшие заслуги — из двух или трех, и лишь высшая знать — Стоящие У Руля — имели право брать себе имя из двух слогов. После мучительных размышлений я вспомнил, кто это был. Во всех учебниках истории рассказывалось, как сын Императора в припадке черной зависти попытался свергнуть отца, потерпел неудачу и был выслан в страну Песьеголовых, где и пропал из безвестности. Эта история произошла много лет назад и уже в годы моей юности звучала как древняя легенда. Теперь голова императорского сына была передо мной, и я поразился, как дико и неукротимо сверкали ее глаза.

Довольно скоро я заметил одну странность. Стоило мне посмотреть на какую-нибудь из голов, как она начинала быстро моргать и делала это довольно долго. Потом головы, видимо, привыкли ко мне и уже не обращали на меня внимания.

В этом страшном Хранилище не было ни дня, ни ночи. Возможно, в нем не существовало и самого времени, поэтому я не знаю, часы или годы пробыл так. Ни разу сон не сомкнул моих глаз. Но однажды вспыхнул яркий свет, и я увидел человека.

Это был высокий старик, одетый в роскошную тогу, расшитую множеством красных кру-

гов — символами долголетия Императора. Он медленно шел вдоль полок, и при его приближении головы одна за другой закрывали глаза. Возле головы императорского сына старик остановился. Голова яростно сверкнула глазами — мне показалось даже, что она метнула в старика две маленькие молнии — и тоже опустила веки. Старик усмехнулся и пошел дальше.

Наконец, он подошел ко мне. Вблизи я хорошо рассмотрел обрюзгшее, морщинистое лицо, трясущиеся руки, полубезумный взгляд его бегающих глаз. Я смотрел на него с недоумением и тревогой, догадываясь, что моя судьба зависит от него.

Старик заметил мой взгляд.

— Ты не закрываешь глаз? — спросил он меня хриплым надтреснутым голосом. — Ты хочешь обрести тело, чтобы служить Императору?

Его слова потрясли меня. Получить тело, снова стать человеком — я и думать не мог, что это возможно!

«Дада!» — хотел закричать я, но мои склеенные челюсти оставались неподвижными. Однако старик понял меня.

— Те, ко закрывают глаза — презренные отступники, небозрители и шпионы Песьеголовых, — пробормотал он, протягивая ко мне трясущиеся руки. — Они не могут открыто посмотреть в глаза Императору и недостойны его милости. Твой взгляд ясен и правдив, и ты хочешь искупить свою вину, поэтому ты не закрыл глаз. Да, да, я читаю в твоих глазах выражение любви и преданности, и я верю тебе. Я дам тебе тело, чтобы ты мог жить, прославляя Императора и его дела...

Я почувствовал, как трясущиеся руки поднимают меня и несут вдоль бесконечных полок. Потрясение, испытанное мною, было так велико, что сознание опять ушло от меня. Когда оно возвратилось, я увидел себя в длинном темном коридоре, напоминающем тоннель, и с удивлением почувствовал, что руки старика уже не дрожат и походка его с каждым шагом становится легче и стремительней. Но вот коридор окончился, над нами раскрылся стеклянный купол, пронизанный солнечным светом. Я взглянул на своего благодетеля и увидел перед собой прекрасное, вечно юное лицо, так хорошо знакомое мне. Это был Император!

3

Наш вездеход ворвался в деревню на полном ходу, поднимая тучи пыли и завывая сиреной. На центральной площади я нажал на тормоза, машина юзом прошла несколько метров, и Носители мечей мгновенно попрыгали через борта. Навстречу уже бежал куратор, поднимая руками длинные полы своей грязной тоги.

— Где жители? — закричал наш командир, молодежавый Гун, поправляя на груди автомат.

Куратор подбежал к нам, хватая ртом горячий воздух и поднимая ладони в знак приветствия и покорности.

— Да здравствует Солнце! — хрипло крикнул он. — Все Равноправные трудятся на полях.

— Быстро в машину! — скомандовал Гун. — Ну!

Он пнул замешкавшегося куратора, который путался в своей тоге, пытаясь задрать ногу на колесо. Кто-то из Носителей мечей за шиворот втянул его через борт, я дал полный газ, и вездеход с ревом понесся мимо одинаковых длинных домов, распугивая кур и уток.

— Имя? — спросил Гун у куратора, тыча в его живот дуло автомата.

— Меня зовут И, с вашего разрешения, — ответил тот и снова попытался поднять ладони. Но тут машину тряхнуло, и он полетел на одного из Носителей.

— Группа крови? — продолжал Гун.

— Седьмая, седьмая... — забормотал куратор, которому пинком вернули равновесие.

— А у остальных?

— С вашего разрешения, приехавший к нам врач убил неизвестными злоумышленниками, — испуганно ответил куратор. Глаза его растерянно бегали. — Все списки пропали, пропали...

— Значит, среди вас скрывается агент Песьеголовых! — заорал Гун, багровея. — Почему не доложил?

Тот что-то забормотал в свое оправдание, но тут машина вылетела на поле, где под прищмотром трех надзирателей-ликторов работали Равноправные. При виде машины они бросились врассыпную. Носители мечей застрочили из автоматов поверх голов, заставляя бегущих лечь. Скоро все жители были согнаны к машине и построены.

Врач вытащил из машины прибор, установил его на капоте, и проверка началась. Все было, как обычно: человек протягивал руку, врач колол ее иглой, выдавливал каплю крови и прикасался к ней электродами. Лица проверяемых делались серыми от страха, и нормальный цвет возвращался к ним лишь после того, как врач называл цифру и подзывал другого.

— Третья... Следующий!

— Седьмая... Следующий!

— Седьмая... Следующий!

Через полчаса проверка была закончена.

— Все жители здесь? — спросил Гун. Ликторы хором ответили, что все.

— Ну, а вы? — Гун показал им на врача.

— Или вас не касается?

Ликторы недовольно заворчали. Носители мечей разом вскинули автоматы, и ропот умолк. Но и среди ликторов не оказалось никого с запретной группой крови.

— Ваше счастье! — буркнул Гун, подавая сигнал к отъезду. Я бросил сцепление, машину словно выстрелило.

— Ну, ты! Не можешь осторожней? — крикнул Гун, которого повалило назад. Я молча кивнул головой, потому что слова, наверно, застряли бы у меня в глотке. Эти проверки каждый раз взвинчивали меня до предела — так, что отнимался язык и переставали слушаться руки и ноги. Дело в том, что у меня была как раз та запретная одиннадцатая группа крови, обладателей которой мы разыскивали по всей стране.

4

Осужденного вывели на площадь и поставили на колени в центре высокого помоста. Судебный автомат забормотал формулу осуждения. «Этот презренный агент Песьеголовых нарушил законы нашей Великой Империи, гнусно надругавшись над...» — разнеслись из динамиков знакомые фразы.

Осужденному было лет двенадцать. Мы гонялись за ним несколько дней. Он, как уж, ускользал от облав, путал следы, терялся в непроходимой чаще. Лишь когда осатаневший Гун приказал поджечь иссохший от зноя лес, мальчишку удалось взять. Проверка подтвердила наши предположения — у него была одиннадцатая группа!

Не так давно нас построили на плацу, и стратег зачитал императорский указ. Враги пытаются подорвать силы Империи изнутри, засылая к нам многочисленных агентов. Их число все увеличивается, они проникают во все сферы государства. Долг Носителей мечей — обнаружить и захватить каждого агента, под какой бы личиной он не укрывался. Каждый, кто сумеет поймать врага живым, получит в награду месячное жалованье.

Мы встретили эту новость криками восторга: прежде наградой было двухнедельное. Мы вскинули ладони, приветствуя мудрость нашего вечно юного Императора. Да, враг был хитер — недаром нам все реже удавалось схватить кого-нибудь. Иногда проходила неделя, прежде чем доводилось обнаружить врага. Агенты Песьеголовых маскировались умело: они принимали облик торговцев, бродячих монахов, пробирались к Равноправным, даже в ряды ликторов и цензоров. Но рано или поздно они попадались, потому что всех их выдавало одно — одиннадцатая группа крови.

Я смотрел, как палач поднимает свой длинный меч, и думал о том, что стойкость Императора в борьбе с врагом безгранична и милосердна. Ведь каждый из казненных искупал свою вину и уходил в Солнечные Края очищенным. Мне понадобилось много времени, чтобы понять благородное величие всех деяний Императора. Еще совсем недавно молодость осужденного смутила бы меня. Теперь постыдная жалость совершенно исчезла во мне.

Тут кто-то положил мне руку на плечо. Я обернулся. Передо мной стоял незнакомый бедно одетый человек с умным тонким лицом Мыслящего и сильными руками простолюдина.

— Наверно, это несправедливо, — сказал он. — Ты тоже участвовал в поимке, а награда досталась Гуну.

— Кто ты такой? — спросил я, потихоньку кладя руку на рукоять меча. — И что тебе надо?

Незнакомец заметил мое движение и слегка улыбнулся.

— Меня зовут Ло. А хочу я одного — чтобы ты тоже получил награду.

— Устав Носителей мечей... — начал я холодным тоном, но Ло невежливо оборвал меня.

— Знаю, знаю... Я не собираюсь опровергать ваш устав. Я просто хочу указать тебе на агента Песьеголовых, которого ты можешь захватить без чужой помощи, чтобы ни с кем не делить награду.

Такое удивительное предложение вряд ли кому-нибудь доводилось слышать. Я недоверчиво посмотрел на незнакомца.

— А тебя вознаграждение, конечно, не интересует? — спросил я с сомнением.

— Увы, мне его никогда не получить. Дело в том, что агент, которого я хочу выдать — это я сам.

В первый момент я не поверил ему. Добровольно пойти под меч... Наверно, этот человек сумасшедший.

Ло словно прочитал мои мысли.

— Я вижу, ты принял меня за ненормального. Я вполне здоров. И тебе ничего не придется доказывать, потому что у меня одиннадцатая группа крови...

Я ошеломленно смотрел на него. Произнести вслух эти слова значило обречь себя на быструю и неотвратимую гибель.

— Ты хочешь, чтобы тебе отрубили голову?

— Это первое из трех моих желаний. Второе — чтобы награду за меня получил ты.

— Ну, а третье?

— Третье мое желание — сказать тебе несколько слов. Но ты должен обещать мне, что не убьешь меня, когда услышишь их.

— Нет, ты все-таки ненормальный, — задумчиво сказал я. — И группа крови у тебя, наверное, седьмая. Приведешь тебя, а потом позора не оберешься...

Я повернулся, чтобы уйти, но тут Ло быстро шагнул ко мне вплотную и прошептал в самое ухо:

— У тебя самого одиннадцатая группа крови!

Я в ужасе отпрянул и схватился за меч, чтобы тут же прикончить его. Но он крепко сжал мое запястье.

— Теперь ты знаешь, что я говорю правду. Не убивай меня тут, а отведи куда надо. За мертвого награды не полагаются.

— Ты хочешь выдать меня... — прохрипел я.

— Это можно было сделать, не ставя тебя в известность, — резонно возразил он.

Я отпустил рукоятку меча, и он, глухо лязгнув, ушел в ножны. Логика незнакомца была

безупречна. Но для чего ему все это понадобилось, я не мог понять.

— Кто ты, Ло? — спросил я. — Твое имя мне ничего не говорит.

— Смотри, вон идут Носители мечей, — показал он. — Зови их скорей, и награда твоя.

Он протянул мне руки, я зашелкнул наручники и подал тревожный свисток. Носители мечей обнажили оружие и кинулись к нам, расшвыривая людей, пришедших посмотреть на казнь.

— Я друг твоего сына, — прошептал Ло. — Он сказал, что скоро ты увидишь его...

5

Незнакомца казнили на следующий день. Я получил награду и хотел по обычаю угостить своих друзей. Но ночью нас подняли по тревоге, выдали боевое оружие и куда-то повезли. Неизвестно откуда прошел слух, что в Империю вторглись орды Песьеголовых и пограничные войска, истекая кровью, с трудом отбивают их атаки.

Мало кто из нас мог заснуть в эту ночь. Мы возбужденно обсуждали новость и сошлись на том, что коварный враг будет разгромлен в самом ближайшем времени.

Разговоры стихли только под утро. Я улегся на полке в дальнем углу вагона и снова стал думать о сыне.

Последний раз я видел его в тот день, когда ему исполнилось десять лет. Как все мальчишки в Империи, он жил в Воспитательном лагере, приезжая домой только на летние каникулы. Как раз в это время Император провозгласил эпоху Скорого Благоденствия. С каким энтузиазмом мы встретили его речь! Тысячи людей добровольно отказывались от своих домов, от хозяйства, достатка, чтобы отдать свой труд для достижения Благоденствия. Равноправные — так называли их, потому что они были равны во всем — в пище, одежде, развлечениях. Никто не был выделен и никто не был обижен, и труд каждого шел на пользу всем, а не ему одному. Я был в числе первых Равноправных и три года работал в шахтах Западной пустыни. Все эти годы я не видел сына. Он писал, что начальство довольно его успехами и его хотят послать в Воспитательную академию. Но спустя несколько лет я узнал, что сын стал врагом Императора, участвовал в заговоре, был схвачен, бежал и скрывается у Песьеголовых.

Сейчас я с трудом вспоминал его милое круглое лицо. Наверно, я не узнал бы его при встрече — за эти годы он превратился в мужчину. Я сосчитал — скоро ему должно исполниться тридцать лет. Самый цветущий возраст...

Мне было очень тяжело сознавать, что мой сын стал врагом Императора. Встав на преступный путь, он сам порвал все родственные связи. Но иногда по ночам его лицо возникало передо мной, и против воли в сердце вдруг

поднималась теплая волна... Я старался подавить в себе это чувство, но оно никак не умирало, только пряталось куда-то вглубь, чтобы потом опять терзать меня.

Все эти годы я не имел о нем известий. Я не знал даже, жив он или нет. Лежавшая за Западной пустыней страна Песьеголовых была дика и страшна. Никто не знал, что делается там. Возведенная еще в древние времена Стена ограждала наши земли от набегов жестоких орд Песьеголовых. Очевидно, теперь им удалось каким-то образом прорваться. Но ничего! Наш ответный удар будет сокрушительным!

И опять мои мысли возвращались к сыну. Я не мог понять, что общего нашлось у него с Песьеголовыми. Мой добрый, веселый, круглолицый сын не мог превратиться в чудовище — я верил голосу крови. Но как он прожил среди них столько лет? Что там делал?

Только под самое утро сон сморил меня. Проснулся я от толчка, когда вагоны встали.

6

Нашу фалангу выстроили вдоль путей перед бронированными вездеходами, которые уже пофыркивали моторами. Вокруг простирались мрачные холмы Западной пустыни. На шею у меня висел тяжелый боевой автомат, левое бедро приятно холодила сталь меча. Стратег зачитал боевой приказ.

— Доблестные Носители мечей! Помните о своем главном долге перед Императором! Враги, вторгнувшиеся на священную землю Империи, должны быть разгромлены! Вашей высшей воинской доблестью будет пленение врага. Каждый, захвативший в бою Песьеголового, награждается двухмесячным жалованием!

Мы встретили это сообщение криками восторга. «Да здравствует Император! Да здравствует Солнце!» — кричали мы, поднимая ладони. И словно услышав наш крик, солнце разорвало плену туч и озарило нас своими лучами.

Трудный марш продолжался весь день. Машины надрывались в безводных песках, пыль ослепляла глаза, раздирала легкие, но мы упорно двигались вперед. Лишь после захода солнца последовал приказ остановиться.

Ночи в Западной пустыне всегда холодны. К вечеру исчезают тучи, загораются колючие звезды, мороз крепчает. Палатки мы ставили уже в темноте. К счастью, взошла Первая Луна, и стало светлее. Вскоре взошла и Вторая Луна, самая маленькая, затем — Третья. Нам раздали консервы, и мы дружно застучали ложками, утоляя голод.

В это время тишину прорезал дикий вопль. Мы вскочили, хватаясь за оружие. Но это был не враг.

— Смотрите! — кричал кто-то. — Четвертая Луна! Четвертая Луна!

Мы замерли в ужасе. Из-за горизонта поднималась невиданная, небывалая Луна, превос-

ходящая размерами и блеском все три остальных — Четвертая Луна!

Она плыла между звездами, озаряя холодные холмы своим голубым светом, а мы ошеломленно смотрели на нее, пораженные невиданным зрелищем. Довольно скоро она обогнала Третью Луну, поравнялась со Второй и закрыла ее...

И опять мы долго не могли заснуть. Испуганные Носители мечей дрожали в палатках, стараясь согреться друг о друга, и шепотом переговаривались:

— Не к добру это... Погибнем все до единого. Никто не вернется домой...

7

На рассвете мы двинулись вперед. Примерно через час показалась Стена, а далеко за ней был слышен приглушенный грохот.

Ворота в Стене были открыты, около них стояли заряженные тяжелые бомбометы. Повсюду виднелись палатки, штабеля ящиков с боеприпасами, тянулись провода телефонов. Грохот вдалеке становился все сильнее. Сразу за воротами нам стали попадаться машины с ранеными. Потом на бешеной скорости промчался вездеход. Борта его были прострелены, и сидевший в нем Носитель меча что-то кричал нам и махал рукой.

Над нашими головами, борясь с сильным встречным ветром, медленно проплывали боевые воздушные шары. Они двигались красивым строем — в форме меча, направленного острием вперед. Большой красный шар стратега помещался в основании рукоятки, а по сторонам, как перекрестье эфеса, плыли шары его личной охраны. Под кабиной каждого шара висел тяжелый заряд, который аэронавты, подходя к цели, будут по очереди сбрасывать на головы врагов. В открытых кабинах были видны обнаженные спины летной команды, усердно работавшей педалями, от которых вращались огромные тянущие винты, похожие на крылья ветряных мельниц.

Грохот боя приблизился. Мы сидели наготове, положив стволы автоматов на бронированные борта и мысленно посылая молитвы Солнцу.

Вдруг я снова заметил воздушные шары. Гонимые ветром, они стремглав летели нам навстречу, потеряв строй и угрожающе раскачиваясь. Заряды по-прежнему висели под ними — стало быть, шары отступили, не достигнув цели. Одни из шаров стремительно снижались. Очевидно, его баллон был поврежден, и газ улетучивался из оболочки. Вдруг от шара отделился заряд и полетел прямо на голову нашей колонны. Шар взмыл вверх, и в тот же момент впереди рвануло. Наш вездеход наскочил на идущий впереди — водитель от испуга не успел вовремя затормозить. Вслед шару затрещали очереди, он вспыхнул и стал падать. Мы видели, как пилоты выбросились из кабины, над ними раскрылись парашюты. Один из

вездеходов свернул в сторону и погнался за пилотами. Вскоре их привезли туда, где еще дымились остатки двух передних машин, и тут же отрубили им головы.

Бросив тела казненных у дороги, мы двинулись дальше. Грохот почему-то прекратился. До места боя оставалось уже недалеко. Наша колонна развернулась в боевой порядок, вперед пошли дозорные машины. Но отъехав на сотню шагов, они остановились.

Это было какое-то наваждение. Как только очередная машина подъезжала к невидимой черте, ее мотор выходил из строя. Скоро все наши вездеходы замерли в неподвижности.

Мы еще не знали, что война проиграна. Но это было так. Противник каким-то таинственным образом вывел из строя все наши машины, и мы оказались без средств передвижения, лишённые подвоза боеприпасов, топлива, пищи, не имея возможности вывезти раненых. Наше отступление было страшным кошмаром. Мы брели по холодной пустыне из последних сил, оставляя ослабевших умирать на песке. Песьеголовые не нападали на нас. Иногда мы видели их патрульные машины, но они держались в отдалении и ни разу не приблизились на дистанцию огня. Весь транспорт по-прежнему бездействовал, и лишь несколько парусных буеров, пробившиеся через пустыню, вывезли в тыл стратегов. Это страшное отступление длилось пять суток. Когда впереди, наконец, показалась Стена, я уже не мог идти и полз по песку, раздирая колени и руки. Автомата я не бросил — сам не знаю почему. Возможно, я попросту не смог снять его с себя. Это спасло меня от смерти. Сразу за воротами всем Носителям мечей, пришедшим без оружия, отрубили головы...

8

События проигранной войны заставили меня на многое смотреть по-другому. Песьеголовые оказались прекрасно подготовленными. Это вовсе не был дикий и нищий народ, каким я его себе представлял. Особенно мечя поразило, что они выпустили нас живыми, хотя вполне могли уничтожить всех до единого. Может быть, мой сын не стал зверем и преступником от того, что жил среди них?

Почему-то чаще всего я вспоминал не разгром, не наше бегство, а ту холодную ночь, когда над нами в недостижимой высоте проплывала Четвертая Луна. По ночам, когда я забывался беспоконным сном, я снова видел ее стремительный полет над безводными песками Западной пустыни, и в заливающим мир голубом зареве каждый раз появлялось знакомое и в то же время чужое лицо моего сына — не мальчика, но взрослого человека. Я просыпался и долго лежал с открытыми глазами, пытаясь что-то вспомнить — очень важное для меня, быть может, самое важное. Порой мне казалось, что я близок к разгадке, и я лихорадочно разматывал в своей памяти клубок про-

шедших событий, ища ответа и почему-то боясь его, но каждый раз нить обрывалась, а следующей ночью все начиналось сначала.

В это время в моей судьбе произошла большая перемена.

Однажды меня вызвали к стратегу. Я явился, недоумевая, для чего мог понадобиться такому большому начальнику Младший Носитель мечя. Стратег долго изучал какие-то бумаги, лежащие перед ним, потом осмотрел меня и остался недоволен.

— Выдать ему новое обмундирование, — приказал он. — Переоденься и немедленно сюда. Через час ты должен выехать в столицу.

Когда я, одетый с иголочки, снова предстал перед ним, он довольно хмыкнул и вручил мне пакет.

— Явишься в императорский дворец и вручишь пакет консулу Лин Эсту, — приказал он. — Ступай.

На следующее утро я с волнением входил во дворец. Лин Эста пришлось ждать довольно долго. Наконец, он появился. Это был высокий крупный мужчина, превосходивший меня ростом на полголовы, с сильными руками и маленькими умными глазами. Лин Эст был одним из двенадцати Стоящих У Руля, и его роскошная тога из дорогой ткани была расшита красными кругами.

Я воздел ладони в знак покорности и уважения. Лин Эст вскрыл привезенный мной пакет, прочитал бумаги и испытующе посмотрел на меня.

— Приблизься, — приказал он.

Я шагнул вперед.

— Ты доказал свою преданность Императору, — сказал мне Лин Эст. — Заслуги твои замечены, и ты заслуживаешь награды.

С этими словами он повесил мне на шею диск из красного золота — символ Солнца. Пораженный этой великой наградой, я по ритуалу прижал диск к сердцу и распростерся ниц. Когда я поднялся, Стоящий У Руля продолжал:

— Милость Императора безгранична. Сегодня ты делаешь первый шаг к славе, богатству и почестям. Отныне ты — Носитель мечя в личной охране Императора. Только два лица во всей Империи имеют право приказывать тебе — Начальник охраны и сам Император...

Все происшедшее ошеломило меня. Я не понимал ничего и чуть было не совершил тяжкий проступок, но вовремя вспомнил, что Стоящим У Руля вопросов не задают, и только молча поднимал ладони в знак послушания и любви.

Некоторое время Лин Эст молчал, как бы раздумывая. Его маленькие пытливые глазки внимательно изучали меня.

— Сегодня тебя приведут к присяге, — сказал он наконец. — Но перед этим у тебя проверят кровь.

Наверно, я побледнел от ужаса. Все поплы-

ло у меня перед глазами. Лин Эст сразу подскочил ко мне и схватил за грудь.

— И так как у тебя одиннадцатая группа, тебе завтра же отрубят голову... — прошипел он мне в лицо, брызгая слюной. — И не будет ничего — ни славы, ни богатства, ни почестей. Палач трижды обнесет твою голову вокруг плахи и насадит на кол, а тело твое сожрут отвратительные черви...

Ноги мои подогнулись, и я упал бы на роскошный паркет, если бы Стоящий У Руля не поднял меня за тогу с неожиданной силой.

— Слушай, ты, отважный Носитель меча! В охране священной особы Императора могут состоять только самые верные, самые надежные люди. Ты доказал свою преданность, поэтому я спасу тебя от смерти! Но за это ты станешь моими ушами, моими глазами возле Императора! Враг коварен, он способен проникнуть даже в ряды трижды проверенных. Я должен знать все, что ты увидишь или услышишь. Я должен знать, что делаешь ты и другие стражи, что делают твои начальники и даже сам Император. Только зная все это, я могу быть спокоен за безопасность Императора.

Ошеломленный, я только и мог вздымать свои дрожащие ладони. А Лин Эст продолжал:

— Все, что ты увидишь, услышишь или узнаешь от других, я должен узнавать самым первым. Возможно, в твоих донесениях не все будет заслуживать внимания, и я укажу тебе на это, чтобы ты не вводил в заблуждение своих начальников пустыми слухами и бабьими сплетнями. И помни: только безусловное повиновение поможет тебе сохранить жизнь. Тот день, когда я усомнюсь в твоей преданности, будет для тебя последним днем. А теперь иди!

9

Я достаточно долго работал в Проверке и знал, что приборы для определения группы крови безукоризненно точны. Поэтому, несмотря на слова Лин Эста, я отправился на проверку, переполненный страхом. Только огромным усилием воли мне удалось сохранить видимость спокойствия.

Очевидно, я не сумел скрыть свое волнение, потому что врач Тал сказал мне с улыбкой:

— Я вижу по твоему одухотворенному лицу, что ты полон рвения и жаждешь немедленно служить Императору. Надеюсь, что не забудешь пригласить и меня, когда будешь праздновать начало своей новой службы.

Я облизал пересохшие губы и хрипло сказал, что не мыслю праздника без него. Он подмигнул мне, быстро проверил аппарат и взял пунктор. Я протянул ему руку, чувствуя, что теряю сознание.

— Ох, уж эти мужчины! — засмеялся врач. — В бою они бесстрашны, как единороги, но игла шприца приводит их в трепет... — Тут он уколол меня в палец. — Вот и все. У тебя первая группа — как у самого Императора...

Я встал и попытался улыбнуться. Все плыло перед моими глазами.

— Так ты не забудешь? — крикнул Тал мне вслед. Я вышел за дверь и прислонился к стене, чтобы прийти в себя. Я все еще не верил, что спасен.

Здесь и застал меня Лин Эст.

— Вот текст присяги, — сказал он. — Выучи его наизусть. И помни, что проверку в любой момент можно повторить. Но тогда у тебя будет уже не первая группа...

10

Так началась моя новая служба.

Личная охрана Императора была самой привилегированной воинской частью в Империи. Даже власть зловещей Тайной Канцелярии не распространялась на нас. Казармы размещались на территории дворца, но это ничуть не стесняло нашей свободы — в часы, не занятые дежурствами, мы были предоставлены самим себе и проводили время главным образом в значных местах, сконцентрированных вокруг площади Справедливости.

Начальника охраны звали Скант. Его длинное имя свидетельствовало о большой учености, а многочисленные ордена и особенно Большой Знак Солнца — о воинской доблести и особых заслугах перед Императором. Это он был одним из двух лиц в государстве, которым я обязан беспрекословно подчиняться. Другим моим начальником был сам Император, но я видел его довольно редко и только издали. Был, правда, еще один человек — третий консул Империи Лин Эст, один из двенадцати Стоящих У Руля... Но он пока не отдавал мне никаких приказов.

В первую же свободную субботу я устроил грандиозную выпивку для своих новых товарищей. Не забыл пригласить и врача Тала. Мы собрались в кабачке «Под Солнцем Справедливости». Веселье длилось всю ночь. Напившиеся стражи обнимали меня и один за другим поднимали Кубок Братства. Кончилось все это тем, что я свалился под стол и больше ничего не помнил.

Уже в первые дни я узнал, что каждый из стражей чем-нибудь знаменит. В личную охрану Императора принимали лишь особо отличившихся и доказавших свою верность Императору. Это беспокоило меня, потому что я не знал за собой никаких заслуг. Мне все время казалось, что произошла непонятная ошибка, что меня приняли за кого-то другого и в любой момент могут разоблачить.

Регулярно я докладывал Лин Эсту обо всем виденном и слышанном. К моему удивлению, больше всего он интересовался прогулками Императора. Он тщательно расспрашивал, в какое время и где я видел Императора, подолгу ли он остается в каком-либо месте, не замечал ли я чего-нибудь странного в его поведении.

Кажется, мои сведения не очень устраивали

Стоящего У Руля. Однажды он даже спросил меня, хорошо ли я вижу, и приказал немедленно проверить зрение. Я отправился к Талу, тот обследовал мои глаза и нашел зрение отличным. Но это отнюдь не успокоило Лин Эста. Он стал мрачнее обычного и велел внимательно следить за выражением лица Императора.

И вскоре я увидел то, о чем Лин Эст, очевидно, догадывался и о чем хотел услышать от меня. Это было невероятно, и когда я понял это, то поразился, что до сих пор ничего не замечал.

Императоров было несколько!

Сколь ни чудовищной казалась эта мысль, ничего иного придумать я не мог. Я долго мучительно размышлял, пытаюсь найти другое объяснение увиденному, но снова и снова возвращался к этой мысли — подобно тому, как слепая лошадь у подъемника в шахте, где я когда-то работал, все время ходит по кругу. Наш бессмертный, вечно юный Император, которому поклонялись многие поколения моих соотечественников, который был для всех средоточием высшей мудрости, справедливости и милосердия — такой Император вообще не существовал! Были несколько человек, и каждый из них по очереди выдавал себя за Императора!

Каждый житель Империи с детских лет знал и помнил никогда не меняющийся облик нашего вечно юного Императора. Изображение его прекрасного лица сопутствовало нам от де-

тских пеленок до похоронной колесницы. Поэтому лишь волнение, от которого слезы застилали глаза, мешало мне увидеть, что человек, которого я принимал за Императора, вовсе не был им. Более того, это был не один и тот же человек, а разные люди, все удивительно похожие на Императора, но разного возраста — иногда моложе, иногда старше. Один раз Император выглядел как мужчина средних лет — в тот раз я видел его лишь короткое мгновение, когда он торопливо направлялся куда-то. Гораздо чаще он был молодым — почти таким, как на портретах, и тогда я начинал думать, не ошибся ли я... Но разница все же существовала, и этого я никак не мог постичь. Если Императора подменили злоумышленники, то они не могли не понимать, что изменения внешности не останутся незамеченными. А может быть, у Императора несколько братьев, и они царствуют по очереди?

Когда я доложил о своем открытии Лин Эсту, он так вцепился в мою тогу, что чуть не задудил меня.

— Никто не должен знать об этом! — прошипел он мне в лицо, как расвирепешший камышовый кот. — Одно только слово — и твоя голова слетит с плеч. Храни эту тайну пуше жизни! И еще я хочу знать — в какие часы меняется Император? Где это происходит? Наблюдай непрерывно. Если представится возможность выйти на внеочередное дежурство — не упусти ее. Твои сведения нужны мне как можно скорее...

Однажды, когда я сидел в кабачке «Под Солнцем Справедливости» перед бутылкой вина, кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулся. Передо мной стоял Гун.

Когда-то Гун был моим начальником, и я обязан был приветствовать его, стоя навытяжку. Сейчас я даже не привстал, а только лениво приподнял ладони.

— А ты теперь важная птица! — с завистью сказал он, садясь рядом. — Ба, да у тебя Знак Солнца!

На его тоге синела широкая нашивка «за ранение», а на груди сверкал боевой орден. Судя по всему, Гуна было что порассказать.

Зная его привычки, я заказал полдюжины бутылок вина. Он обрадовался — видно, с деньгами у него было не густо. Скоро мы изрядно напились, и язык у него развязался.

— Ты здесь неплохо устроился, — разглагольствовал он, обнимая меня. — Еще бы! Личная охрана Императора! Опасностей никаких, кормят-поят хорошо, платят тоже неплохо, все развлечения под рукой. А мы все время рискуем своей шкурой. Кстати, за какие заслуги ты сюда попал? Я вот спас в бою командира, — он показал на свой орден, — но меня пока в охрану не зовут.

Я предпочел отмолчаться, но Гун этого даже не заметил — он был здорово пьян.

— Все последнее время мы торчим на границе, — жаловался он. — У нас задание особой важности — любой ценой захватить живьем Песьеголовых. Половина нашего отряда легла там, — он ткнул куда-то рукой, — и все напрасно. Они постоянно настороже. Мы пускаемся на всяческие хитрости, проникаем к ним тайком, прорываемся с боем, маскируемся под заблудившихся пастухов... Недавно забросили к ним в тыл группу на воздушных шарах. Ни один человек не вернулся! А стратеги ничего не желают знать. «Положи весь отряд, но захвати живьем Песьеголового», приказывают они. А зачем мне Песьеголовый? Что я с ним не поделил? Почему я должен рисковать шкурой ради того, чтобы кто-то здесь мог полюбоваться, как ему отрубят голову?

Перепивший Гун уже кричал на весь зал. На нас стали оглядываться. Я попытался успокоить его, он разбушевался еще больше.

— Вы тут жиреете в столице, а мои лучшие ребята гниют в земле! Я сам заработал пулю, а ради чего? Совсем недавно за каждого Песьеголового нам давали трехмесячное жалование, а теперь обещают вдвое больше. Кто мне объяснит, в чем причина?

Недалеко от нас сидел один из стражей — толстый Сил. Он подошел к нам и схватил Гуна за тогу.

— Ты кричишь, как вонючий шакал, оскорбляя слух охраны Императора, — сказал он. — Прочь отсюда!

Гун вырвался из его рук.

— Ага, толстозадый, тебя-то мне и надо! Давно я тебя поджидаю!

И неожиданно для всех Гун выхватил меч и ударил Сила. Поднялся переполох, Гуна связали. Толстый Сил сидел на полу и раскачивался от боли. У него было довольно сильно разрублено плечо.

— Мне с утра на дежурство, — простонал он. — Предупреди...

— Я заменю тебя, — сказал я, удивляясь прозорливости Лин Эста. Или все это подстроено?

Я стал вспоминать слова, которые крикнул Гун, но в голове шумело, и я вернулся к последней еще не допитой бутылке. Тут к моему столику подошла совсем юная девушка — очевидно, новая служанка — и стала собирать пустые бутылки. Я хотел прогнать ее, но она вдруг наклонилась ко мне.

— Я друг твоего сына, — сказала она. — Мне нужно с тобой поговорить.

Пол кабачка словно качнулся подо мной. Сын... Я столько думал о нем в последнее время!

— Говори! — сказал я. Но она покачала головой.

— Не сейчас. Приходи сюда завтра вечером. И пожалуйста, не пей ничего...

Утреннее дежурство началось в шесть часов. За час до этого я явился к Сканту, доложил о происшествии с Силом и вызвался дежурить вместо него. Вскоре наряды были выстроены, и центурион проверил наше снаряжение: легкий карабин на груди, на левом бедре меч, на правом — кинжал и ракетница, свисток в кармане портупеи, часы и сигнальное зеркальце на левом запястье. В этот момент явился взволнованный Скант и приказал сменить карабины на боевые автоматы, взять запасные магазины и сумки с ручными бомбами. Мы мигом исполнили приказание. Все были встревожены, но в строю говорить не полагалось, и мы лишь переминались с ноги на ногу, мысленно строя самые невероятные предположения.

Появился бледный и перепуганный Лин Эст. В первый момент я даже не узнал третьего консула — до того страх изменил выражение его лица, которое я привык видеть гордым и самоуверенным. Он подбежал к Сканту, и они долго шептались. Видно было, что Стоящий У Руля пытается что-то доказать Начальнику охраны, а тот никак не соглашается. Вдруг где-то вдалеке послышались выстрелы. Лин Эст схватился за голову и в отчаянии опустил на пол. Скант подал команду, и мы помчались за ним, на ходу снимая оружие с предохранителей.

Стрельба раздавалась возле казармы вексиллариев — отборной части императорской охраны, состоящей сплошь из ветеранов. Когда мы подбежали ближе, из окон верхнего этажа загремели очереди, дымные трассы протянулись

нам навстречу, кто-то позади меня закричал от боли. Я плюхнулся прямо на клумбу с розами — любимыми цветами Императора, выставляв вперед автомат. Команды я не слышал, но все вокруг стали стрелять. Я застрочил тоже, потом переполз за статую. Огонь то усиливался, то стихал. Стражи залегли между клумбами, укрылись за деревьями, парковыми скульптурами. Невдалеке, на полдороге между нами и входом в здание лежали в неестественных позах несколько трупов. Очевидно, это были участники первой, неудачной атаки на казарму.

Бетонное основание статуи прекрасно укрывало меня от пуль. Время от времени я высывал свой автомат и давал короткую очередь в сторону казармы, не стараясь особенно целиться. Все происходящее было мне непонятно, и я напрасно пытался уяснить себе причину этих странных событий. Вексилларии всегда считались самой верной, самой надежной частью императорской охраны. Я никак не мог поверить, что они оказались замешанными в заговоре.

Невдалеке от меня кто-то заговорил в мегафон, предлагая осажденным сдаться. В ответ они выстрелили надкалиберной гранатой, и я услышал, как говоривший, скрытый от меня кустами, дико завизжал. Со всех сторон загрели автоматы, я тоже выпустил несколько пуль. Патроны следовало беречь — еще неизвестно, поднесут нам их или нет. Сейчас стрельба велась в основном для очистки совести, но когда прикажут ворваться в здание, только веер пуль впереди поможет сохранить жизнь. Бой в здании — самый жестокий и скоротечный бой, в котором побеждает тот, кто стреляет первым.

Ленивая перестрелка продолжалась около получаса. Потом я почувствовал позади себя какое-то движение. Осажденные тоже заметили это, потому что их огонь сразу усилился. Затем за деревьями рывкнул бомбомет, тяжелая бомба с шипением пронеслась над моей головой и лопнула на крыше казармы, разгав ее красивую черепичную кровлю. Второй выстрел дал недолет, и бомба взорвалась на клумбе с розами. В ответ из окон захлопали гранатометы. В свою очередь, мы застрочили по окнам, пытаясь подавить гранатометчиков. Бомбомет бухнул еще несколько раз, не причинив заметного ущерба прочным стенам казармы. Но вот одна из бомб попала в окно, и оттуда повалил дым. Очевидно, осажденные поняли, что дело плохо, потому что через несколько минут они выкинули белый флаг.

13

Смысл этих неожиданных событий долго оставался для меня неясным. Среди стражей ходили самые противоречивые слухи. Говорили, что вексилларии пытались совершить дворцовый переворот, для чего хотели арестовать Императора и принудить его отречься от пре-

стола. По другой версии Императора хотели убить, а на трон посадить его сына, который якобы тайно вернулся из страны Песьеголовых, где скрывался много лет, и поступил в императорскую охрану под чужим именем. Ходили также смутные слухи (об этом говорили только шепотом и лишь с самыми близкими друзьями), что Императора вообще подменили и власть узурпирована кучкой заговорщиков, к которой вексилларии не имеют никакого отношения... Словом, слухов было превеликое множество, но истины не знал никто.

Сдавшемуся вексиллариям в тот же день без суда и следствия отрубили головы, и это еще больше сбило меня с толку, потому что версия о заговоре оказалась явно несостоятельной. Было совершенно непонятно, в чем же вина вексиллариев. Правда, нам всем тогда было не до размышлений, потому что хватало своих забот. На наши плечи упала двойная нагрузка. Раньше после шестичасового дежурства мы могли отдыхать целые сутки. Теперь же приходилось выходить на дежурство, едва успев выспаться. К тому же нас перестали выпускать из дворца, и я не смог встретиться с другом моего сына — этой юной девушкой.

Лин Эста я увидел лишь через несколько дней. Он вышагивал с напыщенным видом, словно это не он совсем недавно трясся от страха. Неужели он так боялся вексиллариев?

Движением руки он подозвал меня ближе.

— Рад видеть тебя живым и здоровым. Я боялся, как бы ты сдуру не полез под пули, но не успел предупредить тебя.

Я поднял вверх ладони в знак почтения и благодарности и подумал, что в тот миг он от страха едва ли помнил обо мне. Но чего он боялся?

— Твоя главная задача — охрана священной особы Императора, — продолжал Лин Эст. — Заговорщики разгромлены, но кое-кто из них мог уцелеть. Береги Императора пуще своей жизни.

Тут он оглянулся по сторонам, подошел ко мне вплотную и заговорил так тихо, что я с трудом понимал его.

— Слушай мой приказ, отважный Носитель меча! Сегодня ты будешь стоять на страже в Голубом зале. В полдень Император пройдет мимо тебя. Ты должен обязательно узнать, куда он направляется. Слышишь?

Он схватил меня за тогу и бешено затряс. Лин Эст был человеком недюжинной силы. Наверно, в рукопашной схватке один на один я не смог бы справиться с ним. А теперь, когда страх парализовал меня, я болтался в его руках, как тряпичная кукла. Приказ Лин Эста был чудовищным. Покинуть пост и следить за Императором! Даже мысль об этом была государственным преступлением и требовала немедленной казни...

— Сделай это, и завтра ты станешь Старшим Носителем меча и центурионом вексилла-

риев. Убей того, кто попытается тебе помешать. Но если ты не выполнишь приказ, — тут он так сдавил мое горло, что я захрипел, — то тебе завтра же отрубят голову. Я еще не забыл, какая у тебя группа крови!

— Повинуюсь, о Стоящий У Руля, — пробормотал я, с трудом удерживаясь на ногах. — Да здравствует Солнце!

— А теперь марш на пост. И береги Императора! — прошипел он мне в спину. — Жизнь отдай, но защити его, если понадобится!

14

Голубой зал был одним из самых больших в известной мне части дворца. На его стенах и потолке беспорядочно чередовались изображения рыб, драконов, цветов, геометрических фигур и непонятных механизмов. За все время моей службы в охране мне еще ни разу не приходилось дежурить здесь. На этот пост обычно назначали только самых проверенных из вексилляриев. С Голубого зала начинались помещения, куда не допускался даже Начальник охраны Скант и сам могущественный Лин Эст. Только черные агенты Тайной Канцелярии имели право доступа в секретные покои. Среди стражей ходили самые фантастические слухи об этой части дворца. Однако ничего определенного никто вслух не говорил, потому что излишне болтливым отрубали головы.

Я стоял на посту строго по уставу — широко расставив ноги и положив руки на карабин. Попастъ сюда было великой честью, но я не испытывал ни малейшей радости. Наоборот, меня грызла все растущая тревога. Положение, в котором я оказался, было незавидным. Мне предстояло нарушить присягу и вступить на путь измены Императору. Возможно, уже сегодня мне отрубят голову — и поделом... Но даже если все обойдется благополучно, Лин Эст не успокоится. Он даст мне новое задание, и рано или поздно конец будет один.

Я вспомнил о событиях, предшествовавших избению вексилляриев, когда перепуганный консул о чем-то умолял Сканта. Может быть, среди вексилляриев тоже были заговорщики, и Лин Эст боялся, что они под пыткой выдадут его? Но тогда и Начальник охраны — заговорщик?

Когда в моих мыслях возникло это слово, я даже похолодел. Какое право имел я подозревать могущественнейших людей в Империи? И в чем мог заключаться заговор, если совсем недавно Лин Эст снова напомнил мне, что священная особа Императора неприкосновенна?

Но здесь мои мысли приняли новое направление. Я вспомнил о своем ужасном открытии. А что, если Император давно убит или похищен злоумышленниками? Ведь я сам пришел к мысли, что Императоров несколько...

Мелодичный бой старинных часов прервал мои размышления. Наступил полдень. И тот-

час я заметил вдалеке какое-то движение. Через зал шел Император.

Вот оно! До этого момента я питал слабую надежду, что Император не появится и мне не придется выполнять приказ Лин Эста. Но теперь выхода не было.

Император бесшумно пересек зал и скрылся за дверью. Сейчас он исчезнет в своих тайных покоях, а мне... Меня вдруг охватил дикий страх. Больше не раздумывая, я бросился вслед за Императором. Он стоял за дверью, спокойно поджидая меня.

Я упал на колени.

— Убей меня, о Повелитель! — воскликнул я, протягивая Императору свой меч.

В этот момент страх мой исчез. Оказывается, как это просто... Смерть вдруг показалась мне желанной.

Император стоял совсем рядом, рассматривая меня. В его глазах не было ни гнева, ни презрения. Казалось, он чем-то удивлен. Он даже не взял моего меча.

— Чей приказ ты выполнял? — спросил он меня вдруг. — Кто послал тебя, Носитель меча?

— Лин Эст... — пробормотал я еле слышно.

— Что поручил он тебе?

— Я должен был проследить твой полуденный путь, о Повелитель!

— А потом?

— Это все, о Повелитель!

— Как посмел ты нарушить присягу? Почему не убил заговорщика на месте?

— Вели меня казнить, о Повелитель! Я посмел подумать о тебе плохое...

— Продолжай.

— Твой лик меняется, о Повелитель! Ты являлся в разных обликах...

Император задумался. Его лучистые глаза смотрели на меня не отрываясь. Я хотел простереться ниц, но почему-то не мог отвести взгляда от его прекрасных глаз.

— Ты не опускаешь глаз... Ты хочешь служить Императору... — мелодично произнес он, и мне вдруг показалось, что я уже слышал когда-то эти слова.

Он все смотрел на меня, а я утопал в его взгляде, чувствуя, как наполняет меня любовь к Императору. Постепенно его лицо неувлимо изменялось, и мне стало казаться, что передо мной несколько разных людей, одни молодые, другие старше, но все они — Император...

— Ты совершил великое преступление, — сказал он наконец. — Любый другой за это немедленно расстался бы с жизнью. Но твои заслуги перед Империей так велики, что я прощаю тебя. Встань.

Меня ошеломило не столько неожиданное помилование, сколько новое упоминание о моих неведомых заслугах. Что такое я мог сделать?

— Государственные заботы тяжелы, — про-

должал Император. — Они отнимают у меня часть вечной молодости. Посмотри на меня!

Я впился глазами в лицо Императора. Да, оно не было сейчас таким юным, каким его знали все. Это лицо было прекрасным, но оно менялось, старело!

— Видишь, даже беседа с тобой унесла часть моей молодости. Эта молодость перешла к тебе, продлив дни твоей жизни. Каждый час, каждый миг изливаю я на свой народ отнятую у меня молодость. И только в короткие полуденные часы великое Солнце вливает в меня новую силу, чтобы я снова мог отдавать ее своим подданным!

Рука Императора легла мне на плечо.

— А теперь вернись на пост. И когда Лин Эст спросит тебя, поведай ему правду о моем пути, но не о нашей беседе. А я спешу, ибо силы мои тают. Да здравствует Солнце!

15

Лин Эст сдержал свое обещание. На следующий же день Император подписал указ о назначении меня Старшим Носителем меча и центурионом вексиллариев. Впрочем, как я уже говорил, все они были казнены, и мне предстояло создавать эту часть заново.

Неожиданное повышение сделало меня недосягаемым для простых стражей. Мои бывшие товарищи теперь обязаны были вытягиваться при встречах со мной и молча выслушивать приказания. Не могло быть и речи о том, чтобы собраться за одним столом для выпивки и дружеской беседы. Потеряв своих прежних друзей, я не приобрел новых и чувствовал себя очень одиноким.

Новая должность все же дала мне ряд преимуществ. Теперь я имел право свободного выхода из дворца в любое время и в первый же вечер отправился в знакомый кабачок, чтобы поговорить с той девушкой. Но все мои попытки завязать разговор были напрасными. Она только испуганно молчала, теребя фартук, и умоляюще глядела на меня. Посетители заметили мои старания и стали насмешливо подбадривать меня. «Смотрите, какую отменную подружку подыскал себе этот центурион!» — крикнул кто-то. Рассвирепев, я выхватил меч, но насмешник предпочел затаиться. Я решил больше не привлекать внимания, прогнал девочку от стола и как следует напился.

Формирование центурии закончилось через несколько дней. К моему изумлению, среди своих подчиненных я увидел Гуна. Поразмыслив хорошенько, вспомнив его драку с толстым Силом, я понял, что Гун — один из агентов Лин Эста. Мне оставалось только догадываться, сколько еще соглядатаев и шпионов окружает меня.

Лин Эст первый поздравил меня с назначением. Теперь он обращался со мной почти как с равным, однако оттенок высокомерия все время чувствовался в его голосе. А Сканти —

тот даже заискивал передо мной, хотя формально оставался моим начальником.

Служба моя протекала спокойно. Поврежденную бомбами казарму отремонтировали, и я поселился в квартире бывшего командира вексиллариев, которому за неизвестные мне прегрешения отрубили голову. Мое жалование было сказочным по сравнению с теми далекими временами, когда я служил простым шофером в группе Проверки. Однако девять деньги мне было некуда. У меня даже не осталось друзей, с которыми я мог их пропить.

16

От нечего делать я снова стал ходить на казни. С незапамятных времен они совершались всегда в одно и то же время — за час до полудня. Шепелявый автомат бормотал стандартную формулу обвинения, палач взмахивал мечом, зрители вскрикивали — словом, все было как обычно. И тем не менее каждый раз омерзительный холод пробежал по спине, в нижней части живота начинало противно ныть, а в шейных позвонках появлялась тупая боль, словно это мне отрубали голову.

Казни совершались ежедневно. Они являлись как бы бесплатным развлечением, обязательность которых была освящена обычаем.

Вскоре я обратил внимание на странную особенность. В прежние времена казнили за самые разнообразные преступления: казнили воров и убийц, грабителей, изменников, заговорщиков, кровосмесителей, бунтовщиков, небозрителей, шпионов, насильников. Теперь почему-то все казнимые были сплошь тайными агентами Песьеголовых. Я никак не мог поверить, что число вражеских шпионов за короткий срок выросло в десятки раз, и тем не менее факт оставался фактом. Изо дня в день судебный автомат произносил одну и ту же фразу, словно другие виды преступлений вдруг исчезли по всей Империи! И еще одно поразило меня: многие осужденные были очень молоды. Порой среди них попадались совсем дети.

Однажды ко мне пришел Лин Эст.

— Как видишь, я выполняю свои обещания, — сказал он, сладко улыбаясь. — Ты был простым Носителем меча, а теперь занимаешь видный пост. И это еще не все. В твоей власти шагнуть гораздо выше. К тебе благоволит Император, и если ты будешь внимать советам умных людей, то сможешь достичь многого...

Я с интересом слушал консула. Я уже начал догадываться, что Лин Эст — член какой-то тайной организации. Но что это за организация, кто в нее входит, каковы ее цели, я представить не мог.

После того случая, когда Император милостиво подарил мне жизнь, я постоянно чувствовал необходимость сделать что-то во славу Императора. По-видимому, теперь такая возможность мне представилась.

— Сейчас ты Старший Носитель меча, но имя твое односложно и бездонная пропасть от-

ПРАЗДНИК ПО ВЕЛЕНИЮ ДУШИ

Михаил БАКИН

ПРАЗДНИК ПО ВЕЛЕНИЮ ДУШИ

Туристский клуб Качканарского ГОКа «Исток», как говорится, пол-России прошел и открывать новые маршруты для него стало обычным делом. Однако открытие, сделанное нынешним летом, повсему видать, не раз еще позовет к себе истоковцев сегодняшних и будущих. А побывали нынче ребята на Волге, в Жигулях, на знаменитом Грушинском фестивале туристской песни.

Грушинка... Может быть бесконечно утомительной дорога сюда, но потом ты поймешь, что стремишься сюда всю жизнь и не побывать здесь просто не мог.

Грушинские фестивали посвящены памяти студента Куйбышевского авиационного института Валерия Грушина. Он был душой курса на своем радиотехническом факультете, зайдлым туристом и пропагандистом туристской песни, которая через тернии застоя пробивала себе дорогу. После окончания 5 курса в 1967 году он ушел на реку Уду, что в Восточных Саянах погиб, спасая детей из подводной стихии. Через год состоялся I Грушинский — ведь только продолжив дело друга, можно было оставить жить его рядом с собой. Впрочем, римская цифра I появилась уже потом, при закрытии... и обязала организаторов продолжить начатое.

Нынче прошел XX-ый фестиваль, а мог бы уже XXVI. Шесть лет подряд на пике застоя их запрещали, власти страшились авторской песни, которая, как ребенок от оспы, привита до идеологизации. Были и другие напасти. На фестивали слетались тучи графоманов и конъюнктурщиков, охочих до лауреатских званий. Были попытки перехватить славу и имя Грушинского. Но жюри из признанных мастеров авторской песни всегда вытягивали конкурсные программы до своего уровня. Ну а что касается альтернатив, то они лопались. Наверное, в ту пору Ю. Кукин написал:

Если вы знаете, где-то есть город, город,
Если вы помните, он не для всех, не для всех..
Странные люди заполнили весь этот город:
Мысли у них — поперек и слова — поперек,
Из разговоров они признают только споры,
И никуда не выходит оттуда дорог.

И возрождение состоялось. Потому что этот фестиваль сделала незаменимым его туристская суть. Родимое пятно Грушинского — туризм как вид спорта и просто отдыха, считает В. Шабанов, член оргкомитета, мастер спорта по туризму.

Каждый год высказывается прогноз: нынче народу мало приедет. XX собрал, по некоторым оценкам, 90 тыс. человек, почти в два раза больше, чем в прошлом году. И это вовсе не ответ туристов транспортным ведомствам, заломившим до небес цены на билеты. Скорее, это желание не потеряться в меняющемся мире, сверить ориентиры и ценности, почувствовать, насколько ты зависишь от людей.

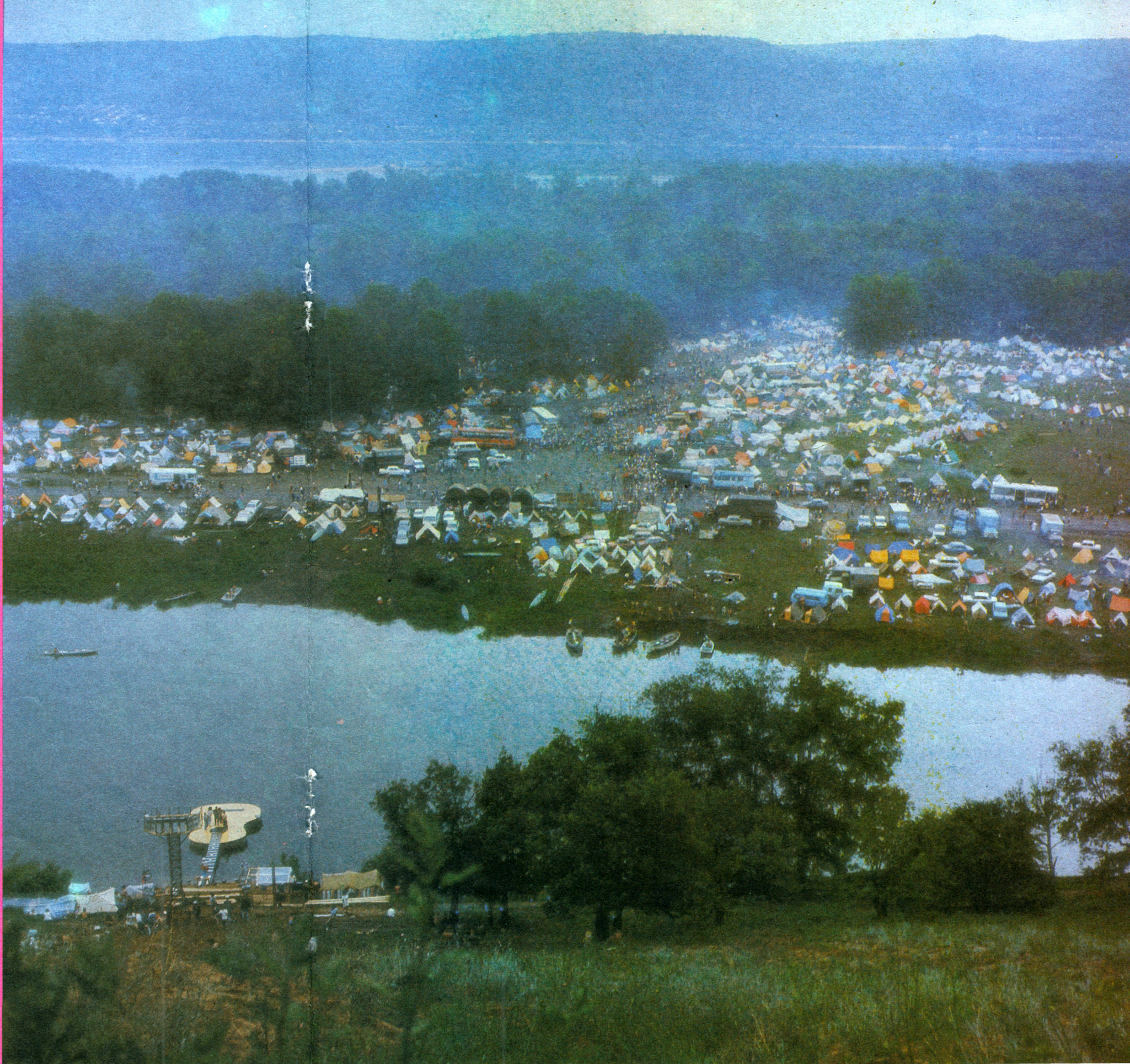
Главное, что всегда отличало эти фестивали: сама атмосфера, духовная близость, общение, добрые, мудрые, мужественные песни. Эти фестивали были признаны Ю. Визбором, А. Городницким, С. Никитиным, В. Берковским. Они разнесли песни Б. Окуджавы, Ю. Кима, А. Дольского, О. Митяева, открыли много новых имен и помогли встать десяткам клубов самодельной песни.

О Грушинском не рассказывать, его надо видеть и чувствовать. Видеть эти палаточные «улицы», традиционную чайхану, матч «Сборная Самары» — «Сборная мира» и Песенную гору, которая становится зрительным залом на заключительном концерте, и плот-«гитару», на которой выступают барды. Кому-то «дорогая» и «уважаемая» Гора откликнется миганием тысяч карманных фонариков — удача, а кому-то, промолчав в ответ, — провал. Это традиции Грушинского.

У него и спонсоры традиционные. Российско-американское СП «Самара-Диалог» ежегодно выпускает специальный красочный календарь, где год начинается в июле, а праздничных дня — два: первые суббота и воскресенье июля, то есть Грушинский праздник. Праздник по велению души. К слову о спонсорах. 17 млн. рублей выделила администрация Самарской области, 6 — мэрия Самары, 5 — мэрия Тольятти, «Самара-Диалог» — 32, Средневолжский комбанк — 2,5. Словом, где-то около 40 «лимонов». Кстати, один из них пойдет только на «реабилитацию» Песенной горы.

Ну а историю фестиваля, как это водится, дополняют легенды, а может, быть. Ну вот, к примеру: на концерте IV фестиваля во время дополнительного перерыва из-за аварии кабеля из 15 тысяч зрителей уснул только один. Или: во время земельных работ при подготовке к X была найдена стоянка древнего человека, среди костей и древних орудий найдены предметы, напоминавшие гитару.

... В Самаре весь наш Качканарский отряд радушно принял на постой в своей 1-комнатной квартире грушинец. В Уфе, на обратном пути, молоденькая продавщица мороженого поставила в наш туристский круг коробку своего ходового товара: «Угощайтесь! Вы ведь с Грушинского?» Просто им знакомо комфортное состояние души, которое приходит в эту пору на Мастрюковских озерах.

ПРАЗДНИК ПО ВЕЛЕНИЮ ДУШИ

деляет тебя от Стоящих У Руля, — продолжал ворковать консул. — Но твой ум и твои заслуги велики, и ты достоин узнать дорогу к мосту, который переброшен через эту пропасть...

— Приказывай, о Стоящий У Руля, — твердо ответил я. — Моя жизнь и смерть в твоих руках, и я готов на все.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

— Я не ожидал другого ответа, ибо наши судьбы уже связаны воедино. Поверь, ты никогда не пожалеешь об этом, потому что высшее блаженство станет твоим делом.

17

Я стоял в толпе глазееющих на казнь, когда кто-то положил руку на мой локоть. Это была она — юная девушка из кабачка, которая называлась другом моего сына.

— Пойдем отсюда, — сказала она. — Настало время поговорить.

Мы выбрались из толпы и углубились в пустынную аллею парка, где нас не могли услышать посторонние уши. Едва мы остались одни, как я набросился на девушку с упреками.

— Почему ты молчала так долго? Мое сердце разрывалось от безвестности. Каждый день казался мне годом...

Девушка была удивительно хороша. Ее глаза были как миндаль, щеки напоминали цветок персика, а маленькие груди, приподнимавшие одежду, можно было сравнить лишь с нераспустившимися розами.

— Меня зовут А, — произнесла она певучим, как серебряный колокольчик, голосом. — Прошлый раз я сказала тебе неправду. Я не только друг твоего сына — я его невеста...

— Дорогая А, — воскликнул я растроганно. — У меня никогда не было дочери, но теперь она появилась!

Я хотел обнять девушку, но она уклонилась.

— Отец — ты разрешишь называть тебя так? — отец, не забывай, что я простая служанка, а ты знатный человек, которому не подобает общаться с теми, чье имя так коротко... Беседуя с тобой, я рискую, что мне отрубят голову. Поэтому умерь свою радость.

— Хорошо. Но что заставляет тебя рисковать?

— Мне необходимо поговорить с тобой. Это желание твоего сына.

— Мой сын! Где он? Что с ним? Я все надеюсь, что однажды увижу его.

— Я пришла, чтобы помочь тебе встретиться с ним. Ты должен выслушать меня.

— И эту радость ты скрывала столько дней...

— Я не могла, — тихо ответила она. — Изменились обстоятельства. Из простого Носителя меча ты превратился в придворную персону. Я должна была получить разрешение на встречу. Ведь твой сын государственный преступник, и кто знает, как отнесется к его друзьям важный сановник!

— Мой сын — хороший человек! — горячо воскликнул я. — Не знаю, что за преступление он совершил, но верю, что ничего дурного он сделать не мог.

— Твой сын — самый лучший в мире человек, — смущенно сказала она. — Я люблю его больше жизни. Поэтому я и пришла к тебе.

— Я хочу его видеть! — сказал я. — Ведь столько лет уже прошло...

— Да, он был уверен, что ты его не узнаешь, — непонятно сказала она. — Конечно, он очень изменился.

— Я не понял тебя, девушка. Так когда я увижу его?

— Ты видел его не так давно, — тихо сказала она.

Страшное подозрение возникло в моей душе. Я буквально оцепенел от ужаса. Нет, не может быть!

— Он пришел к тебе под именем Ло... — закончила она.

Мне показалось, что земля разверзлась у меня под ногами и обрушился небосвод.

18

Не знаю, сколько прошло времени, пока я снова обрел способность спокойно разговаривать.

— Зачем, зачем он это сделал? — стонал я, заламывая в отчаянии руки. — И почему именно я должен был выдать его?

— Я все расскажу тебе, отец. Постарайся только успокоиться и приготовься внимательно слушать. У нас будет долгий и трудный разговор.

Я взглянул на цветущее лицо А и поразился ее железной выдержке.

— Что дает тебе силу, о девушка? — воскликнул я удивленно. — Твой жених погиб страшной смертью, преданный собственным отцом, тебе самой ежеминутно грозит гибель, а ты спокойно идешь рядом со мной, и губы твои улыбаются, и походка твоя стройна. Почему ты не разорвешь свои одежды и не обрешешь голову в знак вечной скорби, или не кинешься с Башни Любви, как это делают женщины, потерявшие любимых?

Она смотрела мне в глаза, и ее взгляд был ясен, а речь тверда.

— Слушай меня, отец. Я пришла не затем, чтобы терзать твое сердце горестным известием. Если ты любишь своего сына, если ты веришь ему, если хочешь увидеть его, нянчить его детей, твоих внуков — помоги ему!

— Что ты говоришь, несчастная! — закричал я. — Ведь я своими глазами видел, как ему отрубили голову!

— Да, это правда. И тем не менее ему надо помочь. Он еще может вернуться к нам.

Я с болью посмотрел на нее. Такая славная девушка... Она была бы отличной женой моему сыну. Как жаль, что его гибель настолько помutilа ее рассудок!

— Успокойся, А, — ласково сказал я. —

Пойдем отсюда. Скажи, чем я могу облегчить твою горе? Быть может, тебе нужны деньги?

Она не обиделась на меня, только спокойно отодвинула кошелек, который я протянул ей.

— Ты уже проследил, куда уходит Император в полдень из Голубого зала? — спросила она.

Я ошеломленно посмотрел на нее.

19

Все последние дни у меня не проходило ощущение, что чья-то невидимая рука все ту же и ту же закручивает пружину событий. Кажется, еще один оборот — и металл не выдержит, со звоном разлетятся в стороны шестеренки, сорванные с привычных мест ударом взбунтовавшейся стали...

После разговора с А я не находил себе места. По вечерам, когда были проверены караулы и закончены все дела, я долго не мог заснуть. Нервы мои были возбуждены до предела. Я метался по кровати, комкая одеяло. Не раз моя рука протягивалась к бутылке с вином, и я с большим трудом преодолевал искушение.

Однажды мне приснился страшный сон. Мне снилось, что я Император и выступаю перед своими квиритами в Большом Императорском Совете. Часы пробили полдень, и ко мне подбежал Гун. «О Повелитель! — воскликнул он, приплясывая на одной ноге. — Все приглашенные тобой мертвецы прибыли». Я посмотрел на публику и увидел, что зал заполнен одними покойниками. Мертвецы сидели в ложах, прогуливались по вестибюлю, толпились у автоматов с напитками. Почему-то у каждого была только одна нога. «Почему все они одноногие?» — спросил я. «По велению Тайной Канцелярии каждому входящему сюда отрубают правую ногу», — ответил Гун, приплясывая. Я со страхом взглянул на свои ноги. Мой взгляд заметили окружающие. «Держи его!» — закричали отовсюду. Напрасно я отбивался — меня схватили, повалили, Гун взмахнул мечом... Я в ужасе проснулся. Около моей кровати стояли трое.

— Кто вы такие? — спросил я, хватаясь за стоящий рядом меч, и тут же узнал в одном Лин Эста.

— Ты готов к клятве Послушания? — спросил он. — Следуй за нами.

Мне надели наручники и со скованными руками долго вели по темным коридорам. В отдаленном помещении дворца за столом, освещенным газовым рожком, сидело несколько человек. Судя по одежде, все это были лица высокого ранга — стоящие у Руля, а также военные и гражданские, облеченные высшими должностями Империи. Среди присутствующих я узнал верховного цензора, квестора, нескольких стратегов. Тут же сидел Сканд и еще два или три незнакомца, которых я несколько раз видел во дворце.

Меня поставили перед столом, на котором

тускло мерцала большая хрустальная ваза. Некоторое время все молча смотрели на меня. Потом квестор медленно встал.

— Имя? — спросил он бесцветным голосом. Я ответил.

— Кто назовет его заслуги перед Императором?

Поднялся Лин Эст.

— Вступающий в Братство Ищущих неоднократно доказал свою преданность Императору. Он деятельно работал в группе Проверки, проявил стойкость в Западном походе и храбрость в бою с вексилляриями. Он совершил также великий подвиг отречения от своей крови, отдав в руки правосудия своего сына, государственного преступника. По личному приказу Императора соискатель награжден Малым Знаком Солнца.

— Это все?

— Да, все.

Лин Эст сел.

— Желает кто-нибудь дополнить сказанное?

Я с интересом смотрел на сидящих за столом. Сейчас они будут решать, жить мне или умереть.

— Внимание, Ищущие Братья! Пусть каждый из вас положенным знаком удостоверит преданность соискателя Императору.

При этих словах Братья, сидевшие до сих пор неподвижно, стали кидать в вазу алые розы.

— Кто назовет преступления соискателя перед Императором?

Снова встал Лин Эст.

— Преступления его таковы: работая в группе Проверки, он скрыл свою принадлежность к запрещенной одиннадцатой группе. Это преступление он повторил при вступлении в личную охрану Императора. Он разглашал секретные сведения, касающиеся священной особы Императора, сделав их достоянием третьих лиц, не являющихся его непосредственными начальниками. Он совершил тяжкое нарушение присяги, оставив порученный ему пост и учинив дерзостную слежку за священной особой Императора.

— Есть добавления?

Никто не проронил ни слова.

— Можно ли перечисленные преступления против Императора считать заслугами соискателя перед Братством?

— Да... — выдохнули неподвижные фигуры за столом.

— Внимание, Ищущие Братья! Пусть каждый из вас положенным знаком удостоверит преданность соискателя Братству.

В полумраке возникло легкое движение, и в хрустальную вазу, на которой возвышалась горка алых роз, полетели черные розы.

Квестор взял вазу двумя руками и поднял ее над столом.

— Итак, мнения высказаны. Приблизься, соискатель, чтобы узнать свою судьбу.

Он перевернул вазу. Красные и черные розы рассыпались по столу.

Квестор взял со стола две розы — красную и черную — и отложил их в сторону. Он делал это не торопясь — красную и черную, красную и черную... Когда он поднял последнюю пару, на столе одиноко адела только одна роза. Это означало для меня смертный приговор.

— Итак, твоя судьба решена, соискатель! По мнению членов Братства, твои заслуги перед Императором превосходят заслуги перед Ищущими Братьями, и ты не можешь быть принят в Братство. Поэтому тебе надлежит немедленно умереть.

Сидевшие за столом вскинули ладони.

— Да будет так... — словно вздох, пронеслось по темной комнате.

Я смотрел на Братьев и думал, что больше всего они напоминают злобных скорпионов, брошенных в одну банку.

— Какую смерть выберешь ты, бывший соискатель? Предпочтешь ли ты умереть от меча, кинжала или яда?

Я молча рассматривал их, удивляясь, что так долго не понимал истинной сущности этих вершителей людских судеб. Пауза затянулась, и я почувствовал, что ими овладевает смутное беспокойство.

— Торопись с решением, — напомнил, наконец, квестор. — Время твоей жизни истекло.

Тогда я отодвинул в сторону стоявшую передо мной вазу — она упала на пол и с протяжным звоном разлетелась на куски — сел боком на стол и протянул к Лин Эсту скованные руки.

— Хватит валять дурака! — сказал я громко. — Эй, ты, сними с меня эту гадость!

Они оцепенели. У Лин Эста медленно отвалилась челюсть. Стало невероятно тихо, только было слышно, как в тишине судорожно икнул Скант.

— Я долго буду ждать? Ну! — Я взглянул в побагровевшее лицо Лин Эста. Казалось, еще секунда — и его хватит удар.

Тогда я сказал:

— Я знаю дорогу в Хранилище.

20

Они не хотели убивать меня. Они, действительно, пытались привлечь меня на свою сторону. Я был нужен им, как нужен был всякий, кто помог бы им овладеть тайной вечной молодости. Но они были рабами ими же заведенного обычая. Я был им очень нужен, но одна-единственная роза, брошенная завистником или недоброжелателем, обрекала меня на смерть. Они были как злобные пауки, нет, даже хуже. Все они рвались к власти, богатству, славе, всем им нужна была вечная молодость, но каждый из них смертельно ненавидел другого и боялся его возвышения. Поэтому кто-то — мне было безразлично, кто именно — решил меня погубить.

Я с благодарностью вспомнил милую девушку А. Да, мой сын мог гордиться своей невестой! Без ее помощи я погиб бы. Все, что она предсказала, сбылось — и что меня захотят погубить, и что мираж вечной молодости ослепит их и подчинит моей власти.

Конечно, риск был огромный. Но игра стоила свеч. Расправа с вексиллариями показала заговорщикам, что Император не намерен шутить. Его тайна была спрятана за семью печатями, и, судя по всему, он готов был казнить всех своих подданных, лишь бы не дать прикоснуться к этой тайне.

Среди вексиллариев заговорщиков было очень мало — может быть, только один или два, и соответствующее дознание могло их обнаружить, но тогда тайна стала бы достоянием следователей. Поэтому Император предпочел уничтожить всех. И только это спасло Лин Эста, потому что виновные, не выдержав пытки, выдали бы его. Впрочем, участие Лин Эста в заговоре благодаря мне не было уже тайной для Императора...

Мы долго обсуждали с А план действий и в конце концов выбрали линию поведения. С этими злобными скорпионами нужно вести себя нагло. Ошеломить их, подчинить своей воле, быть не исполнителем их указаний, а заставить слушаться себя — вот в чем была моя задача. Только взяв в руки управление их несчастной игрой, я мог добиться цели.

Лин Эст торопливо подбежал ко мне, наступая на рассыпанные на полу розы. Осколки хрусталя трещали у него под подошвами. Наконец, наручники с лязгом упали на пол. Я с наслаждением повертел кистями рук — эти подонки надели на меня новейшие автоматические наручники, которые затягивались при каждом неосторожном движении. Потом я слез со стола, пнул наручники — они со звоном отлетели в угол — и подошел к ближайшему из заговорщиков.

— Ну? — спросил я. Он торопливо вскочил, я сел на его место. С ними можно было разговаривать только так. Они отлично понимали язык силы.

Положение изменилось, и заговорщики поняли, что придется подчиниться. Но ритуал тяготел над ними. Им очень хотелось соблюсти форму и показать, что все идет по их желанию.

Несколько взглядов, брошенных заговорщиками на квестора, подтвердили мою догадку.

— Слушайте, Ищущие Братья! — сказал квестор, вставая. Он пытался придать своему голосу величавость, но нервы подвели старика, и торжественная формула прозвучала, как бляеные козы. — Устав Братства не допускает повторного голосования. Но ввиду исключительных обстоятельств...

Все происходило так, как предсказала девушка А. Сейчас они объявят, что добровольно принимают меня в свое проклятое Братство.

Чего доброго, заставят принести клятву. Я не мог позволить им такого удовольствия.

— Заткнись! — сказал я громко. Квестор в страхе поперхнулся. — К дьяволу ваше голововање. И так все ясно.

— Но соискатель, не прошедший Обряда Причисления, не может быть посвящен в тайны... — жалобно проблеял квестор.

— Обойдетесь, — сказал я небрежно. — Тем более, что все ваши тайны я знаю.

Они смотрели на меня недоверчиво. Ничего, сейчас вы у меня заплаете!

— Тайна первая — разведать дорогу в Хранилище. Тайна вторая — найти там сына Императора (у них полезли глаза из орбит). Тайна третья — Императора арестовать...

— И убить...

— И убить. Правильно. Я тоже за кардинальные решения. Мертвый враг лучше живого друга. Тайна четвертая — посадить на трон императорского сына, с его помощью приобщившись к вечной молодости...

Они смотрели на меня с ужасом. Они были раздавлены, уничтожены. Надо было ковать железо. Они должны понять, что к ним пришел настоящий хозяин.

— Встать! — заорал я, грохнув по столу кулаком. Сгоряча я угодил по единственной оставшейся на столе розе — той самой, что должна была означать мою смерть. Ее шипы вонзились мне в руку. Я чуть не вскрикнул, но сумел сдержаться. Однако гримаса боли напугала их еще больше. Они повскакали, роняя стулья. Я неторопливо оглядел их, поглаживая потихоньку раненый кулак. Чертова роза, как нектар она подвернулась!

— Теперь слушайте главное. Я знаю дорогу в Хранилище. Я знаю, где сын Императора. Даже больше — сейчас я говорю с вами от его имени. Он готов вступить на престол, и когда это свершится, он дарует вам всем вечную молодость... Каждый из вас будет включен в Тайный Совет Императора и получит в управление одну из провинций с правом сбора императорской десятины...

Я лгал им вдохновенно, беззастенчиво. Будь эти люди в здравом уме, они сразу заподозрили бы меня. Но их разум был ослеплен миражом вечной молодости. Они не могли мне не верить, потому что я знал то, что они только пытались узнать, рискуя поплатиться за это головами. Я принес им бесценные сведения, в погоне за которыми они уже заплатили жизнями вексилларию и готовы были платить еще. Но вот этого-то я и не хотел допустить.

— И запомните: всякое самоуправство запрещено. Отныне вы будете выполнять мои приказы. Через час у меня должны быть списки всех наших сторонников, всех агентов, преданных нам воинских частей, их дислокация. Решительный час наступает, и малейшая неосторожность может все погубить. Любые действия без моего приказа

будут жестоко караться. А теперь приказываю разойтись! Лин Эст, через час я жду тебя со списками.

21

Снова и снова вспоминал я милую девушку А, вспоминал долгие беседы с ней, открывшие мне глаза на многое, о чем я не подозревал.

Когда она впервые заговорила со мной о Голубом зале, я оторопел. Все, что угодно, но только не это! Лишь два человека в Империи знали о моем задании — Лин Эст и Император. Конечно, ни от кого из них она не могла ничего узнать, ведь она была простой бедной девушкой, и имя ее состояло лишь из одной буквы. Я не мог даже мысли допустить, что она имеет доступ к высшим сановникам Империи.

Когда она убедилась, что я немного пришел в себя и начинаю снова соображать, она ласково сказала:

— Надеюсь, что больше не будешь думать обо мне как о помешавшейся с горя девочке. Я пришла к тебе, отец, чтобы ты помог мне и моим друзьям вернуть к жизни твоего сына и еще многих других. Мы верим тебе и просим твоей помощи.

— Что я могу сделать?

— Я скажу об этом позже. Сначала ты должен выслушать мой рассказ. Только обещай сдерживаться и не перебивать меня, потому что он будет страшен.

— Обещаю, — сказал я.

Вот что она мне рассказала.

Много-много лет назад, когда в стране правил отец нынешнего Императора, столица готовилась отпраздновать совершеннолетие наследника престола. Сын Императора много лет жил за границей, где изучил точные науки, и естественные науки, и оккультные науки, познал секреты врачевания, овладел искусством государственного управления, постиг стратегию и тактику боевых действий, и в канун своего совершеннолетия возвратился на родину. Седой Император, горячо любивший единственного сына, повелел устроить грандиозное празднование. Несколько дней подряд над городом горели фейерверки, на площадях столы ломились от яств, гремели пушечные салюты, и ни днем, ни ночью не утихал веселый карнавал. Люди в праздничных одеждах пели и плясали, подкрепляя свои силы здоровым сном и бесплатной обильной пищей, воспевая щедрость Императора и красоту и ученость его сына.

Среди праздника к наследнику престола явился мудрец и поведал ему о своем открытии.

— Я нашел тайну вечной молодости! — сказал он. — Этой работе я отдал половину своей жизни и думал уже, что отведенного мне судьбою срока не хватит для ее завершения. Но теперь ключ к тайне в моих руках, и я хочу вручить его тебе, о Повелитель!

— Не называй меня так, — ответил юноша.
— Наш Повелитель — мой отец.

— Император уже в преклонных годах, — сказал мудрец, — а я могу лишь сохранить молодость, но не могу ее возвратить — ни себе, ни другому. Разум Императора помутнен годами, силы его подорваны. Твой же ум светел и ясен. Именно тебе предстоит стать Повелителем на многие века.

Заинтересованный Наследник попросил рассказать ему все подробнее.

— Средство мое ужасно, о Повелитель! — воскликнул старик. — Все в природе мудро взаимосвязано, и нельзя дать кому-то, не отняв откуда-то, как невозможно наполнить опустевший сосуд, не опорожняя другого сосуда. Срок нашей жизни определен свыше, и если мы желаем продлить что-то существование, мы должны влить в него жизнь, отнятую у кого-то. Эта жизнь таится в волшебных соках человеческого мозга, и я открыл способ взять ее оттуда. Но я не властен в человеческой жизни и смерти. Лишь ты, о Повелитель, с высоты престола видишь, кому надлежит жить, а кому умереть. Так пусть жизненная сила твоих врагов послужит для продления твоей бесценной жизни! Но знай, о Повелитель, что не всякая жизнь может быть перелита в твое тело. Ты изучал медицину и знаешь, что человеческая кровь делится на десять разных групп. Только соки, взятые у человека с одинаковой группой крови, несут продление жизни, а кровь иной группы означает немедленную смерть.

— Какая же группа крови у меня? — с интересом спросил наследник.

— Смеею полагать, что такая же, как у Императора, твоего отца — первая, — ответил мудрец.

— Но чего хочешь ты для себя? Золота? Власти?

— Перелить жизнь из тела в тело — труднейшая задача. Даже ты, о Повелитель, при всей своей учености, не справишься с нею. Мое желание — взять на себя все тяготы этого дела.

— Да, ты просишь совсем немного, — засмеялся наследник. — Ну что же, когда я стану Императором, я позову тебя. Ты не знаешь, мудрец, когда это будет?

— Твой отец, о Повелитель, несмотря на преклонный возраст, может прожить еще долгие годы. Но опыт говорит мне, что судьбы человеческие переменчивы. То, что недосыгаемо сегодня, может завтра свершиться...

В разгар праздника страшная весть прокатилась по городу: неизвестный злоумышленник злодейски умертвил Императора, отрубив ему голову.

Но самым ужасным было другое.

Неизвестный убийца, совершив свое злодеяние, для чего-то похитил голову убитого. Ее искали несколько дней и, наконец, нашли в отдаленном подземелье дворца. Голова лежала

на каком-то странном блюде, и она была жива!

Это зрелище было так ужасно, что один из нашедших голову лишился рассудка. Позвали наследника престола. Объятый горем юноша вбежал в подземелье, где уже собрались высшие сановники Империи. Голова двигала глазами, гримасничала, но уста ее были безмолвны. Парализованные ужасом люди смотрели на того, кто совсем недавно был их Повелителем, но боялись приблизиться. Только наследник не испугался. Он схватил голову родителя, поднес к своему лицу и стал покрывать поцелуями. Тут черты лица Императора страшно исказились, и жизнь, до того неведомым образом сохранявшаяся в отрубленной голове, прекратилась.

Через подобающее время после торжественных похорон наследник престола возложил на себя императорскую корону. С той поры прошло много длинных лет. Успели родиться и состариться дети, и дети этих детей обзавелись собственными внуками, и внуки эти выросли и похоронили своих родителей, а Император продолжал оставаться таким же юным, каким он был в день ужасной гибели своего отца. Этому долго удивлялись, строили самые невероятные предположения. Но постепенно люди поняли, что вечная юность дана Императору в знак его божественного происхождения, и поверили, что так будет всегда...

22

— Ты, конечно, никогда не слышал эту историю, отец, — сказала А. — Книжки, в которых она упоминалась, давным-давно сожжены, и только чудом несколько экземпляров сохранилось в других странах. Мы отыскиали эти книжки, а потом узнали многое другое... Теперь я расскажу тебе продолжение этой истории. Наш вечно юный Император правит страной уже множество лет. И каждый день, из года в год, без единого пропуска, на главной площади столицы ровно в одиннадцать часов отрубают голову человеку с первой группой крови...

— Что ты говоришь, дочь? — в ужасе воскликнул я. — Почему с первой?

— Потому что на всей планете нет людей с одиннадцатой группой. Сверни в кольцо шкалу групп крови, и ты сразу поймешь, как действуют аппараты Проверки — ведь сразу за последней, десятой группой окажется первая! Это было ловко придумано. Люди знают свою группу, но ни у кого из них нет одиннадцатой, и они спокойны. Лишь мифические агенты Песьеголовых обладают такой кровью. Действительно, в их стране самая распространенная группа — первая. У нас же она встречается очень редко, а больше всего людей с третьей и седьмой группами. Люди гордились своей принадлежностью к первой группе, они чувствовали себя чуть ли не родственниками Императора, не подозревая, что ежедневно од-

ного из них лишают жизни, чтобы влить эту жизнь в тело Императора.

— У моего сына тоже была первая группа! — простонал я. — И эту кровь высосал мерзкий убийца, чтобы продлить свое существование...

— Именно в этом надежда на его возвращение.

Я испуганно посмотрел на нее. Снова она начала свои странные речи. Ведь из Солнечных Краев не возвращаются!

— Сейчас я все объясню тебе, отец. Император запаслив. Он знает, что однажды настанет день, когда все его подданные с первой группой будут перебиты. Поэтому он сохраняет все головы — оказывается, их можно использовать повторно. Где-то здесь, под дворцом, расположено гигантское Хранилище. В одиннадцать человеку отрубает голову, предвительно впрыснув ему какой-то таинственный состав, задерживающий наступление смерти. Через люк в помосте останки казненного спускают вниз, где его ожидает бронированный автомобиль. Мы проследили путь автомобиля. По подземному тоннелю он въезжает на территорию императорского дворца, там контейнер с телом подхватывают магниты и ставят его на транспортер. Это происходит в половине двенадцатого. А ровно в двенадцать Император пересекает Голубой зал и спешит в секретные помещения дворца, куда не допускаются даже самые приближенные люди. И это повторяется каждый день. Мы установили точно, что за последние годы Император ни разу не покидал дворца больше, чем на несколько часов. Когда-то, в древние времена, он любил охоту и путешествия. Теперь он не рискует удаляться от дворца, потому что ежедневно в полдень должен, как вурдалак, высосать очередную порцию чужой жизни...

Я слушал ее, и какие-то туманные воспоминания просыпались во мне. Но то, что я узнал, было настолько невероятно, что я не мог сконцентрировать мысль на неясных образах.

— Мы не знаем еще очень многого, — продолжала А. — Нам не удалось узнать, где скрывается тот мудрец, который открыл Императору тайну вечной молодости — ведь должен кто-то возиться с трупами. Маловероятно, что Император занимается этим сам. У нас нет точного плана Хранилища. Мы не знаем особенностей применяемой технологии переливания жизни, хотя основные принципы известны отлично...

— Как вы можете это знать? — недоверчиво воскликнул я. — Ведь, по твоим словам, эта ужасная тайна никому не известна.

— Ученые есть не только в нашей стране, отец. Наши соседи — вы называете их Песьеголовыми — давно раскрыли эту тайну, хотя не собираются применять такой бесчеловечный способ продления жизни. Если бы наша граница не была закрыта наглухо, вечная юность

Императора давно бы перестала кого-либо удивлять.

А теперь слушай самое главное, отец. Нам известно, что некоторые из казненных возвращались обратно к живым... И ты — один из вернувшихся!

23

Воистину, в этот день мне было суждено узнать больше, чем за всю свою долгую жизнь. Я слушал А, не переставая удивляться. Все то, что она рассказывала, неторопливо прогуливаясь рядом со мной по аллеям парка, было невероятно, неправдоподобно. Тем не менее, правоту каждого из своих слов она доказывала неопровержимо.

— Посмотри на эту фотографию, отец, — сказала она. — Ее оставил мне Ло. Он хранил ее долгие годы.

Я сразу узнал этот снимок. Он был сделан давно, когда я был молод и счастлив. Я сидел у порога своего дома, держа на коленях веселого круглолицего бутуза, который так болтал ножками, что на снимке их получилось не то три, не то четыре.

— Взгляни сюда, отец. На твоей левой руке недостает безымянного пальца. Ты лишился его в детстве, когда в твоих руках взорвался самопал. А сейчас обе твои руки целы. Из-за этого я долго не решалась подойти к тебе, считая, что твой сын обманулся случайным сходством. Лишь потом я догадалась, что ты — вернувшийся из Хранилища, где тебе дали другое тело.

Я растерянно смотрел то на снимок, то на свою левую руку. Да, я прекрасно помнил, что когда-то лишился пальца. Но почему все это время я не обращал внимания на свои руки? Какой-то странный провал в памяти скрывал от меня кусок моей жизни, и лишь теперь, под влиянием речей А, завеса стала приподниматься.

— Да, ты был казнен, отец, и голова твоя тоже лежала в Хранилище, сберегая для Императора несколько капель жизни. Но потом ты вышел оттуда и с тех пор верно служишь Императору. А наши агенты, которые добровольно пошли на казнь, чтобы проникнуть в Хранилище, почему-то не возвращаются! И среди них — твой сын, мой жених. Если ты не поможешь нам раскрыть эту загадку, я тоже отправлюсь в Хранилище, чтобы вырвать проклятую тайну и вернуть к жизни своих товарищей!

— Скажи, милая А, почему я ничего не помню?

— Наш Император наделен от природы даром внушения. Не доверяя никому из окружающих, он ищет верных слуг среди тех, кого может всецело подчинить своей воле. Это он заставил тебя забыть о Хранилище, это он внушил тебе необходимость верно служить ему. Потом, когда ты выдал своего сына, он уверовал в безграничную власть над тобой.

— Я же не знал... — выдавил я.

— Да, ты не знал. Но Ло на допросе не сказал этого. Наоборот, он заявил, что ты сразу признал его и немедленно крикнул стражей.

— И Император решил, что мне можно доверять...

— Да, на это мы и рассчитывали, когда дали согласие на план Ло. Кому-то надо было идти в Хранилище. Но вариант твоего сына открывал для нас новые возможности.

— Ты все время повторяешь «мы», «нам». Кто эти люди, о которых ты говоришь?

— Я не могу тебе назвать их. Это не моя тайна. Но поверь, отец, что все они — друзья твоего сына и вместе с ним борются против бесчеловечной власти Императора. Этим людей много и с каждым месяцем становится еще больше. Мы все верим тебе и просим, чтобы ты помог нам. Мы вернем к жизни безвинно погубленных, прекратим варварские казни, установим мир с соседями, мы возвратим радость всем жителям нашей страны, нашей несчастной, залитой кровью Империи!

— Клянусь, я сделаю все, что в моих силах. Пусть не увидит мне никогда моего любимого сына, если я изменю своей клятве. Пусть великое Солнце выжжет мне очи, пусть земля не примет моего праха, если отступлюсь от своего слова!

— Я верю тебе, отец, — растроганно прошептала она, и слезы навернулись на ее прекрасные глаза. — Завтра, после полудня, жди меня в кабачке. Наши специалисты снимут с тебя чары Императора, и ты вспомнишь все и освободишься от его власти.

24

И я действительно вспомнил.

Они слушали мой рассказ внимательно, и один из них, не отрываясь, чертил на бумаге какие-то знаки — очевидно, стенографировал мой рассказ, и лица их были полны сочувствия. Когда я кончил, они задали мне очень много вопросов, и я постарался ответить на все.

— Теперь нам многое ясно, — сказал тот, которого они почтительно называли Старшим. — Наши психологи подозревали это, но кто мог подумать, что самолюбие и самовлюбленность Императора зашли так далеко!

Видя, что я не понимаю этих слов, они разъяснили их.

— Люди по своему психическому складу делятся на несколько типов. Некоторые успешно сопротивляются внушению, некоторые легко поддаются ему. И проявляется это у разных людей по-разному. Ты, конечно, знаешь выражение «оцепенел, как кролик перед удавом». Действительно, бедный кролик не отрываясь смотрит в глаза своему врагу и лезет ему прямо в пасть. Император, обладающий незаурядной силой внушения, вербует в число своих слуг наиболее поддающихся внушению —

именно тех, кто, как кролик, не в силах закрыть глаза, встретившись с его взглядом. Им он может внушить беспрекословное повиновение, может стереть из их памяти воспоминания об ужасах Хранилища. Впрочем, я неточно выразился — воспоминания все равно сохраняются в мозгу, но они отключены от сознания приказом... Освободив тебя от этого приказа, мы помогли тебе вспомнить.

— Должен сообщить тебе еще одну важную вещь, — сказал Старший. — Мы знаем, что среди близких к Императору сановников давно зреет заговор. Их цель — вырвать у Императора тайну бессмертия. Мы не должны этого допустить. Заговорщиков много, и каждый жаждет продлить свою жизнь. Если их план удастся, на плаху ежедневно вместо одного пойдут десятки людей...

— Неужели они надеются принудить Императора?

— Они попросту убьют его. А поскольку эти люди не мыслят иного государственного устройства, они хотят посадить на трон императорского сына — того самого, которого Император обезглавил когда-то за попытку проникнуть в свою тайну. Но они хотят быть уверенными, что новый Император не прикажет всех их казнить... Поэтому ближайшая цель заговорщиков — проникнуть в Хранилище и договориться с сыном Императора.

— Но лишенные тела не могут говорить! Их грудь не исторгает дыхания, их уста склеены!

— А глаза? Ты забыл, что глаза могут сказать многое. Все наши люди, ушедшие в Хранилище, обучены разговору глазами. Существует очень простая система, придуманная узниками одиночных камер. Ей можно быстро научить любого грамотного человека. Обитатели тюрем разговаривают стуком, а наши люди — миганием глаз. Я уверен, что твой сын уже наладил связь с предыдущими разведчиками и узнал от них все. Но ему не удалось вернуться, и теперь мы знаем почему.

— Неужели он может вернуться? — с волнением спросил я.

— Ведь ты вернулся оттуда. Теперь мы сообщим ему, что надо сделать. Думаю, что ты скоро обнимешь его, отец, — сказала А.

— Как вы это сделаете? Неужели вы сможете проникнуть в Хранилище?

— К сожалению, пока что в него существует лишь один путь. Кому-то придется пойти на плаху.

Я смотрел на них потрясенный. Как спокойно они говорили о том, что один из них должен будет добровольно согласиться на казнь!

— Но положение осложнилось. Заговорщики во дворце активизируются. У Императора возникли подозрения, и они вынуждены торопиться. Сейчас они готовы на все. Приближается очередная свадьба Императора, когда во дворец будет открыт свободный доступ. Это — самый удобный момент для переворота. Надо

сбить их со следа, запутать. По нашим сведениям, они собираются вовлечь в заговор и тебя...

— Откуда вы это знаете? — воскликнул я.

— Среди заговорщиков есть наши люди. Мы обязаны знать планы врага. Но для тебя эти люди останутся пока неизвестными. Таковы законы конспирации. Нас ты тоже не должен видеть. Мы исчезнем и больше никогда не появимся в этом доме. Связь с нами будешь поддерживать через А. Не смотри на нее с недоверием — она опытный конспиратор, ей можно поручить самые трудные задания. Теперь слушай, что должен делать ты. Однажды ночью тебя разбудят...

25

Все удалось блестяще. Заговорщики были в моих руках. Лин Эст передал мне списки агентов, и теперь я знал, как далеко простираются нити заговора и откуда может грозить опасность. Для меня не составляло труда придумать этим агентам ответственные на вид задания. Теперь, когда они были пристроены к делу, я мог не опасаться их любопытства. Конечно, мое неожиданное возвышение не вызовет у заговорщиков энтузиазма, но ведь я обещал им бессмертие! И пока я знал больше, чем они, мне можно было не опасаться удара ножом в спину или какой-нибудь отравы в стакане вина.

Приближался день свадьбы Императора. Это празднество повторялось раз в пять лет. Никто не знал, кто будет новой женой Императора, как никто не знал, куда деваются предыдущие. А рассказала мне, что даже в старых летописях этот обычай упоминается всегда как древний, ведущий свое начало из тьмы веков. Празднества по случаю бракосочетания продолжают десять дней. Из самых отдаленных уголков Империи люди съезжаются, чтобы принять участие в карнавале, поплясать и попеть на улицах, лицезреть императорский свадебный поезд, а может быть — если повезет — даже попасть во дворец и поцеловать туфлю молодой Императрицы, что, по поверью, дает успех в семейных делах и предохраняет от дурного глаза.

Мы виделись с А почти каждый день. Она была полна энергии. Ее очень интересовало все относящееся к предстоящей брачной церемонии. Но этими делами занималась Тайная Канцелярия, мы же были только охраной. Мне не удалось узнать ничего — ни имени невесты, ни ее происхождения, ни подробностей брачной церемонии. Я знал только день свадьбы — он был установлен еще в давние времена и ни разу не менялся.

С разрешения А я подключил к сбору сведений Лин Эста. Это не могло показаться ему подозрительным — заговорщики и сами считали бракосочетание удобным временем для дворцового переворота. Довольно скоро я получил от него экземпляр секретного цирку-

ляра «О порядке проведения бракосочетания Императора» с несколькими приложениями, где было расписано все — маршруты и сроки шествий; расположение охраны; пункты сбора и дальнейшего следования «ликующей толпы» (там так и было написано); количество бочек вина, выставляемого для народа, и имена поставщиков; порядок одевания Императора и его невесты на каждый из дней; количество лиц, присутствующих на каждой церемонии, и их ранги и многое другое. Таким образом, я узнал, где мне предстоит находиться в особо важные моменты праздника, где будет Император и где будут другие интересующие меня сановники.

Друзья А быстро изготовили копии циркуляра, после чего А вернула его мне. И тут она сообщила новость, которая сильно встревожила меня.

— Возможно, я уеду на несколько дней, а тебе понадобится связь, — сказала она. — Запомни пароль: «Розы Императора — лучшие в мире розы». Тебе ответят: «Особенно хороши алые розы». После этого надо сделать такой знак... — Она сплела крест-накрест четыре пальца.

Я спросил, кто тот человек, к которому я должен обратиться. Ее ответ поразил меня.

— Это Гун, — сказала она.

Я ожидал чего угодно, только не это. Я отлично помнил, с какой настойчивостью Гун разыскивал несчастных с роковой группой крови. Нет, этот человек не мог принадлежать к числу друзей моего сына!

Девушка внимательно выслушала все, что я сказал ей, и улыбнулась.

— Это ни о чем не говорит. Проверки шли независимо от его участия, и те, кому не повезло, все равно были бы схвачены. Не волнуйся, отец, это прозренный человек.

Но сомнения не оставляли меня.

— Он уже знает обо мне? — спросил я.

— Нет, мы не назвали ему твоего имени. Он знает только, что среди вексиллариев есть наш человек.

Мне стало немного легче.

— Прошу тебя, дочь, не доверяйте Гуну. Трижды, четырежды проверьте его. Самое лучшее — совсем избавиться от него.

— Что ты говоришь, отец! — воскликнула с испугом А. — Мы не можем убивать человека из-за каких-то смутных подозрений.

— Я не предлагаю убивать его. Можно просто услатить его на это время куда-нибудь подальше.

— Я передам твои слова Старшему. Но поверь — беспокоиться незачем. Все будет хорошо.

26

Это было очень нелегко — вести двойную игру. Я должен был руководить заговорщиками, для чего следовало создать видимость бурной подготовки к перевороту. Заговорщиков

мог устроить только такой мой план, который приведет к цели скорей и верней, чем их собственные усилия. Я знал, что они будут мне подчиняться, пока их глаза ослеплены картиной близкого успеха. Но стоит возникнуть малейшему подозрению — и со мной расправятся быстро и беспощадно.

После разговора с А меня терзало беспокойство. Снова и снова вспоминал я все, что знал о Гуне. Припомнил и его ссору с толстым Силом. Совсем незадолго до нее Лин Эст заговорил со мной о внеочередном дежурстве... Что это: случайное совпадение, или Гун выполнял волю Стоящего У Руля? Или же Лин Эст имел в виду предстоящее избиение вексиллариев? Но ведь он сам тогда был страшно перепуган? Словом, я не знал, что подумать. Только одно я решил наверняка — ни при каких обстоятельствах не обращаться за помощью к Гуну.

При встречах с Лин Эстом и Скантом я приветствовал их по уставу — вытягивался, тарасил глаза, вскидывал ладони. Лишь когда мы оставались с глазу на глаз, я обращался с ними как с подчиненными. Им это не нравилось, но они терпели.

Вместе с Лин Эстом я разрабатывал план переворота. Со всей почтительностью он настаивал на немедленных действиях.

— Предположим, мы арестуем Императора, — возражал я. — Что дальше?

— Мы заставим его выдать нам тайну бессмертия.

— А если он не выдаст?

При этих словах лицо Лин Эста побагровело. Он с такой силой сжал кулаки, что они захрустели. Я взглянул на них и не позавидовал тому, кто попадет в эти руки.

— Заставим... — прошипел он. Я представил, как он будет заставлять, и мне стало не по себе.

— А если он все же не скажет? Или, скажем, умрет под пыткой?

— Схватим всех, кто есть во дворце...

— Это дилетанство, — брезгливо отмахнулся я. — Действовать надо наверняка. Откуда мы знаем, что тот, кто нам нужен, обязательно окажется во дворце?

Лин Эст с беспокойством заерзал.

— Следует точно установить, кто нам нужен. Мы можем с уверенностью считать, что тайной владеют минимум два человека. Во-первых, сам Император. Во-вторых — тот, кто ему помогает. Впрочем, таких лиц может оказаться несколько. Кто же этот человек, посвященный в тайну? Он должен иметь какое-то отношение к казни. Таких лиц три: во-первых, это палач...

— Ты так считаешь? — хрипло спросил Лин Эст и снова хрустнул суставами.

Я посмотрел на его кулаки, и смутное подозрение шевельнулось во мне. Неужели?.. Я быстро окинул его взглядом. Рост... сильные руки, с хрустом сжимающие отточенный меч...

Нет, не может быть! Высокопоставленный чиновник, в свободное время развлекающийся отрубанием голов? Хотя почему бы и нет? Если некоторым доставляет удовольствие смотреть на казнь, то, может быть, кое для кого совершить эту казнь самолично не меньшее удовольствие?

— Конечно, — сказал я, быстро отводя глаза. — Головы людям рубили во все века, и они тут же умирали. Значит, необходима подготовка осужденного, чтобы он не испустил дух на плахе. Поэтому мы должны проверить и палача, хотя я готов поклясться, что он здесь ни при чем...

— Почему? — спросил Лин Эст, и мне слышалось, что он облегченно вздохнул.

Я не мог отказать себе в маленьком удовольствии.

— Ну кто такой палач? Примитивное существо с куриным мозгом и огромными бицепсами, взявшееся за эту грязную работу из-за неприспособленности к любой другой. Тот, кому доверена тайна, должен иметь что-то здесь, — я постучал себя по лбу.

Он молча проглотил эту пилюлю.

— Во-вторых, это присутствующий при казнях жрец. В-третьих, шофер автомобиля. Наконец, должен быть кто-то допущенный в Хранилище.

— Мы проверим всех, — сказал Лин Эст. — Конечно, кроме этого неизвестного во дворце, о котором мы ничего не знаем. Я прикажу следить за каждым их шагом.

— Бракосочетание Императора уже скоро, — напомнил я. — Прошу подготовить план наших действий. Надо создать три боевых группы из самых преданных людей. Одной поручить схватить Императора, другой — занять Хранилище, третья будет в резерве. Основным силам поручим захват арсенала. Летучие отряды займут телеграф, вокзал и городские ворота. Во главе отрядов поставь Ищущих Братьев. Хранилище я беру на себя, тебе поручаю Императора. В резерв... да, что ты думаешь о Сканте?

Лин Эст немного помялся, потом решил.

— Не нравится мне Скант, — пробурчал он. — По-моему, он что-то задумал.

Я не случайно спросил его. Скант мне не нравился уже давно.

27

Законы борьбы жестоки. Каждому, кто участвует в тайном заговоре, всегда грозит смертельная опасность. Мне опасность угрожала с трех сторон, потому что я одновременно участвовал в двух заговорах против Императора и еще в одном — против дворцовых заговорщиков.

Спасти от провала меня могла только величайшая осторожность.

О том, что Скант затеял двойную игру, я стал подозревать, когда вспомнил его поведение во время расправы с вексиллариями. У

Лин Эста, как выяснилось, тоже были веские основания не доверять Сканту. И мы решили проверить его.

Дворец готовился к брачной церемонии. Ходили слухи, что невеста уже во дворце. По обычаю, все держалось в тайне, народ должен был увидеть избранницу только в первый день свадебной церемонии — во время торжественного выезда к Храму Солнца. Но одна из служанок проболталась своему другу вексилларию, что видела невесту. По ее словам, свет еще не выдвигал такой красавицы. Наш вечно юный Император — да хранит его Солнце — будет счастлив с такой женой.

Пока что порядок караульной службы сохранялся неизменным. Во дворце выставлялись обычные посты, и время от времени Начальник личной охраны Императора обходил их. Прикончить его во время обхода было легче легкого, однако я хотел не только избавиться от предателя, но и получить от этого прямую пользу для себя.

Спектакль был разыгран как по нотам. Нельзя было дать ему опомниться, иначе он мог догадаться, что это проверка. Я приказал тайно собрать среди дня часть Ищущих Братьев. Когда они пришли, встревоженные неурочным вызовом, я сказал, что арестован Лин Эст и разговор с минуты на минуту будет раскрыт.

— Нас могут спасти только немедленные действия. Мы выступаем через двадцать минут. Хранилище беру на себя. Сканту поручаю охрану дворцовых ворот, чтобы не допустить во дворец вызванные Императором подкрепления...

Я бойко отдавал приказы, изображая на лице озабоченность и решительность одновременно. Ворота я поручил Сканту не случайно — это был самый опасный участок, потому что в случае одновременной атаки снаружи и изнутри, со стороны дворца, у защитников ворот не было никакого прикрытия от огня атакующих.

— Взять всем оружие, — приказал я, показывая на стойку с автоматами. — Прошу сверить часы. Сейчас 11.40. Ровно в двенадцать я захватываю Хранилище и Императора. Все по местам!

Теперь у Сканта было чуть больше четверти часа. Ровно в двенадцать, что бы ни случилось, Император пойдет в Хранилище. Если он ничего не знает, мог рассуждать Скант, ловушка захлопнется. А если Лин Эст уже проговорился? Тогда кучка заговорщиков у ворот будет расстреляна с двух сторон...

Очевидно, верность делу Ищущих Братьев была в нем не очень тверда, и страх распространиться с жизнью сейчас же оказался сильнее, чем надежда на маловероятное бессмертие... Я убедился в этом, как только увидел, куда он направился. Вместо того, чтобы пойти к воротам, он чуть не бегом устремился к Голубому залу.

Остальные заговорщики, подхватив автома-

ты, в это время направлялись к отведенным им постам. Но за первой же дверью их вежливо останавливали мои вексилларию, отбирали оружие и запирали до поры до времени. Им пришлось пережить неприятные минуты, но я не очень заболел об их переживаниях. Мне было важнее убедиться, что они подчинились приказу.

Скант между тем мчался по коридорам. Я быстро шел за ним, почти не таясь, — он настолько потерял голову от страха, что даже не оглядывался.

Часовой у дверей Голубого зала предостерегающе поднял руку, требуя пароль. В ответ загрохотал автомат. Часовой опешил от неожиданности, а Скант кинулся через зал, в другом конце которого уже показался Император.

— Стой, предатель! — закричал я, бросаюсь следом. Мой расчет оправдался, все происходило на глазах Императора. Я дал предупреждающий выстрел, Скант, обернувшись на бегу, выпустил в меня чуть не весь магазин. Если бы я не зарядил автоматы холостыми патронами, меня перерубило бы пополам. Мысль об этом подхлестнула меня, и я выстрелил ему в спину.

Несколько раз перекувырнувшись по дорожному ковру, Скант вытянулся и замер. Я сорвал с него золотой знак Начальника — пучок розог, зажатый в кулаке — и, приблизившись к Императору, протянул знак ему. Не знаю, был ли он испуган происшедшим — его прекрасное, вечно юное лицо было непроницаемо.

— Прикажи меня казнить, о Повелитель! — воскликнул я, опускаясь на колени. — Я плохо охранял тебя!

Император взял золотой знак. Он не отрываясь глядел на меня. Но теперь-то я знал, что надо делать! Я тарашил глаза изо всех сил, боясь только одного — чтобы случайно не моргнуть.

— Ты не закрываешь глаз перед своим Повелителем, — забормотал Император. — У тебя чистая совесть, ты верный слуга Императора...

«Да, да!» — чуть не ляпнул я, но вовремя опомнился и продолжал таращить глаза.

— Встань, — произнес Император.

И он приколот знак мне на грудь.

Я упал к его ногам.

28

Следствие по делу Сканта вели сотрудники Тайной Канцелярии. Они долго и нудно расспрашивали меня. Я продолжал твердить одно и то же: дескать, подозревая Сканта в измене, но не имея доказательств, я тщательно следил за ним, и когда он попытался убить Императора, пристрелил его. Патроны же в его автомате я подменил заранее, так как не имел права подвергать драгоценную жизнь Императора даже малейшему риску. На все вопросы о его сообщниках я отвечал, что никого не подозреваю, а о дурных замыслах изменника дога-

дался по злобным взглядам, которые он порою бросал на Императора.

Ищейки Тайной Канцелярии перерыли жилище Сканта, но без особой пользы для себя, потому что еще раньше там побывали мои люди. Жenu и всех слуг бывшего Начальника охраны куда-то увезли, и больше я их не видел.

Между тем наши агенты развили бурную деятельность. Они проследили каждый шаг всех тех, кого мы подозревали в причастности к тайне Императора, но ничего не обнаружили.

Меня очень беспокоила мысль о Гуне. Я не знал, насколько глубоко удалось ему проникнуть в организацию друзей моего сына. Как на грех, А все не возвращалась, и мне ничего не оставалось, кроме как терзаться неизвестностью.

В это время произошло странное событие, разом изменившее всю расстановку сил.

Блестяще разыгранная мною сцена покушения окончательно убедила Императора в моей преданности. Общая черта всех тиранов — они уверены в своем полном превосходстве и безграничной власти над людьми. Недоверчивые по натуре, до конца они верят только себе, и это их губит, потому что рано или поздно они начинают считать, будто души людей совершенно открыты для них и все тайные пружины известны... Наш Император не был исключением. Он верил в прежнюю силу внушенной мне любви к нему, не подозревая, что нашла другая сила, способная нейтрализовать

внушение, и что любовь моя давно превратилась в ненависть. Как и все ограниченные люди, волею случая вознесенные на вершину власти, он слепо верил в то, что выдумал сам, не замечая ужасающего несоответствия между действительностью и миром своих иллюзий...

Однажды в мой кабинет явился угрюмый человечек из Тайной Канцелярии и велел, захватив с собой врача, поспешить к Императору. Я подумал было, что Император заболел, и удивился, потому что у него наверняка был личный врач, однако приказы не обсуждаются. Поэтому я вызвал Тала — того самого врача, чей аппарат в свое время избавил меня от разоблачения — и отправился за посланным. Тот ввел нас к Императору и удалился.

Император приказал нам следовать за собою. Я с любопытством рассматривал неизвестные мне доселе помещения. Наконец, мы оказались под стеклянным куполом, который насквозь пронизывали солнечные лучи. Я сразу вспомнил это место: да, именно отсюда начинается дорога в Хранилище!

Император свернул в знакомый мне коридор, открыл боковую дверь и жестом приказал войти. За дверью обнаружилось что-то вроде химической лаборатории. На столах, на полках стояли реторты, сосуды с разноцветными жидкостями, пробирки. В углу помещения на диване лежал старик с искаженным от боли лицом.

Повинуясь знаку Императора, Тал тщательно осмотрел старика и сказал, что ничего

серьезного нет — просто у него вывихнута рука. Виновница несчастья, опрокинутая стремянка, валялась неподалеку возле полки с книгами.

Через несколько минут рука была вправлена, и Тал сказал, что день покоя и успокоительное питье окончательно поставят пострадавшего на ноги. Он пошел за водой, чтобы напоить старика, а Император подозвал меня.

— Отведи врача обратно и немедленной убей, — сказал он, глядя мне в лицо.

— Слушаюсь, о Повелитель! — преданно воскликнул я, на всякий случай тараща глаза. Я отвел Тала в казарму и рассказал о приказе Императора. Бедняга побледнел. Я поспешил успокоить его.

— Я не собираюсь тебя убивать. Но что мне с тобой делать?

Мы обсудили несколько вариантов и решили, что ему надо укрыться у родственников, которые, к счастью, жили неподалеку. Однако приказ Императора следовало выполнить так, чтобы смерть Тала была зафиксирована в документах.

К счастью, наш врач был любителем домашних животных. Одной из его кошек пришлось распроститься с жизнью, чтобы спасти своего хозяина. Мы обильно смочили ее кровью одежду Тала, после чего он улегся ничком в лужу крови. Я кликнул двух стражников с носилками и, обтирая окровавленный меч, приказал бросить тело убитого в ров. Когда они вышли, мне показалось, что неподалеку опять мелькнул человек из Тайной Канцелярии, и я внутренне возблагодарил Великое Солнце, что разыграл все так натурально. Конечно, бедному Талу придется несладко, но, к счастью, ров давно не очищали, и он сможет до темноты пролежать в густом бурьяне.

Теперь следовало найти нового врача на освободившуюся должность. Как жаль, что уехала А! Наверняка среди ее друзей нашелся бы человек, который мог занять место Тала. Но А все не появлялась, и это было очень некстати, потому что я должен был немедленно рассказать ей про старика. Мне показалось, что я уже видел его...

29

Однажды ко мне явился взволнованный Лин Эст. Тщательно заперев двери, он достал пачку фотографий и молча положил передо мной. Я взглянул на них, и словно смертный холод прошел у меня по спине. Я увидел на снимках знакомые полки Хранилища и бесконечные ряды голов на них...

Фотографии были сделаны в разных ракурсах, с самых различных расстояний — иногда вплотную, иногда издалека. Я сразу понял, что снимали потайной камерой, и недоумевал, кому и каким чудом удалось проникнуть в запретную зону. С волнением я перебирал их,

надеясь и одновременно боясь увидеть на одном из снимков искаженное лицо сына.

Лин Эст внимательно и недобро смотрел на меня. Почувствовав это, я спохватился. Чего он хочет? Конечно, получить фотографии Хранилища — необычайная удача, но за этим явно крылось что-то еще. Я внимательно, не торопясь, рассматривал снимки, а мысль моя напряженно работала. Быть может, Лин Эст сам разведал дорогу и хочет показать, что я не так уж необходим? Нет, маловероятно. В этом случае он просто приказал бы прикончить меня... Но я еще жив, значит, нужен ему. Быть может, сын...? Лин Эст решил проверить, не проявятся ли мои родительские чувства, когда я неожиданно увижу голову своего казенного сына? Да, возможно и это, хотя маловероятно. Образ жизни подданных нашего Императора приучил их скрывать свои чувства. Надеяться, что выдержка мне изменит, довольно наивно. Так в чем же дело?

Догадка сверкнула, как вспышка. Я чуть не вздохнул с облегчением. Действительно, как все просто! Именно так должен был поступить Лин Эст, чтобы удостовериться в моей правдивости. Что же, придется его немного разочаровать!

Я рассыпал снимки веером по столу и почти сразу увидел нужный. Фотография была не из лучших, надпись на табличке совершенно не читалась, но я все равно сразу узнал императорского сына — я достаточно долго пробыл в Хранилище, и все виденное там отпечаталось в моем мозгу навеки. Я хотел взять фотографию в руки, но тут мне в голову пришла новая мысль. Ведь Лин Эст никогда не видел сына Императора!

— Почему здесь не все снимки? — быстро спросил я.

Глаза Лин Эста растерянно забегали. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Я понял, что попал в цель, и указал на фотографию.

— Прикажи немедленно отрубить голову лаборанту. Он утаил фотографию. Но может быть, она у тебя?

Он в испуге зашарил в складках тоги и трясущимися руками достал еще один снимок.

— Вот он, не изволь гневаться... Он остался случайно, случайно...

Да, это был тот самый снимок, который я ожидал увидеть — голова крупным планом, снизу ясно видна табличка с трехсложным именем... Лин Эст мог убедиться, что я действительно знаю в лицо сына Императора, казенного задолго до моего рождения.

Я положил фотографию на стол и склонился перед ней, вздымая ладони.

Мне все стало ясно. Микрокамеру, замаскированную под какое-нибудь украшение, прицепили к одежде Императора. Я даже знал, кто это сделал.

— Ты огорчил меня, — сказал я сурово. —

Однажды служанка Ут попадется, и нам всем отрубят головы. Мне не нужны эти фотографии, потому что я не раз был там. Но все же оставь их — я сожгу эти опасные улики. А ты уничтожь пленку.

Я выпроводил Лин Эста, заперся и долго изучал снимки. Но того, который я искал с волнением и скрытым страхом, среди них не оказалось...

30

Каждый день ровно в одиннадцать на площади Справедливости отрубили голову очередному агенту Песьеголовых. Хрипло орал судебный автомат, палач взмахивал мечом, катилась голова, выбрасывая поток крови. Потом возбужденные зрелищем люди медленно расходились.

За последние дни я не пропустил ни одной казни. Я никак не мог забыть, что в такой же день ко мне подошел человек, которого я не узнал... С тех пор моя жизнь изменилась самым удивительным образом, и не менее удивительные события еще ждут меня впереди. Но если раньше мою жизнь менял кто-то другой, властно вмешиваясь в ее течение, то теперь, благодаря встрече с друзьями моего сына, я сам стал хозяином своих поступков, я сам определяю свой путь.

Я медленно брел по площади, и меня обтекала говорливая толпа. Люди удивлялись молодости казненного: мальчишка десяти лет — и уже агент Песьеголовых! Поистине, враг коварен и вездесущ! Я слушал их, и мне хотелось крикнуть во весь голос: «Люди, не верьте этому! Не верьте Императору, для которого кровь детей — самое лакомое блюдо! Остановите его преступную руку, иначе завтра вы увидите на эшафоте грудных младенцев!» Но я стискивал зубы и молчал, и медленно брел дальше, раздвигая толпу белыми от ненависти глазами, и люди, встретив мой взгляд, испуганно замолкали и шарахались в стороны...

Иногда я думал, что надо просто убить Императора. Ах, с каким наслаждением я разрубил бы на части это бессмертное чудовище! Но потом я вспоминал, что до тех пор, пока за троном Императора стоит Лин Эст и все остальные, чудовище всегда будет бессмертным, и смерть Императора ничего не изменит. Судьба Императора решена. Скоро его прикончат. Но на смену одному кровопийце придет множество других — молодых, свирепых, алчных, отлично организованных и отлично вооруженных, и покатыся новые головы безвинных жертв — уже не только с первой, но и с любыми группами крови, и палачи будут работать в три смены... Нет, не в одном Императоре дело. Надо ломать всю систему. Надо переловить Стоящих У Руля, схватить всех квесторов, цензоров, стратегов, жрецов и перебить всех до единого, не щадя никого — или сослать в шахты Западной пустыни, чтобы тяже-

лым трудом они искупили хотя бы небольшую часть своей вины...

Толпа на площади таяла. Помедлив, уходил и я, опять не встретив того, кого искал. Тогда я шел в знакомый кабачок и долго сидел там, незаметно рассматривая публику. Все было напрасно.

До начала императорского бракосочетания оставалось три дня. Фокус с микрокамерой позволил Лин Эсту нащупать дорогу в Хранилище. Теперь промедление стало смерти подобно. Малейшее сомнение в моей искренности — и меня быстренько отправят в Солнечные Края, а переворот произойдет все равно — уже без моего участия. Меня спасает лишь вера заговорщиков в то, что я связан с сыном Императора. Но эта защита будет действенной не так уж долго.

Не раз и не два мы обсуждали с Лин Эстом план переворота. План был хорош, хотя и не без слабых мест. Я подвергал его самой жесткой критике, Лин Эст обижался, вспыхивал, но потом смирялся и старательно устранял все погрешности. В конце концов план стал почти безукоризненным, и если бы я был заинтересован в успехе переворота, то не колеблясь начал бы его выполнять. В этом плане оставалось лишь одно «но» — заговорщики до сих пор не знали о таинственном пациенте доктора Тала. Впрочем, агентура Лин Эста все-таки сумела заподозрить присутствие тщательно скрываемого человека в секретных помещениях дворца, и однажды я с немалой тревогой увидел в плане Лин Эста новый пункт: организация группы захвата «человека Икс». В списке вооружения группы я увидел ранцевые газометы с усыпляющим газом, снайперские винтовки с парализующими пулями и даже передвижной гипноизлучатель. Да, этого человека надо было взять обязательно живым — ведь от него зависело возвращение моего сына и его казненных товарищей. Мне ничего не оставалось, как утвердить этот пункт. Я посоветовал только перевести гипноизлучатель на питание от аккумуляторов — на случай, если во время операции нарушится электроснабжение.

Итак, заговор достиг своей высшей точки. До бракосочетания оставалось три дня, и теперь все начинали решать часы и минуты. И это повергало меня в огромную тревогу, потому что у меня по-прежнему не было связи с друзьями моего сына.

31

Прошли еще сутки, но ничего не изменилось: А бесследно пропала. Последние дни я буквально не находил себе места. Иногда я начинал думать, что они почему-то решили обойтись без меня и поэтому затаились. Но тут я вспомнил, как А ласково называла меня «отец», и сразу отбрасывал эту мысль. Они не могли поступить так бездушно. Кроме того, в моих руках были бесценные сведения, и я уже

начинал сомневаться, хватит ли времени, чтобы принять какие-либо контрмеры против заговорщиков, даже если я сумею сообщить эти сведения. Постепенно я пришел к мысли, что с А произошла беда.

Если бы я знал, куда она уезжала, я попытался бы выяснить ее судьбу. Личная охрана Императора пользовалась большими привилегиями, и любые военные и гражданские органы с радостью оказали бы помощь и содействие Начальнику императорской стражи. Но я не знал ничего, а для поисков вслепую уже не было времени.

Конечно, я мог обратиться к Гуну. Но я не верил ему. Скорее я мог предположить, что связным А окажется сам Лин Эст, но Гун... Я достаточно узнал его за месяцы нашей совместной службы и не способен был поверить, что этот человек стал противником Императора.

Бессонными ночами я перебирал в уме десятки различных вариантов, взвешивая все «за» и «против». Я был убежден, что Гун — провокатор, пробравшийся в организацию друзей моего сына. Ему удалось узнать, что организация имеет союзников в охране Императора. Вполне может быть, что Гун виновник исчезновения А — ведь именно его оставили резервным связным на время ее отъезда. Если А не вернется, разыскиваемый им человек из охраны сам обратится к нему...

Этот неутешительный вывод прибавил, наверно, немало седых волос на моей голове. Гун наверняка знал А и многих других. Возможно, все они давно схвачены, и теперь он спокойно ждет, пока я не объявлюсь сам.

Избавиться от Гуна было очень легко. Но

это не могло изменить ничего в судьбе моего сына и его друзей. Гун не представлял для меня опасности, пока я сохранял свою тайну.

С другой стороны, могло оказаться, что мои подозрения неосновательны и своим упрямством я сам гублю все дело. Я метался, как дикий зверь, задавая один и тот же вопрос: что делать?

Все эти дни в моем сознании постоянно жила еще одна тревожная мысль. Я отлично помнил эпизод в Голубом зале, когда в ответ на вопрос Императора назвал ему имя Лин Эста. Бездействие Императора было для меня загадкой. Ничего не подозревающий Лин Эст действительно готовил заговор, а Император никак не противодействовал ему. Расправа с вексилляриями была быстрой и беспощадной. Но Лин Эст до сих пор не расстался с головой, и этого я не мог понять. Оставалось предположить, что у Императора есть свои планы, и в них не входит немедленное устранение Лин Эста. Может быть, Тайная Канцелярия вполне в курсе заговора и ждет лишь удобного момента, чтобы покончить со всеми разом? Но кто ей известен и вхожу ли я в это число, я не знал, а гадать напрасно не имел ни сил, ни желания. Поэтому я старался не думать о планах Императора. Однако тайный червячок страха постоянно грыз меня. Мне вовсе не хотелось расставаться с головой, не завершив того дела, которому я себя посвятил.

А время шло.

До бракосочетания остались одни сутки.

Окончание следует

Последнюю точку в повести «Сказание о Четвертой Луне» ее автор Владимир Николаевич Фирсов (1925–1987) поставил в апреле 1969 года — без малого четверть века назад. Годы через два–три после этого мне довелось в первый раз прочесть ее. Динамичная, увлекательная, вполне профессионально написанная, она показала мне тогда излишне «красавой»... И, очевидно, не только мне: ведь всем нам тогда еще только предстояло узнать, к примеру, о массовых репрессиях, последовавших за переворотом в Чили, о тех ужасах, что творили в своей Кампучии, отгородившись от всего мира, «красные кхмеры», о многом другом, не менее страшном, в том числе — и из собственной нашей истории, давней и не очень. «Повесть хвалили все, — вспоминал позднее В. Фирсов, — но никто не печатал. Я понял, что трусость редакторов не решишь, и убрал «Луну» подальше...»

Прошли годы, добавив пессимистам и скептикам изрядное количество негативной информации о жите — бытие рода людского, и писатель вновь предложил нам «Сказание о Четвертой Луне», прислав доработанный вариант с припиской: «Именно в таком виде я хотел бы опубликовать эту повесть». Мы, однако ж, выбрали тогда роман «Срубить Крест» (еще и сейчас памятный многим нашим подписчикам со стажем), что же до «Сказания» — оно, по словам автора, было включено в состав «Мира приключений» 1982 года, и разговор о возможностях публикации его в «Уральском следопыте» как-то сам собою прервался.

Однако «Сказание» не появилось ни в «МП — 82», ни в каком-либо из более поздних выпусков сборника. Очень может

быть — потому, что, будучи человеком мягким и сдержанным и вовсе не отличаясь пробойностью, В. Фирсов вместе с тем, сам много лет проработав редактором, крайне неохотно шел на компромиссы и абсолютно не принимал вкусовую правку, еще совсем недавно беспредельно царившую в нашей литературе. Не лишне вспомнить, что ведь и первый (увы, сверхскромный по объему и до сих пор единственный!) авторский сборник этого негромкого, может быть, но, бесспорно, интересного писателя увидел свет лишь через несколько месяцев после его смерти. Хотя работать — то в фантастике он начал еще с середины 60-х и опубликовал в периодике и коллективных сборниках свыше двадцати произведений.

Последние исправления в тексте рукописи В. Фирсов прислал нам в январе 85-го. Но любители фантастики помнят: в преддущем, 84-м, начались по указанию свыше повсеместные гонения на КПФ, а значит — и к фантастике как таковой вновь недоверчиво-настороженно обратилось недремлющее око властей предрержащих... Публикация «Сказания» вновь откладывалась. А в апреле 87 — го не стало его автора ...

Но рукопись осталась — и, к счастью, сохранилась.

Отдавая дань памяти и уважения одному из представителей отечественной фантастики времен ее расцвета, предлагаем эту повесть вниманию читателей.

Полагаем, она ничуть не устарела и сегодня.

В. БУГРОВ

Игорь АЛЕБАСТРОВ

ТРИ КНЯЖНЫ ТАРАКАНОВЫХ?

В хмурое, типично петербургское утро канцлер Российской империи граф Никита Иванович Панин застал свою повелительницу — императрицу Екатерину Вторую... за стиркой. Она, не торопясь, мыла в небольшой лохани свои кружевные воротнички и манжеты.

— Матушка, как вы можете заниматься такой ерундой, когда все рискует полететь в тартарары! И вам ли заниматься стиркой?!

— Что же вы хотите, граф, от бедной вдовы? Я, как вы знаете, малолетство провела в бедности и привыкла сама стирать свое белье. А что такое «тартарары»?

— Это ад, обиталище дьявола!

— А что случилось? Издохла моя Фиделька? Или Лев Нарышкин в первый раз влюбился?

— Какая Фиделька?! Какой Нарышкин?! Речь идет о вашей короне!

— Вот как?! А что такое? — вроде бы нимало не тревожась, спросила Екатерина. В душе она, конечно, содрогнулась, но внешне осталась невозмутимой. О, она умела владеть собой! Часто бывало, что в душе пылал пожар, но стены здания не коробились. С детства Екатерина приучила себя к лицемерию и показному равнодушию.

А Панин думал: «Ну, погоди, матушка, сейчас ты у меня оставишь беззаботность!» Панин не любил Екатерину, считая, что она узурпировала престол, свергнув и убив мужа — Петра Третьего, и отстранив сына Павла. Теперь Панину очень хотелось увидеть смятение, замешательство, может быть, отчаяние на лице императрицы.

— Государыня! Дочь покойной царицы Елизаветы объявилась в Италии и претендует на трон!

— Да? Это забавно! И кто же эта особа, нарядившаяся в чужое имя?

Панин был разочарован, ибо ни один мускул на лице Екатерины не дрогнул.

— Вы, граф, конечно, распорядились схватить побродяжку? Так кто же она?

— Схватить ее трудно, почти невозможно, не нарушая международных законов. Кто эта особа — неизвестно, а называет себя Елизаветой Таракановой, принцессой Володимерской, дочерью императрицы Елизаветы Петровны. Около нее всегда толпа поклонников. Живет роскошно на деньги старого ловеласа князя Радзивилла.

— А, так тут замешаны поляки?

— Не только поляки, государыня. Тут и англичане исподтишка пакостят, а французский король прислал принцессе перстень в знак внимания.

— Принцессе? Вы что же, граф, верите в то, что авантюристка — дочь Елизаветы?!

— Да, ведь, как сказать, — замылся Панин. — Покойная государыня имела немало амуров...

Екатерина заметно помрачнела.

— Вот что, граф, о появлении самозванки никто не должен знать, а я подумаю, как с ней поступить. Сейчас оставьте меня одну...

Панин, заметив, как лицо Екатерины покрылось красными пятнами, пятась задом, удовлетворенный, удалился...

А Екатерина, оставшись одна, задумалась. Появление дочери Елизаветы было для нее смертельной угрозой. Сама она прекрасно понимала, что абсолютно никаких прав на российский престол не имела. Вспомнилось, как ее, совсем юную, прусский король Фридрих II Великий рекомендовал царице Елизавете в невесты наследнику престола Петру Федоровичу. Это было похоже на то, как если бы в ночи вдруг явилось солнце — такие блистательные, ослепительные перспективы вдруг открылись перед нею. Ведь ее отец был всего лишь владельцем крохотного Ангальт-Цербского княжества, которое на карте Европы и отыскать трудно. Что видела Екатерина в детстве? Вечно пьяного отца, грубого солдафона, почти не замечавшего ее, мать-мещанку, награждавшую ее то и дело пощечинами, бранившуюся с поваром из-за каждого фартинга.

В Россию Екатерина приехала имея всего три платья, шесть ночных рубашек и шесть носовых платков. Ее ошеломляла пышность и роскошь русского двора. И она тут же поклеялась все сделать для того, чтобы понравиться Елизавете и жениху, остаться в блестящем Петербурге. Сама Елизавета, пышнотелая, круглолицая, румяная, всегда веселая и довольная, приняла невестку сухо, сказала:

— Худа, как щелка. Такую не скоро откормишь. Но видно, что бойкая. И глаза хитрющие. Ну, ладно. Девуцу умыть, одеть, накормить, показать ей апартаменты. С женихом познакомлю сама, позже... Сейчас некогда, спешу в машкерад...

Императрице Елизавете всегда было некогда. Жизнь двора она превратила в сплошной праздник, хоровод развлечений. Боже! Как завидовала ей принцесса и... ненавидела. Потому что приходилось угодничать, притворяться, поддакивать, восторгаться. В угоду богомольной царице она старательно отбивала поклоны до мозолей на коленях, хотя в глубине души считала русскую религию дикой и варварской. Казалось бы, сверх-завидной невестой была дочь Петра Великого, многие из кожи вон лезли, чтобы добиться ее руки. Но каждый раз менялась политическая конъюнктура, династические интересы, и женихам отказывали.

Но зато фаворитов у Елизаветы было немало — детей могло быть целый выводок! Поговаривали, что с Разумовским царица вступила в тайный брак. Что если Тараканова в самом деле дочь Елизаветы?! Тогда кто спасет? Кто поможет? Гвардия может переметнуться на сторону новоявленной Елизаветы. Тогда к чему были все жертвы? От одного мужа сколько она натерпелась! Петр, став после смерти Елизаветы императором,

много раз при всех унижал Екатерину, грозился упрятать ее в монастырь. И упрятал бы, но она сумела привлечь на свою сторону гвардию, свергла Петра Третьего, заточила в Ропшу, где вскоре он и умер. Хотя многие знали, что император был задушен любимчиками Екатерины.

Перейти через труп мужа, чтобы теперь все потерять, попасть в монастырь, или даже на эшафот?! Нет, ни за что! Даже если эта девица — подлинная дочь Елизаветы, она должна погибнуть! Но кто это может сделать? Алехан Орлов, брат ее фаворита — вот кто! Он сейчас командует русским флотом в Средиземном море...

В тот же день в Неаполь к Орлову помчался курьер с приказом во что бы то ни стало схватить «побродяжку»...

Граф Алексей Орлов был человеком необыкновенным — мощный, рослый красавец, авантюрист по натуре, азартный игрок, выходящий с рогатиной на медведя. Он пришел в восторг от задания императрицы.

— А-а, вспомнила! Видно без Орловых не обойтись. А то уж и забывать стала, что Орловы на престол ее возвели. Ну-к, что ж, и не такие делишки обделывали, и не таких девиц умывали, и эту побродяжку схватим!..

Да, быть бы Орлову типичным русским богатырем, образом славянского рубахи-парня, если бы не готовность на любую подлость, — и это помешало ему стать народным героем.

Орлов принялся за дело энергично. Через шпионов быстро разузнал, где обретается «принцесса Володимерская», с кем водится, кто ее окружает. Узнал и имена, под которыми она укрывалась в блудданиях по Европе: Алина Эмете, Элиза Зелинская, графиня Пиннеберг, мадемуазель Франк, мадам Ла-Тремюль, наконец, Елизавета Тараканова — это уже с претензиями на русский трон.

— Ишь чего захотела, — хохотал Орлов. — Губа-то не дура!

Он поспешил отправить царице описание внешности «княжны Таракановой». «Росту авантюрьека небольшого, тела очень сухого, — лицом не бела, не черна, глаза имеет большие и открытые, цветом темнокарие, и косы и брови темнорусые, а на лице есть веснушки...»

Известно, что переезды княжны Таракановой обставлялись с неслыханной роскошью. Кавалькады карет и ландо, сопровождаемых гарцующими польскими и французскими всадниками, двигались по дороге с той стремительностью, какая была под стать срочным курьерам или спешной почте. Для нее нанимались шикарные особняки с многочисленной челядью. Вечером особняк принцессы светился всеми окнами, гремела веселая музыка, в небе расплывались веером замысловатые фейерверки. Именитые гости глаз не сводили с очаровательной хозяйки, восторгались ее игрой на арфе, умением рисовать, наслаждались ее пением. Она удивляла своей осведомленностью в политике и искусстве, поэзии и архитектуре. Несмотря на пленительную женственность, она обладала сильной волей, была напористой, требовательной, нетерпеливой. Нет, Тараканова не была капризной, но не раз давала понять, что сумеет постоять за себя. Орлову она тоже с умыслом показала спрятанные за широким восточным поясом два пистолета с перламутровыми рукоятками.

Конечно, княжна сразу же заметила среди гостей нового кавалера. Он выделялся и ростом, и мощью, и мрачностью. Забывшись в угол, одаривал княжну страстными взглядами. Позже она тщетно пыталась вспомнить, кто ввел к ней в дом этого русского, кто познакомил ее с ним. Зато хорошо это знала русская разведка: познакомил Тараканову с Орловым ее агент — разорившийся польский граф Тышкевич, и купить, и завербовать его не составляло никакого труда. Но сама-то

княжна, умная женщина, неужели она не разгадала фальши в такой бурной любви русского? Что ее ослепило на этот раз? Деньги! Орлов исполнял все ее прихоти. Как раз тогда, когда княжну покинул вконец разорившийся Радзивилл. Обошлось это русской казне в копейчку. Закружившись в вихре волшебных удовольствий, «принцесса Володимерская» забыла об осторожности. А Орлов сообщил царице, что «авантюрьека»... не знает русского языка! Вот так дочь Елизаветы!

В один прекрасный день Орлов сообщил княжне, что он не просто «рюс бояр», а командующий русским флотом на Средиземном море. Княжна Тараканова была в восторге: у нее уже есть свой флот! Орлов пообещал возвести ее на престол, а пока предложил посмотреть морские маневры. О, это было так необычно и интересно! Княжна согласилась. К ее приезду корабли украсились флагами, был дан салют, как коронованной особе. На шикарном обеде щеголеватые офицеры наперебой оказывали госте мелкие услуги, а расторопные матросы исполняли ее приказания. Суровый и мрачный адмирал Спиридов внезапно арестовал Орлова и Тараканову «за измену».

Их развели по разным каютам. Взаперти молодая женщина то плакала, то молилась, то металась и просила свидания с Орловым. Ей отвечали, что он находится под стражей, тогда как Алехан весело пировал с адмиралом — оба ожидали щедрых наград императрицы, а фрегат на всех парусах мчался в Россию.

По прибытии в Петербург пленницу сразу же отправили в зловещий Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Это здесь пытали и, видимо, душили подушками царевича Алексея — несчастного сына Петра Великого. В камере от сырости на камнях выступали крупные капли воды, в углах настывал лед, зеленая скользкая плесень покрывала стены. Только бой курантов, выстрелы сигнальной пушки да плеск воды в Нева нарушали могильную тишину. Очень скоро пленница жестоко простудилась, жутко кашляла и чахла на глазах.

Допрашивал ее лично генерал-губернатор Петербурга фельд-маршал князь Александр Михайлович Голицын — только ему доверила Екатерина эту секретную миссию. В Европе и России никто тогда не знал о незаконном захвате Таракановой и о ее нахождении в Петропавловской крепости. Охраняли ее тщательнее, чем «Железную маску» в Бастилии. Надо отдать должное самоозанке: измученная, истерзанная начавшейся чахоткой, она не сдавалась, столько всего наговорила князю-следователю, что и за год было не разобратся, и в то же время абсолютно ничего не сказала о себе. По словам Таракановой, ни места рождения, ни родителей своих она не знала. Смутно помнила, что маленькой девочкой жила в Лионе, потом в Киле. Помнила свою воспитательницу и домашнего учителя. Всем необходимым в жизни ее обеспечивали баронесса Штерн и данцигский купец Шуман. Но кем приходились ей эти люди, она не ведала. Не знала и того, почему ее в 1761 году девятилетней девочкой привезли в Петербург (видимо, перед смертью Елизаветы), а потом по распоряжению царя Петра Третьего отправили к персидской границе. Там она заболела, была без сознания, потом оказалась в Багдаде, где ее опекуном был богатый перс Али. Ей сказали, что она — незаконная дочь императрицы Елизаветы Петровны, потому-де ее и сослали. Этот Али повез ее путешествовать по Европе. Они были в Астрахани, Петербурге, Риге, Кенигсберге, Берлине, Лондоне, Париже... Там Али исчез, оставив ей некоторую сумму денег. У нее явились поклонники — французские и польские дворяне. От кредиторов она бежала в Германию, потом в Италию...

Императрица Екатерина, читая эту белиберду, была в бешенстве:

— Все врет, мерзавка! Сплошной туман: где-то, кто-то, когда-то... Ни слова правды я тут не усматриваю. И все же необходимо узнать, кто она такая, эта тварь!

Но узнать истинное имя княжны Таракановой так и не удалось. Возможно, что ее пытали. В феврале 1775 года Тараканову арестовали, а уже 4 декабря того же года она умерла и была похоронена во дворе Алексеевского рavelина. Долгое время об этом не знали, ходили слухи, что она погибла во время наводнения в Петербурге 10 сентября 1777 года. Художник Константин Флавицкий написал по этому сюжету известную картину «Княжна Тараканова», около которой неизменно останавливаются посетители Третьяковской галереи. И в самом деле, картина эффектная: в мрачную и сырую камеру крепости хлещут через окно бурные потоки воды. Деревянная кровать вот-вот уже скроется под водой, а на кровати, в изнеможении прислонившись к стене, стоит молодая прекрасная женщина. Ее поза, воскового цвета лицо, полузакрытые глаза — все говорит о том, что силы покидают ее, а у ног бегают омерзительные крысы, тоже тщетно ищущие спасения.

Картина вызвала фурор. Только много позже исследователи установили, что вода не доходила до той камеры, где сидела княжна Тараканова, что умерла она от чахотки. Граф Алексей Орлов под конец жизни сожалел о содеянном, каялся, молился, а потом сошел с ума...

Казалось бы, на этом можно поставить точку. Но, кажется, рано. В 1785 году к воротам Ивановского монастыря подъехала черная карета в сопровождении конных стражников. Начальник конвоя помог выйти из кареты женщине, закутанной в черное покрывало, и почтительно проводил ее в покои игуменьи. Вместе с ней в монастырь вошла тайна, не раскрытая до сих пор. Кстати, островерхие башни и обветшавший купол Ивановского монастыря виднеются в двух шагах от площади Ногина в Москве.

Таинственную монахиню звали Августой, а в иночестве Досифеей. Ей суждено было пробыть здесь 25 лет вплоть до дня смерти в 1808 году. Заточение ее сочетало определенный комфорт с суровой строгостью. Уютная келья в кирпичном домике из двух комнат с прихожей, где спала служанка, изразцовая печка, отдельная трапеза с обильной и изысканной едой — далеко не каждому доставалось все это в монастыре. Но и глухой затвор, закрытые окна, полная изоляция — это тоже только для нее. В церковь ее ввели по длинному коридору и крытой лестнице. Священник с причетником, заперев изнутри надвратный храм, правили службу для единственной богомолки. Только игуменья и духовник — священник храма — имели доступ к Досифее.

Знала ли она, что здесь же до нее томились по многу лет царевна Прасковья Михайловна Петрово—Соловова — вторая жена старшего сына Ивана Грозного, царица Мария Петровна Буйносова—Ростовская — жена Василия Шуйского. Сюда же привозили истерзанных пытками, окровавленных расколосниц — «духовных дочерей» неистового попа Аввакума и держали в каменных мешках для смирения. Здесь же сидела и помещица-садистка Дарья Салтыкова («Салтычиха»). Никто отсюда не выходил на волю. Такая же участь ждала и Досифею. Известно, что она знала несколько иностранных языков, любила читать, умела играть на музыкальных инструментах. Но 25 лет одиночества, тоски и безнадежности, тяжелые мысли о своей горемычной доле — все это сломило ее. В последние годы жизни она замолчала, и никто не слышал от нее ни единого слова. Она очень боялась любого шума, при каждом сту-

ке в дверь бледнела и тряслась всем телом. Внешне она была похожа на императрицу Елизавету Петровну. Возник слух, что узица — дочь Елизаветы и Разумовского — княжна Тараканова.

Еще одна Тараканова!

Не странно ли, что ее похоронили не в Ивановском монастыре, а в Новоспасском, где находилась родовая усыпальница Романовых. Надгробная часовня над могилкой Досифеи сохранилась до наших дней. Похороны были очень пышными, едва ли не царскими. На отпевании присутствовала вся московская знать. Был и главнокомандующий Москвы граф Гудович. В публике шептались, что его жена приходилась племянницей Алексею Разумовскому. Выходило, что Гудович хоронил двоюродную сестру своей супруги?

Была и такая гипотеза: Елизавета Тараканова и Августа Тараканова (Досифея) — одно и то же лицо! Приверженцев Елизаветы Тараканова не имела. Власти убедились, что она не опасна, и заточили ее в монастырь, взяв с нее клятву о молчании. А смерть ее и похороны во дворе Алексеевского рavelина были инсценированы. Но все это — не более чем гипотеза, а вот дочками Елизаветы обе Таракановы могли быть.

Мало кто знает, что в Пучеже жила еще одна Тараканова. Третья! Приехала она в Пучеж в 1789 году в сопровождении гвардейского офицера и стражников. Звали ее Варварой Мироновной Назарьевой. Она сама выбирала место для поселения. И выбрала Пушавинскую приходскую церковь, стоявшую на крутом обрыве над Волгой. Отсюда открывался изумительно красивый вид на волжские дали. Выстроили узице келью при церкви, где она прожила уединенно 50 лет, вплоть до смерти 22 января 1839 года. В Пучеже Варвара Мироновна и постриг приняла, став инокиней Аркадией. И здесь шел слух, что она — княжна Тараканова, дочь Елизаветы и Разумовского. Об этом говорил селянам помещик соседнего Лыскова — князь Егор Александрович Грузинский.

— Не обижайте мать Аркадию — она дочь императрицы. Менья спасла от ссылки в Сибирь. По ее ходатайству ссылку мне заменили запретом бывать в Петербурге...

Князь Грузинский заботился об инокине, она ни чем не имела нужды. Священник отец Михаил вспоминал, что инокиня Аркадия переписывалась с графом Виктором Кочубеем и другими сиятельными сановниками. Лишь один раз инокиня Аркадия вспомнила:

— Совсем маленькой подводили меня во дворце к одной знатной персоне, а персоне та была из себя полная, фасонистая, видная, платье на ней было богатейшее, штофное, а волосы пудренные. И целовала она меня, и ласкала, и дочкой называла, и плакала, и говорила, что нельзя меня во дворце оставить... Жила я в Батурине (столице гетмана Украины Разумовского — И.А.) во дворце вельможи. Жизнь была легкая и сладкая, да воли не было, словно в золотой клетке. И захотелось мне киевские пещеры посмотреть и вообще постранствовать по святой Руси... Я и сбежала! Жила в Арзамасе, Орле, да вот на Волгу потянуло... Хорошо тут: приволье, простор... А главное — глушь...

Да и спохватилась, что лишку рассказала.

— Не верь, отец святой. Все это одни мечтания, сны... Я — дочь беглого солдата. На кнуте родилась...

До наших дней сохранился памятник: на четырех невысоких каменных столбах поставлен катафалк из известняка под зеленой крышей. Надпись на памятнике гласит: «Под сим камнем покоится прах божией инокини Аркадии, скончавшейся 1839 года, генваря 22 дня, жития ей сколько, остается неизвестно».

Владимир ТОПОРОВ

НАС НЕ ТАК УЖ И МНОГО

* * *

Я знал тебя, беда,
И голос твой, и стужу.
Но словом «сирота»
Я не унижу душу.

Сиротство — для шпаны.
Мне ж горькая свобода:
Четыре стороны
И пепелище рода.

* * *

Колокол развяжет свой язык.
Но один он будет на сто верст.
На сто верст всего один мужик,
Чудом не попавший на погост.

Сам в Москву рванул я оттого,
Чтоб живьем в деревне не загнить...
Распахну здесь душу... Но кого
В душу деревенскую впустить?

* * *

Душу гордыня терзала, душила меня, как омега.
Но, осознав животворное чувство вины,
Вышла душа на духовное поле страны
И огляделась.
И в скорби великой она онемела.

Мороки реют. Плывут наважденья, обманы.
Тени качаются. Чьи они? — если не видно людей.
В ржавом железе, как в роще поет соловей,
И расползаются вширь ядовитых черемух туманы.

Тени качаются. В толпы сбиваются. В тучи.
Тени толпятся, обманное счастье лоя...
А моему поколению услышать прощальную песнь соловья
Выпал же случай!

* * *

Снова память меня отравляет, как яд.
И виски я сжимаю седые...
Там смеется отец, там ромашки звенят.
И у мамы глаза — молодые.

Это вижу я детство в цветке и в ручье,
В солнце и в золотящейся крыше.
Это вижу себя на отцовском плече —
Никогда не подняться мне выше!

Где веселого солнца лучи высоки,
Там в тепле и в сиянии резком
Мне запомнилась тяжесть отцовской руки
На плече моем хрупком и детском.

Но досталась отцу подсудимых скамья,
Ночь тюремная, горечь разлуки...
А была ведь в России и наша семья...
Что вы сделали, подлые суки?

* * *

Мне на Земле не надо рая.
Я жил в аду, самосгорая —
Пусть все проходит, как испуг.
Но я останусь в мире, знаю,
Как тайная звезда ночная...
Забудешь ты меня, мой друг!

А я тебе устрою встречу
И там... Я встречу обеспечу,
Господь за все меня простил...
Там грешной жизни в искупленье
Сойдутся к нам родные тени —
Все те, кого и ты любил.

* * *

Ю.Маслову

А завтра пески наползут на воды
И полночью станет полдень...
Ты должен был поднять самолеты,
А ты их не поднял.

Был должен одеть ты в грозу и пламя
Всю землю, с небес навесясь...
Тебе ли не знать про зеленое знамя
И яростный полумесяц?

Ни дети тебе не простят, ни годы,
Ни ворон, ни белый аист
И я не прошу тебе самолеты,
Которые не поднимались.

* * *

Для одних — белый Дон.
Для других — баррикадная Пресня.
Офицеры России, я память зажгу, как свечу.
Ведь сегодня сдавила мне горло высокая песня,
И боюсь я запеть, потому что заплакать хочу.

Вот судьбу обернуть бы нам к паркам
и тихим аллеям, и кронам!
Девятнадцатый век! — как прозрачны и свежи снега.
Мальчик мой, пулемет задохнулся последним патроном.
И открыла бессмертная вечность свои берега.
Офицеры России, я кланяюсь вашему праху,
Охраните вы нас, как хранили страну испокон...
И прощайте, поручик, судьбу положивший на плаху —
Никогда не изведать вам груз генеральских погон.

* * *

Е.Волкову

Сколь будет долгоденствие, судьбой отмерянный?
Судьба — одна и, стало быть, мудра
И человека, если он растерянный,
Посадит с другом около костра.
Так пусть же только доброе и помнится.
Пусть душу бережет на склоне дня
Однажды пережитая бессонница
С хорошим другом около огня.

**Гитлеровцы вывезли их из России и Украины во время войны.
Светлану Ивановну — из Харькова, ее будущего мужа,
Владимира Дмитриевича — из Курска.
Там, на чужбине, подростки работали под конвоем,
носили на спине знаки «ост».
Семья Светланы погибла в бомбежке Дрездена
(ее участь разделили 300000 человек).
Сироты пробирались до швейцарской границы,
чтобы уйти от войны. Думали о возвращении домой.
Поползли слухи, что Родина неласково принимает тех,
кто побывал под немцами.
Швейцария постаралась при первой возможности
куда-нибудь отослать русских. Этим «куда-нибудь» стала Аргентина...
Сибирское село Кольвань.
Первый съезд православной молодежи Сибири.
На сцене — седые люди.
Это СВЕТЛАНА ИВАНОВНА и ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ БЕЛИКОВЫ.
Русские люди из Аргентины.
Они рассказывают о том, как никогда не забывали о Родине,
и когда молились, и когда воспитывали детей, и когда трудились.**

С верой под ЮЖНЫМ КРЕСТОМ

Русские эмигранты в Аргентине. Обычно говорят о трех эмиграциях. Первая — после революции, вторая — после Отечественной войны, и третья, — та, которую называют теперь «евмиграцией». Однако, мы знаем, в Аргентину еще перед этими тремя эмиграциями был большой приток русских людей. Это люди, которые уехали из России в начале нашего века от преследований католиков — из Волыни, Галиции, из Червоной Руси, из Закарпатской Руси, из Холмщины. Бежали, главным образом, крестьяне.

Русские поселенцы жили под открытым небом. Стали делать кирпичи. И десятую часть кирпичей носили для постройки храма. Мы этот храм видели. Он до сих пор действует, правда, уже перестроен.

В России произошла революция, появились первые эмигранты, главным образом, военные — то, что называется официально первой эмиграцией. Не высшие чины, а прошедшие очень короткие офицерские курсы, обычно из крестьянского сословия.

Приехав в Страны Южной Америки, они решили, что сельское хозяйство — не так сложно. И попробовали обосноваться на земле. Если вы хотите прочитать печальную и веселую книгу (бесконечное количество анекдотов происходит с человеком из России, который попадает в эти края и пытается там что-то на земле предпринять), — то есть такая книга Каратеева «По следам конкистадоров». Ну, например, русские строят курятник, заводят кур, а куры отправляются в лес и ле-

зут по деревьям на самые верхние ветки и рассаживаются там. Горе-куроводы стоят под деревьями и думают, что же делать. И если в России строится дом, чтобы охраняться осенью от стужи, там строится жилище, чтобы сохранить немножко прохлады... Сельское хозяйство у наших не пошло. Однако, во время войны Парагвая с Бразилией, когда Парагвай был в очень тяжелом положении, и почти половина мужского населения оказалась выбита, русские офицеры проявили героизм и очень уважаемы до сих пор. Восемь улиц в Асунсьоне, главном городе Парагвая, названы именами русских, павших за страну, которая их приютила.

Там же подвизался генерал Беляев, знаменитый тем, что усмирил индейцев, причем не столько оружием, сколько убеждением. После замирения генерала выбрали почетным «каси́ке», то есть, вождем индейцев. Он туда приехал со своей женой, свояченицей, поселился в маленькой деревушке. Индейцы живут в джунглях. Когда у них появлялись спорные вопросы, они приходили на суд к генералу Беляеву. Но так как в генеральской семье были две белые женщины, то он приказал повесить штаны на кустах при входе в деревню. Ведь индейцы ходят так, почти без ничего. До сих пор могила генерала Беляева — вот уже столько лет — сохраняется постоянным индейским патрулем. И в изгородь, где он похоронен, никого, кроме русских, не пускают.

Ситуация нашей эмиграции в Буэнос-Айресе была такова: люди постепенно ос-

воились, на ходу кончали какое-то образование. Жили прилично. Тут подошла новая эмиграция — после второй мировой войны. Много людей с совершенно другой характеристикой. Это уже были не военные, а просто рядовые русские люди, солдаты в прошлом. Но и штатские. И поселились они первое время, сняв несколько помещений. Мы относимся ко второй эмиграции.

Нас привезли, предоставили в общежитии двухэтажные койки; кормили утром, днем и вечером чем-то, спасибо им. И предоставили своей судьбе. Те, кто обладал какой-нибудь специальностью технической, довольно быстро устроились работать — без хлопот. Тем, кто имел диплом врача — а диплом не признавался — предоставили две возможности: или учиться и сдавать экзамены с начальной школы и до университета... Не зная языка, это очень сложно... Или ехать в дальние деревни, практиковать как врачу, а через пять лет им выдавали официально диплом — и они уже считались признанными специалистами. Врачи русские славятся гуманностью и честностью, и поэтому большое количество осталось в далеких провинциальных деревушках.

Хуже всего было с гуманитариями. Ибо куда деваться профессору истории в 65 лет, который не говорит на немецком языке. И сколько же можно иметь таких немых профессоров? Например, профессор Янковский, потомок Гоголя, служил ночным сторожем в порту.

Церковь наша ответила на эту ситуа-

цию тем, что организовала несколько общежитий. Я уже и не знаю, что при чем — общежитие при церкви, или церковь при общежитии. Снималось какое-то помещение, по возможности, дешевое, — денег кот наплакал. Скажем, в пригороде Буэнос-Айреса сняли просто конюшню и при ней — каморку конюха. В каморке и была церковь. Все как полагается. А в конюшню поставили койки, размещали детей и стариков, которым действительно некуда было деться. Казаки избрали другой путь. В пригороде, там, где свалки, они селились просто явочным порядком. Наш большой друг (к сожалению, умер два года назад) справил новоселье следующим образом: забил четыре кола, повесил шинель, и там его молодая жена родила первого сына. Кстати сказать, богатырь сейчас.

И вся эта публика бросилась учиться. Тот казак из-под шинели кончил курсы починщика лифтов. Сейчас на том месте, где он занял когда-то участок, стоит его трехэтажный дом. В нижнем этаже мастерская по починке автомобильных шин, верхние два этажа занимает семья. Есть у него вторая мастерская по починке и заправочная станция в центре города. Вот как приблизительно работают... Умер же казак от разрыва сердца. Конечно, просто переработался. Слава богу, он побывал в своей станице за полгода перед смертью.

Наши казаки начинали с ничего, проповали самые фантастические вещи. Например, показывали джигитовку в пригородах, где есть пустые места, скажем, футбольное поле, собирая в чашку подающих случайных зрителей. Говорить-то по-испански никто из них не умел, образования никакого. И однако почти все встали на ноги. Со свалки выехали, а церковь оставили. Как же, алтарь-то снимать не хочется, и поэтому там служба бывает раз в месяц, по субботам. И съезжаются бывшие поселяне. Заметьте, что домишки, в которых сами жили, были построены из жести, картона и других легких материалов, а церковь — из кирпича!

Многие эмигранты, а в особенности офицеры, которые принимали участие в парагвайско-болливийской войне, остались на службе в армии.

Генерал-лейтенант Выскольянец, по специальности инженер-математик, в последнее время заведовал всеми парагвайскими военными школами и академией инженерных войск. В конце 70-х годов на конгрессе математиков в Хельсинки он прочел доклад «Решение одной из шести задач знаменитого математика Ферма» и посвятил эту работу своему другу генералу Штреснеру и памяти убиенного императора Николая II.

Климат в Парагвае очень жаркий и влажный, поэтому многие русские эмигранты переселились в Аргентину, за исключением небольшого городка, который

называется Новая Волянь. Там у нас был забавный случай. В городке много законченных церквей православных. Поддерживают их, красят, восьмиконечные кресты, как полагается, но служить там никому, да часто и не для кого. Мы хотели узнать, в какой церкви можно попасть на службу. Видим: девчушка какая-то, ватренем перемазанная физиономия, белобрысенья совсем. Сын спрашивает: «Как тебя звать?» — «Анюта». — «А по-испански как?», «Не знаю». — «А сколько тебе лет?» — «Много». — «А мамка где?» — «А мамка тут». Повела, засверкала пяточками, побежала мамку звать. Люди эти интересны тем, что они ведут свое хозяйство. Был такой момент. Поужинали... Что русские делают? Поют. Сели петь. «Покажи фотографии». Ищет. Не находит. А все происходит при керосиновой лампе. «Так ты включи электричество!» Оказывается: для жизни, для человеческого общения они предпочитают маленькую «керосинку».

Общественная жизнь. У нас были четыре театральных труппы, пять газет, правда, еженедельных, три издательства — «Русь», «Наша страна», «Сеятель».

Кстати, «Сеятель» издавался очень оригинальной личностью. Этому человеку 94 года. Из крестьян, портной. И всю жизнь издавал журнал «Сеятель» на свои личные заработанные деньги. И набирал сам, и печатал, и разносил. Человек, в общем, малограмотный, но с тонким нюхом на интересных людей. И переписывался практически со всеми писателями Зарубежья, включая Солженицина, Романа Гуля, Зайцева, Бунина. Напечатал он более пятидесяти книг.

Газеты, из которых, осталась только «Наша страна», а были «Русское слово», «Суворовец», «Русский голос».

«Наша страна» — газета, которая сначала выходила где-то в Болгарии. Основатель ее — Иван Лукьянович Солоневич. Человек, бежавший из лагерей. В Болгарии потерял жену и одного молодого сотрудника — студента, — они вскрыли пакет, в котором содержалась бомба. Во время войны Солоневич переехал в Аргентину и продолжил издание газеты. Направление ее — монархическое. Написал он серьезный труд «Народная монархия», в котором проводит мысль о необходимости очистки идеи самодержавия от тех наносных элементов, которые обычно заметны. Идея Солоневича: сила власти — царю, сила мнения — земскому собору. И симфония церкви и государства. То есть, государь ответственен перед Богом, перед Церковью, перед Народом. Книжки Солоневича мы очень ценим, потому что они с большой любовью трактуют нашу русскую историю, нашу русскую идею, и стараются очистить ее от западничества.

Русские школы создаются обычно при церквях, типа субботней школы, где пре-

подают родиноведение, русскую литературу, русский язык в программе средней школы. Стараются люди, как могут, преподавателям-энтузиастам платят крохи, никаких дотаций нет. Но наши театралы умудряются ставить даже «Евгения Онегина». Русский театр для детей поставил «Царевну-лягушку», «Жизнь за царя», «Конька-горбунка», «Царя Салтана».

Конечно, ассимиляция идет полным ходом. Люди второго, третьего, а то и четвертого поколения не знают Родины. Бывает и так: человек — русский, а по-русски не говорит.

Эмиграция сейчас в Аргентине разделилась, пошла: старшие — на кладбище, средние — от кризиса экономического куда глаза глядят, а младшие ассимилировались или тоже уезжают. Страна находится в очень глубоком кризисе, который вызван тем, что несколько лет назад все было страшно довольны тем, что нам дают кредиты. Эти кредиты были использованы для покупки всего, чего можно. Не правда ли, кредит из-за границы, как хорошо! Но оказалось, что за кредиты надо платить... В результате, даже на свалке железного лома можно найти нераспакованное оборудование, скажем, текстильной фабрики или типографии. Налоги за кредиты легли тяжким грузом на население. Индустрия резко упала, активная молодежь разлетается. И русские — тоже. «Кто поверит, что у Аргентины нет выхода? А аэропорт?» — так у нас шутят. Можно сесть в такси, а у таксиста висит диплом архитектора — «вдруг работку подсыпят». Цена кредитов оказалась погубительной.

Если раньше у нас было 14 православных церквей, сейчас действующих — пять, и в тех службах — раз в месяц. И хотя проблем много, все же с 3 по 10 августа в Аргентине будет проходить съезд русской православной молодежи. Его девиз: «С верой под Южным крестом». Будут гости из России, из Австралии, Соединенных штатов, Канады, из Германии и Южной Америки. Цель его — как дальше жить, какую роль молодежь может сыграть в возрождении России. И еще заметим: весь западный мир смотрит на Россию и ждет — ждет отсюда нового слова.

А в какой-то момент мы все мечтаем и надеемся вернуться опять в Россию. Когда это произойдет? Мы надеемся, что в скором будущем.

Рассказ русских людей из Аргентины

Светланы Ивановны и

Владимира Дмитриевича Беликовых

записала Р. Ильина.

Луи Л'АМУР

СКВОЗЬ ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ОГОНЬ

Вестерн — специфический «американский» жанр, незаметно (поскольку долгое время не принимался всерьез) возникший и утвердившийся поначалу в кинематографе — самом, как известно, массовом из видов искусства. (Первый вестерн американского кино, «Ограбление скорого поезда» Эдвина Портера, был снят еще в 1903 году и представлял собою «большой», по тогдашним меркам, фильм длительностью в целых 14 минут!)

Название жанра восходит к термину «Уайлд-Вест» («Дикий Запад») — так американцы именовали когда-то всю обширную территорию к западу от Миссисипи, которая была колонизирована лишь в XIX веке — значительно позднее земель, находящихся к востоку от великой реки. Именно там, в бесконечных прериях и крохотных поселках, разворачивается динамичное действие вестернов, выясняют отношения между собою непеременные их герои — ковбои, индейцы, золотоискатели, торговцы, бандиты, просто бродяги и, естественно, шерифы. Это — не исторический жанр в подлинном смысле слова: хотя время действия — прошлый век, история освоения западных территорий предстает здесь, как правило, в легендарном, мифологизированном виде; и главное, что можно извлечь из вестерна, — отнюдь не достоверная информация о прошлом, а чисто эмоциональное восприятие очередной схватки добра и зла.

Изображена она, чаще всего, в трогательно наивном, чуть-чуть сентиментальном «черно-белом» варианте, когда мужественный и по всем статьям благородный герой восстанавливает попорченную было справедливость в поединке с много численными персонажами откровенно злодейского толка. Преследования и похищения, бесконечные потасовки и драки, стрельба, в том числе не только бутафорская, словом — безудержные приключения на фоне чисто условных исторических событий... Со времен А.Дюма-старшего этот жанр просто обречен на самый массовый успех!

Автор публикуемого нами вестерна — американский писатель Л.Амур, дебютировавший в 1954 году и выпустивший в общей сложности полторы сотни романов. Большую часть из них (около 100) составляют именно вестерна, в исполнении Луи Л.Амура пользовавшиеся неизменным успехом: практически каждый его роман набирал миллионный тираж, чему способствовала, надо полагать, и экранизация доброй их половины. К слову сказать, среди актеров, снимавшихся в фильмах по книгам писателя, был и будущий президент Р.Рейган. В 1983 году Луи Л.Амур стал первым лауреатом Большой золотой медали искусств — за вклад в развитие американской культуры. Годом позже Р.Рейган вручил ему медаль Свободы — одну из высших гражданских наград в Соединенных Штатах. На русском языке Луи Л.Амур только начинает издаваться — нам известны покамест всего лишь шесть изданий его произведений.

В сыром и вонючем кубрике за обшарпанным столом сидел, широко расставив ноги, чтобы сохранить равновесие при качке, рослый широкоплечий человек. Над его головой раскачивался свисавший с подволока медный штормовой фонарь, в котором чуть теплился огонь. В этом неверном свете человек изучал потертую и испачканную пятнами пота морскую карту.

В кубрике слышался далекий плеск рассекаемых форштевнем волн, ленивое поскрипывание такелажа, храп спящих и хриплое, прерывистое дыхание человека, умиравшего на нижней койке.

Склонившийся над картой был одет в красно-белый свитер и голубые джинсы, подпоясанные широким кожаным ремнем с медной пряжкой. На ногах красовались плетеные сандалии из мягкой, обильно смазанной кожи. Хотя волосы его были включены и давно не стрижены, однако лицо, за исключением усов и баксов, тщательно выбрито.

На поглотившей его внимание карте было нанесено побережье Северной Калифорнии. Кончиком ножа человек отметил на карте некую точку и проверил время по массивным золотым часам. Быстро прикинув что-то в уме, он сложил карту и вместе с другими бумагами положил в клеенчатый пакет, который затем засунул в свитер.

В этом крупном человеке проглядывало нечто, выделявшее его в любой толпе. Он явно был рожден командовать — не только из-за своего телосложения и силы характера, но также в силу своей индивидуальности.

Поднявшись, он постоял минуту, наклоняясь при качке и глядя на седого человека, распростертого на нижней койке. Потом он опустился на колени и коснулся запястья умирающего. Пульс едва прощупывался. Рейфу Карадеку ничего не оставалось, как ждать и размышлять.

Самое большое через несколько часов, — а может быть, даже минут — этот человек умрет. За долгие месяцы матросской службы его здоровье было разрушено принудительным трудом и побоями. А когда Чарлз Родни умрет, он, Рейф Карадек, исполнит то, что обязался сделать.

Судно в очередной раз качнуло, старик вздрогнул, губы его внезапно приоткрылись. Минуту он смотрел вверх, в зловещую тьму, затем, повернув голову, увидел человека, сидящего рядом, и улыбнулся. Его пальцы нащупали руку Рейфа.

— Ты... ты достал бумаги? Не забудешь?

— Нет.

— Ты должен быть осторожен.

— Знаю.

— Повидай мою жену, Кэрол. Объясни ей, что я не струсил, не сбежал. Скажи ей, что у меня были деньги, и я уже возвращался обратно. Я беспокоюсь насчет закладной, которую оплатил. И не доверяю Баркову... — старик смолк, глубоко и хрипло дыша. Впервые за трое суток он пришел в сознание и отдавал себе отчет в происходящем. — Позаботься о них, Рейф. Я должен доверять

* Перевод с английского А.Дмитриева и С. Фомченко

тебе! Ты — единственный шанс, который у меня есть! Умереть не так уж плохо, если бы не они.

— Тебе лучше отдохнуть, — мягко сказал Рейф.

— Поздно. Почему это случилось со мной, Рейф? С нами?

Карадек пожал мощными плечами.

— Не знаю. Скорее всего, мы оказались там в неподходящее время. Выпили, а этого делать не следовало.

Старик понизил голос.

— Ты попытаешься сегодня ночью?

— Попробуешь? — Рейф улыбнулся. — Сегодня ночью мы отправляемся на берег, Родни. Но сначала я собираюсь поглядеть капитана.

Родни улыбнулся и откинулся на спину. Лицо его еще больше побледнело, дыхание стало совсем слабым.

Они провели вместе год — жестокий, скверный, ужасный год труда, крови и горечи. Он начался однажды ночью в Сан-Франциско на площади Гонконг-Бол, что на Берберийском берегу. Рейф Карадек только что вернулся из Америки с карманами, полными денег.

Этому предшествовали месяцы, проведенные в джунглях, мокрых джунглях, где он мучался от лихорадки, задыхаясь в жаре и сырости. С Рейфом расплатились наличными, и он двинулся дальше. В Сан-Франциско он наверстывал потерянное время — Рейф Карадек, игрок, солдат удачи, странник по дальним краям.

Где-то по дороге в тот вечер он встретил Чарлза Родни, загорелого скотовода, приехавшего, чтобы получить ссуду под свое ранчо в Вайоминге. Они выпили по паре стаканов и заглянули в погребок на Гонконг-Бол. Там они выпили еще, а проснулись от медлительной морской качки и грубого голоса Булли Борджера, шкипера «Мери С.».

Рейф проклял себя. Его провели, как новичка, зашанхаили, словно какого-то пьяного фермера! Но он смирился, понимая бесполезность сопротивления. В конце концов, это было не первое его плавание.

Родни же взбесился. Он набросился на капитана и потребовал доставить его на берег. Булли Броджер сбил Чарлза с ног и молотил ногами, пока тот не потерял сознание. Рядом, подстраховывая, стоял помощник с револьвером в руках. Это повторилось дважды, пока Родни не взялся за работу, полукалека, снедаемый беспокойством за жену и дочь.

Как всегда, команда раскололась на группировки. Одна из них состояла из Рейфа, Родни, Роя Пенна, Рока Муллени и Текса Бриско. Пенн был студентом — правоведом и по случаю золотоискателем. Муллени — матросом первой статьи, шахтером и ковбоем. Их залучили на судно во Фриско — в одной партии с Рейфом и Родни. Текс Бриско был техасским ковбоем. Его увезли из портового погребка в Галвестоне, куда он приехал посмотреть на море.

Сдружившись с Рейфом, Родни рассказал ему

всю историю переезда в Вайоминг с женой и дочерью. О том, что сделала с его стадом засуха и индейцы, и как он в конце концов заложил ранчо человеку по имени Барков. А потом в эти места нагрянули воры, и он потерял весь скот. Очувшившись в безвыходном положении, поехал в Сан-Франциско. К своему удивлению, встретил там Баркова и расплатился по закладной. А несколькими часами позже, забредя в погребок Гонконг-Бол, рекомендованный приятелем Баркова, был одурманен, ограблен и увезен на судно.

Дыхание скотовода стало еще слабее, и Рейф, склоняя голову на край койки, задремал.

Родни вручил ему документы на ранчо — документы, дающие право на половину собственности. Другая принадлежала жене и дочери Родни. Карадек пообещал спасти ранчо, если сможет. Передал ему Родни и расписки Баркова в получении денег по закладной.

Резким движением Рейф поднял голову. Он не знал, как долго проспал, однако, взглянув на Родни, убедился, что за это время хриплое, прерывистое дыхание смолкло, не было слышно даже самого слабого вдоха. Родни умер.

Еще минуту Рейф держал в руке запястье старика, потом натянул одеяло на лицо покойного и резко распрямился. Взглянув на часы, он понял, что через несколько минут они окажутся в виду мыса Мендосино. Схватив с верхней полки небольшой мешок с пожитками, Карадек быстро повернулся к трапу.

На верхней ступеньке он увидел две большие ступни и волосатые лодыжки. Они двигались, и постепенно, шаг за шагом, в кубрик спустился человек, сложением даже превосходящий Рейфа; его маленькие, жестокие глаза переметнулись с лица Рейфа на койку Родни.

— Умер?

— Да.

Детина потер кулаком небритый подбородок и ухмыльнулся Рейфу.

— Я слышал, как он говорил о ранчо. Это могло бы стать хорошеньким дельцем, на этом можно делать деньги. — Глаза его вспыхнули алчностью. — Мы поделим, и поделим поровну, а?

— Нет. — Тон Карадека был категоричным. — Документ составлен на его дочь и на меня. И на его жену. А я не ставлю себе целью получить с этого что-нибудь.

Здоровяк хрипло захихикал.

— Гляди-ка! — сказал он. — Джош Бриггс не дурак, Карадек! Ты хочешь захватить все сам. А я хочу получить свою долю. — Он оперся на ступени трапа. — Мы можем сделать славное дельце, Карадек. Я слышал, там есть затруднения? Полагаю, мы сможем урегулировать любые помехи.

— Я не меняю своих решений, — ответил Рейф. — Посторонись, я спешу.

Лицо Бриггса стало угрожающим.

— Не заносись, — грубо сказал он. — Если не поделишься со мной поровну, то не уйдешь. Я знаю о шлюпке, которую ты приготовил. И могу остановить тебя — хоть там, хоть здесь.

Рейф Карадек понимал бесполезность слов. Есть натуры, для которых единственным аргументом является сила. Его левая рука внезапно взлетела вверх, пальцы, образовав букву «v», ударили Бриггса туда, где челюстная кость соединяется с горлом. Удар был неожиданным, резким и ужасным. Голова Бриггса дернулась назад, и Рейф нанес сильный удар правой сбоку; затем последовал сокрушительный удар локтем, сплющивший нос Бриггса и заливший лицо кровью. Рейф нанес еще два удара по корпусу — слева и справа, а потом — так же левой и правой — в подбородок. Два последних прозвучали как пистолетные выстрелы. Джош Бриггс ударился о подножие трапа, перевернулся и остался лежать неподвижной грудой мяса. Рейф подобрал мешок и, даже не оглянувшись, поднялся по трапу.

Вдоль правого борта Карадек прошел по темной палубе на корму. От грот-мачты отделилась тень.

— Ты готов?

— Готов, Рок.

Еще два человека появились из темноты. Вчетвером они сдвинули шлюпку и подтащили ее к борту.

— Мы уже на месте? — спросил Пенн.

— Почти. — Карадек выпрямился. — Приготовьте ее. Я хочу зайти к старику.

Даже в темноте он почувствовал на себе их взгляды.

— Думаешь, это благоразумно?

— Нет. Но он убил Родни. Я должен его повидать.

— Хочешь убить Борджерера?

Похоже, они не сомневались, что он мог убить, стоило ему захотеть. Почему-то он всегда производил на людей впечатление человека, который всегда исполняет задуманное.

— Нет, только задам взбучку. Он ее давно дожидается.

Муллени сплюнул. Он был коренаст и мускулист.

— Ты чертовски прав... Я хотел бы помочь.

— Нет, помогать не нужно. Держитесь поблизости и приглядывайте за помощником.

Пенн ухмыльнулся.

— Он связан — на корме, у штурвала.

Рейф Карадек повернулся и пошел. Его мягкие кожаные сандалии беззвучно ступали и по твердой древесине палубного настила, и по ступеням трапа. Он тенью скользнул вдоль надстройки и увидел, что дверь капитанской каюты открыта. Рейф оказался внутри и успел сделать два шага, прежде чем капитан поднял глаза.

Булли Борджер был крупным человеком, лицо его окаймляла рыжая шкиперская бородка. Холодными серыми глазами он искоса взглянул на Рейфа.

— Что случилось? — спросил он. — Непорядок на палубе?

— Нет, капитан, — коротко ответил Рейф. — Непорядок здесь. Я пришел избить тебя до полусмерти, капитан. Чарлз Родни умер. Ты разбил ему жизнь. А потом убил.

Борджер вскочил на ноги, как кошка. Почему-то он всегда знал, что этот момент настанет. Нескольким раз он говорил себе, что должен убить Карадека, но тот был матросом первой статьи, таких в экипаже наперечет. Поэтому Борджер и медлил.

Теперь он ринулся к выдвижному ящику за медным кастетом. Левая рука Рейфа стремительно упала на запястье капитана, тогда как правая прижала другую руку Борджерера к талии. Это остановило шкипера — остановило на какое-то мгновение, но и мгновение оказалось достаточно. Голова Рейфа метнулась вперед, ударив гиганта в лицо, и Карадек услышал, как хрустнули кости.

Однако жгучая боль лишь придала Борджеру силы. Вырвав правую руку, он схватил кастет и замахнулся, нанося удар, который мог бы сразить слона. Рейф нырнул под руку рассчитанным, почти небрежным движением. Он нанес два удара по корпусу — слева и справа — и от этих ударов у Борджерера перехватило дыхание. Он скрючился, судорожно хватая воздух ртом.

Рейф опустил ладонь на затылок противника и с силой толкнул вниз. И в то же время ударил коленом навстречу, превратив лицо Борджерера в бесформенную кровавую массу.

Булли Борджер, известный во многих портах, как самый нечестный драчун, со стоном отшатнулся. Сохраняя на лице выражение полного равнодушия, Карадек шагнул ближе и в такт качке принялся наносить поочередно обеими руками равномерные удары — сильные и коварные, за которыми стояла вся мощь его широких плеч. Слева — справа, слева — справа; удары, которые резали и дробили, как мясницкие ножи. Борджер зашатался и рухнул поперек койки.

Рейф повернулся и увидел в дверном проеме белокурую голову Пенна. Рой Пенн бросил взгляд на окровавленную тушу, потом посмотрел на Карадека.

— Пойдем. На правом траверзе виден мыс. Спустив шлюпку на воду, они соскочили на нее по канату, который затем перерезали ножом; шлюпку сразу же отнесло назад. Черный корпус корабля пронесся мимо них; корма поднялась и снова опустилась. Легким поворотом румпеля Рейф направил шлюпку к мысу. Муллени и Пенн поставили мачту и парус; затем Пенн, повернувшись, посмотрел на Карадека.

— Знаешь, а ведь это бунт.

— Да, — спокойно согласился Рейф. — Я не просил, чтобы меня увезли на судно, а наркотик в погребке на Берберийском берегу — это не мой обычай напрашиваться на годовую работу.

— Год? — Пенн выругался. — Для меня это больше двух лет. Для Текса тоже.

— Ты знаешь этот берег? — спросил Муллени.

— Не слишком хорошо, но прямо к северу от мыса есть место, куда мы можем заглянуть. Ночью есть риск напороться на риф, но, я думаю, мы проскочим.

Гористый черный мыс отчетливо вырисовывался на фоне уже начавшего сереть в эти предрассвет-

ные часы неба. Его обращенный к морю склон был скалист и изъеден дождями и прибоем. Наблюдая за течением и выискивая взглядом подводные скалы, Рейф искусно провел шлюпку меж рифов и направил к усыпанному серыми валунами берегу, где вода закручивалась, оставляя белую рябь бурунов.

Они выбросили вещи на узкий пляж.

— Как насчет шлюпки? — спросил Текс. — Бросим?

— Проруби дыру в днище и оттолкни от берега, — посоветовал Рейф.

С моря пришел туман, и вскоре его серая пушистая пелена накрыла всю округу. Когда они оставили позади несколько миль, Рейф скомандовал привал. Пенн развязал мешок, который нес, и вытащил хлеб, инжир, кофе и кружку.

— Выкрали из капитанских запасов, — пояснил он.

— А выпить что-нибудь достал? — Муллени потер темную щетину на массивном подбородке.

— Угу. Две бутылки рома. Знатная вещь. С Ямайки.

— С тобой можно плавать, — сказал Текс, опускаясь на корточки. Он посмотрел вверх на Рейфа. — Что будем делать дальше?

— Я в Вайоминг, — Рейф сломал несколько веток и подбросил в разложенный Роком костер. — Я дал слово Родни и сдержу его.

— Он доверял тебе.

— Да. И я не собираюсь его подводить. Как бы то ни было, путь до Вайоминга долгий, а мы должны уйти отсюда как можно дальше. Нас могут искать. Бунт — преступление, наказуемое виселицей!

— Тебе приходилось когда-нибудь держать скот? — поинтересовался Текс.

— Только в детстве. Я родился в Новом Орлеане, рос около Сан - Антонио. Но Родни рассказал мне все, что мог.

— Я дважды гонял стада в Додж, — проговорил Текс. — И однажды в Вайоминг. Мне понадобится работа.

— Ты нанят, — сказал Рейф. — Если я когда — либо разживусь деньгами, чтобы с тобой расплатиться.

— Я рискну, — согласился Текс Бриско. — Мне нравится твоя манера делать дело.

— А я — за золотые россыпи Невады, — сказал Рок.

— Это и мне подходит, — проговорил Пенн. — Если Рок и не нападет на жилу, то уж охотой мы на еду себе заработаем.

2

Среди высокой травы не было видно никакой другой тропинки, кроме проложенной ветром или скотом, инстинктивно стремящимся к воде; и все же, в то время, как его длинноногая лошадка бежала сбоку от маленького стада, у Рейфа Карадэка возникло такое чувство, словно он возвращается домой.

Это была земля, созданная для человека, и человек не мог не полюбить ее — обширная, прекрасная земля волнующихся трав и деревьев, высоких гор, вздымающих темные на фоне неба вершины, и прямых, стройных, красивых корабельных сосен.

В седле Рейф чувствовал себя как дома, ибо почти полжизни провел верхом; вдобавок, эта лошадь с легким, пожирающим расстояния шагом нравилась ему. Он выиграл ее в покер в Огдене вместе с седлом и уздечкой. А винчестер образца 1873 года, новейшее прекрасное ружье, купил на рынке в Сан-Франциско.

Ветер шелестел в траве, превращая ее зелень в переливающееся серебро. Рейф услышал позади галоп и придержал коня. Бок о бок с ним остановился Текс Бриско.

— Теперь уже скоро, Рейф, — сказал он, разыскивая в кармане табак и бумагу. — Расскажи мне подробнее об этом деле, ладно?

Рейф кивнул. Клеймо Родни приобрел у человека по имени Шафтер Мэсон. На нем стоит: «Бар М». У Родни было две тысячи акров земли в Лонгвелли, купленных у Красного Облака — он хорошо заплатил за эти пастбища и держал на них скот; на них — и еще на четырех тысячах акров за пределами Лонгвелли. Хижина находится близ входа в каньон Безумной Женщины.

Под залог земли Родни занял деньги у некоего Брюса Баркова — крупного скотовода. Родни некогда ему не доверял, но в округе Барков был единственным человеком, который мог дать взаимную сумму.

— И что ты намерен делать? — поинтересовался Бриско, следя глазами за стадом.

— У меня нет твердых планов, Текс. Я не могу ничего планировать, пока не увижу, в каком состоянии земли. Первым делом нужно отыскать миссис Родни и ее дочь. Только тогда мы сможем действовать. Тем временем я собираюсь продать этот скот и разыскать Красное Облако.

— Это будет не просто, — сказал Текс. — Тут была какая-то заваруха с индейцами, а он сиу. Как раз сейчас большинство сиу воюют.

— Это необходимо, Текс, — проговорил Карадек. — Я должен увидится с ним и объяснить все так, чтобы он понял. Он может стать надежным другом, а может и коварным врагом.

— Могут возникнуть вопросы и по поводу этого скота, — холодно констатировал Текс.

— Что с того? — пожал плечами Рейф. — Все это — заблудившиеся животные; мы выудили их из каньонов, где много лет не появлялся ни один белый человек, и поставили собственное клеймо. Мы гнали их двести миль, так что здесь никто не может иметь к нам претензий. Кто бы ни разводил скот там, где мы его нашли, он покинул те места давным-давно. Помнишь, что рассказывал старый траппер?

— Да, — согласился Текс. — Наши права достаточно основательны. — Он снова взглянул на клеймо, потом с любопытством посмотрел на Карадэка. — Человече, почему ты не сказал рань-

ше, что твой старик владел ранчо Си Бар? Когда ты сказал мне клеймить скот тавром «Си Бар», меня как обухом по голове стукнуло. Дядя Джо понарасказывал мне про сына старика, который еще мальчишкой был ходячим ужасом с хвостом колечком. Очень он был с револьвером ловок... Скажи-ка, — Текс в упор уставился на Рейфа, — не ты ли и есть тот самый парень?

— Боюсь, что так, — согласился Карадек. — Для мальчишки я слишком хорошо владел револьвером. Была схватка с несколькими старыми врагами отца, а потом мне пришлось удрать в Мексику.

— Слышал об этом.

Текс повернул своего гнедого, загнал блудного бычка обратно в стадо, и они двинулись дальше.

Рейф Карадек ехал осторожно, следя за местностью. Это была страна индейцев. Чайены и сиу вели себя вызывающе с тех пор, как Кастер появился в Черных Холмах, являющихся сердцем индейской территории и почти священных для племени Равнин. Отсюда, где пролегла граница Лонгвелли, начинались земли Родни, и до его хижины возле каньона Безумной Женщины оставалось несколько миль.

Рейф тронул лошадь шпорой и легким галопом направил к голове стада. Когда старый траппер рассказал им про этот скот, любопытство понудило Рейфа отправиться посмотреть. Пасшийся на зеленом дне нескольких соединяющихся каньонов скот выглядел упитанным, а следам, приводившим в эти места, явно уже было несколько лет. Это был тяжкий, мучительный труд, но в конце концов им с Тексом удалось согнать и заклеить триста голов, а потом и нанять двух безработных ковбоев в помощь на перегон.

Рейф опередил ковбоя, рысившего в голове стада, и направился к полоске деревьев — туда, где ручей Безумной Женщины, выбегая из каньона, поворачивал широкой плавной дугой к середине долины, а оттуда — дальше, вниз, орошая по пути прекраснейшее пастбище из всех, которые когда-либо приходилось видеть Карадеку.

После долгого путешествия сквозь зной пустыни и жару гор здешний воздух казался особенно свежим и прохладным, напоенным благоуханием влажной травы. Рейф спустился к ручью и сидел в седле, пока лошадь пила холодную, прозрачную воду. Затем вброд переправился через ручей и поднялся на противоположный берег.

Скамейка возле ручья, поддерживаемая подпоркой—спинкой из сосновых жердей, выглядела именно так, как описывал Родни. Однако при виде хижины губы Рейфа сжались от мрачного предчувствия — нигде не видно и признака жизни. Лошадь, почуввав беспокойство хозяина, перешла на рысь.

Одного взгляда оказалось достаточно: хижина пуста и, очевидно, уже давно. Рейф стоял в дверях, когда подъехал Текс. Бриско огляделся по сторонам:

— Ну, — сказал он, — похоже, зря мы сюда тащились.

Подъехали двое остальных — Джонни Джилл и Бо Марш, оба техасцы. Не слезая с седел, они совершили поездку из Техаса в Вайоминг, оттуда направились на Запад, где у Соленых Озер повстречали Рейфа и нанялись перегонять стадо в Лонгвелли. Джилл, человек лет тридцати, невысокого роста, с лицом, дубленным как выделанная кожа, посмотрел вокруг.

— Я знаю это место, — сказал он. — Раньше это было ранчо Родни. Потом его перехватил парень по имени Дэн Шют. Теперь он хозяин.

— Шют? — Текс бросил взгляд на Карадека. — Не Барков?

Джилл покачал головой.

— Барков прикидывается, будто помогает женщине Родни, да только не много хорошего он сделал. Но как бы то ни было, здесь хозяйничает Дэн Шют. Опасный человек.

— Ну, — небрежно бросил Рейф, — может быть, мы узнаем, насколько он опасен. Я собираюсь поселиться прямо здесь.

Джилл задумчиво посмотрел на него.

— Нарывааетесь на неприятности, мистер, — сказал он. — Но мне и самому Дэн Шют никогда не нравился. У вас есть какие-нибудь права на это пастбище? Ведь вы именно сюда направлялись, верно?

— Верно, — согласился Рейф. — И права у меня есть.

— Ну, Бо, — проговорил Джилл, закидывая ногу на седло, — хочешь дрейфовать дальше или останемся и посмотрим, как этот джентльмен будет разделяться с Дэном Шютом?

Марш улыбнулся. Улыбка у него была беспечная и заразительная.

— Сходим на берег, Джонни, — сказал он. — Я за задержку. У Шюта есть один здоровенный рыжий ковбой, который мне никогда не нравился.

— Спасибо, парни, — сказал Рейф. — Похоже, у меня появились работники. Ближайшие несколько дней держите скот в хорошо огороженном месте. Я еду к Раскрашенной Скале в Пайнтед-Рок.

— Этот город принадлежит Баркову, — сообщил Джилл. — Стоило бы слегка прощупать Баркова и Шюта. Кое-кто из парней намекал у костра, что здесь ценностей куда больше, чем видно на поверхности. Этот Брюс Барков тут большая шишка, но если приглядется, то кое-что не сходится.

— Может быть, — предложил Рейф, — поедешь со мной? Пусть Текс и Марш управляют со скотом.

Карадек повернул лошадь к Пайнтед-Року. Он проникся симпатией к маленькому скотоводу почти сразу же, а потом и зауважал его на борту «Мэри С». За недели, прошедшие после бегства с судна, Рейф столько времени посвятил обдумыванию проблемы ранчо Родни, что она стала как бы его собственной.

Сейчас наихудшие опасения Родни, казалось, подтвердились. Семья, очевидно, покинула ранчо, и им завладел Дэн Шют. Оставалось узнать, су-

ществовала ли какая-либо связь между Шютом и Барковым, но Карадек знал, что болтовня у походной кухни частенько имеет под собой основания, а ковбои зачастую видят людей лучше, чем те, кто судит о них по показному поведению в городе.

По дороге в Пайнтэд-Рок Рейф с любопытством изучал окрестности и слушал Джони Джилла. Маленький техасец проработал здесь два сезона и знал этот край лучше многих.

Пайнтэд-Рок оказался обычным ковбойским городом. Двойной ряд обветренных, украшенных декоративными фасадами каменных и бревенчатых домов, большая часть которых никогда не знала краски; двухэтажный отель и приземистое каменное здание с вывеской «Пайнтэд-Рокский Банк». На улице стояли две тележки и фургон на рессорах, а у коновязи привязано с дюжину верховых лошадей. Их владельцы, судя по всему, расположились в салуне «Националь».

Джилл подъехал к коновязи, слез на землю и через седло посмотрел на Карадека.

— Здоровый детина, что нас рассматривает — тот самый рыжий, который не по вкусу Бо, — негромко сказал он.

Рейф не оглядывался назад до тех пор, пока не привязал лошадь скользящим узлом. Затем поправил револьверы на обоих бедрах — он носил два револьвера с рукоятками из орехового дерева. На нем была куртка из оленьей кожи, джинсы и ботинки со шнуровкой. Вслед за Джиллом он протиснулся через двери в сумрачную прохладу «Националя».

...Двое выпивали у стойки; еще несколько сидело за расставленными там и сям столами.

— Виски, — потребовал Джилл и тихо добавил: — Тот крупный, с черными усами, что играет в покер — Брюс Барков. Рядом с ним, похожий на мексиканца, — Джи Бонаро, телохранитель Дэна Шюта.

Рейф кивнул, поднял стакан и усмехнулся.

— За Чарлза Родни! — проговорил он отчетливо.

Барков вздрогнул и поднял глаза. Он чуть-чуть побледнел. Джи Бонаро медленно повернул голову — точь-в-точь ящерица, следящая за мухой. Джилл с Рейфом выпили, не обращая внимания на пристальные взгляды.

— Парень, — сказал Джилл, и в глазах его запрыгали чертики, — ты не теряешь времени, верно?

Рейф повернулся.

— Кстати, Барков, — произнес он, — где я могу найти миссис Родни и ее дочь?

Брюс Барков положил карты.

— Если у вас к ним какое-то дело, — спокойно проговорил он, — я им передам.

— Спасибо, — ответил Рейф, — но дело у меня личное.

— В таком случае, — сказал Барков, и глаза его потемнели, — я вас огорчу. Миссис Родни умерла. Умерла три месяца назад.

Губы Рейфа сжались.

— А ее дочь?

— Энн Родни, — осторожно проговорил Барков, — здесь в городе. Вскоре она станет моей женой. Если у вас к ней какое-то дело...

— То я буду вести его с ней, — резко ответил Рейф. Внезапно повернувшись, он покинул бар. Джилл последовал за ним. Маленький ковбой усмехнулся; на его жестком лице обнаружились вдруг морщины, вступавшие в явное противоречие с тридцатилетним возрастом.

— Однако, босс, вы их зацепили. — Он кивнул на здание через улицу. — Давайте-ка попытаем счастья в магазине. Родни делал там все покупки, а хозяин, Джин Бейкер, считался его другом.

Магазин пропах кожей, галантереей — и всеми разнообразными и возбуждающими ароматами, сопутствующими торговле. Обогнув кипу джинсов, Рейф подошел к длинному прилавку, позади которого на полках можно было найти все что угодно — от перца до винтовочных патронов.

— Где я могу найти Энн Родни? — поинтересовался он.

Седовласый хозяин бросил на него быстрый взгляд. Затем кивнул направо. Рейф повернулся и обнаружил, что смотрит в большие, нежные, темные глаза стройной девушки в ситцевом платье. Губы тонко очерчены, темные волосы свободным узлом собраны на затылке. Она была так красива, что у Карадека перехватило дыхание.

Девушка улыбалась; в глазах ее читался вопрос.

— Энн Родни — это я. Что вам угодно?

— Меня зовут Рейф Карадек, — мягко сказал он. — Меня послал ваш отец.

Лицо ее побелело так, что побелели даже губы. Девушка отступила, опустив руку на прилавок, словно искала опоры.

— Вы пришли... от моего отца? Но ведь...

Брюс Барков, который, оказывается, следовал за ним, встал перед Рейфом с побагровевшим от гнева лицом.

— Вы ее до смерти напугали, — рявкнул он. — Чего вы добиваетесь, явившись сюда со своей выдумкой? Чарлз Родни умер почти год назад! Его убили из-за денег, которые были при нем. Уж не причастны ли вы к этому?

Внезапно Рейф осознал, что на него пристально и озадаченно смотрит Джилл. Карадек понимал, что Джилл знает его недостаточно и потому вполне может заподозрить в дурных намерениях. Джин Бейкер также холодно изучал его; в глазах торговца явно проступало подозрение. Смотрела на него и Энн Родни — совершенно ошеломленная.

— Нет, — хладнокровно ответил Рейф. — Я не убивал его, но мне было бы интересно знать, что заставляет вас считать его мертвым?

— Считать мертвым? — Барков грубо рассмеялся. — Я был с ним, когда он умирал! Мы его нашли возле тропы с пулями в теле. Я принес сюда его вещи и отдал миссис Родни.

— Мисс Родни, — начал Рейф, — смогу ли я поговорить с вами наедине?

— Нет, — прошептала она. — Я не хочу разговаривать с вами. Прийти ко мне с выдумкой! Чего вы от меня хотите?

— Вас почему-то ввели в заблуждение, — сказал Рейф. — Ваш отец умер не больше двух месяцев назад.

— Убирайся отсюда! — приказал Барков, положив руку на револьвер. — Не знаю, какие у тебя планы, но если хочешь себе добра, выметайся из этого города как можно скорее.

Энн Родни резко повернулась и выбежала из магазина через внутреннюю дверь, ведущую в квартиру хозяина.

— Вам действительно лучше убраться, мистер, — грубо сказал Джин Бейкер. — Мы знаем, как умер Родни. Три человека были при этом.

Рейф Карадек повернулся и вышел наружу. Он знал, что Джилл последует за ним.

— Босс, — сказал Джилл, — я не трус, но обирать юную леди, — нет, это не по мне. Вам лучше сесть в седло и уехать.

— Не торопись с выводами, Джилл, — посоветовал Рейф. — Советую поговорить с Тексом. Он был с нами и знает все о смерти Родни не хуже меня. Если они принесли сюда его вещи, значит, за этим кроется куда больше, чем мы предполагали.

Джилл топнул ногой по доске тротуара.

— Текс был с вами? Черт побери, парень! Это меняет дело.

— Прежде чем разобраться во всем, нам предстоит провести настоящие раскопки, Джонни! — прибавил Рейф. — Я тебе не рассказывал, что Барков держал закладную на ранчо Родни и что Родни расплатился по ней, а затем не вернулся домой.

Джилл взглянул на Рейфа, губы его сжались.

— Тогда я скажу, что этот Барков — подлый хорек. Давайте его повяжем!

— Еще рано, Джонни. Пока рано.

Таких осложнений Рейф не предвидел. Расскажи он о подлинных обстоятельствах смерти Родни, ему пришлось бы представить доказательства. Но в таком случае он мог быть арестован за бунт на корабле, а это пахло виселицей. От его молчания зависела не только собственная жизнь, но жизни Бриско, Пенна и Муллени.

И все же выход должен был найтись.

3

Яркие солнечные лучи словно высвечивали что-то в сознании Карадека; он начал кое-что понимать и то, что понял, удивило его. Если какие-то вещи Родни возвращены в Пайнтед-Рок, значит те, кто возвращал их, были осведомлены об обстоятельствах его похищения. Как иначе они могли заполучить его имущество?

Булли Борджер зашанхайл себе экипаж с помощью погребка на Гонконг-Бол. Таким образом избавлялись от людей отнюдь не впервые, и понятной становилась злоба, с какой Борджер избивал Родни. Без сомнения, все это было частью

плана, направленного на то, чтобы Родни никогда не вернулся в Америку. Однако быть убежденным и суметь доказать — совсем не одно и то же. Земли на Западе много. Почему же тогда, спросят люди, Барков пустился на такие ухищрения, чтобы приобрести именно этот участок, когда рядом пустуют незанятые земли?

На имевшейся у Рейфа квитанции стояла подпись Баркова, но она могла быть объявлена поддельной. Прежде всего, следовало найти мотив преступления кроме стоимости двух акров и денег, выплаченных по закладной. Конечно, людей не раз убивали и за меньшее, однако Брюс Барков не был человеком, который играет по мелочи.

Карадек закурил и посмотрел вдоль улицы. Он должен учесть и другое. Барков предупрежден. На что бы он ни ставил, включая девушку, его планы будут в опасности до тех пор, пока Рейф жив или не покинул страну. Это обстоятельство выступило четко и рельефно. Барков теперь знал, что ему необходимо убить Рейфа Карадека.

Рейф отдавал себе полный отчет в ситуации. Его жизнь протекала среди людей, безжалостно игравших по самым высоким ставкам. Для него не было потрясением, что люди могут совершить не то что одно, хоть дюжину убийств, если это помогает достичь желаемого. И он знал, что отныне должен быть всегда начеку.

Отправив Джилла купить пару вьючных лошадей, Рейф повернулся и вошел в магазин. Барков ушел, а Энн Родни все еще не было видно. Бейкер посмотрел на него без малейшего намека на радушие.

— Если у вас есть какое-нибудь дело, — произнес он, — изложите его и уходите. Чарльз Родни был моим другом.

— Ему нужны были друзья поумней, — резко ответил Рейф. — Я пришел сюда купить припасы, но если угодно — можете задавать вопросы. Например, где доказательства того, что Родни был убит год назад? Несколько вещей, которые могли быть украдены? И можно ли верить тем троим, что засвидетельствовали его смерть? Если Родни поехал в Сан-Франциско за деньгами, как оказались у него на пути Барков и другие?

— Это ни к селу, ни к городу, — грубо отозвался Бейкер. — Что вам нужно? Говорите — я не откажу ни одному человеку в провизии.

Карадек хладнокровно заказал все, в чем нуждался, понимая, что Бейкер его изучает. Торговец казался озабоченным.

— Где вы живете? — внезапно спросил Бейкер; враждебности в его голосе, казалось, поубавилось.

— В хижине Родни близ каньона Безумной Женщины, — ответил Карадек. — Я останусь там до тех пор, пока не выяснится вся правда. Если Энн Родни благоразумна, то не выйдет замуж, теряя тем самым права на собственность.

— Шют не позволит вам там оставаться.

— Я останусь. — Рейф положил в карман коробку патронов. — Я буду именно там. А когда вы закончите задавать вопросы себе, поинтересуйтесь у Баркова, у кого находится неоплаченная,

по его словам, закладная, позволившая Дэну Шютю занять ранчо.

— Он не хотел доставлять Энн неприятностей, — защищаясь, сказал Бейкер.

— В этом отношении он прямо-таки щепетилен. Он не лишит ее права пользования. Даст ей шанс заплатить.

— Раз он собирается жениться на Энн, зачем же лишать ее права пользования?

Рейф отвернулся от прилавка.

— Если Энн Родни захочет увидеть меня, я ей все расскажу. В любое время. Я обещал ее отцу позаботиться о ней — и позабочусь, нравится ей это или нет! И вот еще что, — прибавил он, — всякий, кто утверждает, будто разговаривал с Родни, когда тот умирал, лжет!

Входная дверь распахнулась. Обернувшись, Карадек увидел смуглого, похожего на мексиканца человека, на которого в «Национале» обратил его внимание Джилл. Звали его Джи Бонаро.

Улыбаясь и показывая ровные белые зубы под узкой полоской усов, Бонаро подошел к Рейфу.

— Не повторите ли вы этого мне, синьор? — любезно поинтересовался он, засунув большие пальцы за ремень.

— Почему бы и нет? — резко отозвался Рейф. Не скрывая презрения, он осмотрел вошедшего с головы до ног. — Если ты один из тех, кто утверждает это, то ты лжец. А если дотронешься до револьвера, я убью тебя.

Пальцы Джи Бонаро замерли над рукояткой револьвера; он пребывал в нерешительности; происшедшее неприятно удивило его. Этот атлетически сложенный незнакомец не испугался. Его зеленые глаза лучились таким холодом, что Бонаро стало подташнивать. С тревогой он осознал, что стоит на краю гибели.

— Ты один из них? — спросил Рейф.

— Да, сеньор, — Бонаро кончиком языка провёл по губам.

— И где же, предполагается, это произошло?

— Там, где он умер. На тропе, близ вершины Пайлот.

— Ты трусливый лжец, Бонаро. Тебя обманули ради чьей-то выгоды. На твоём бы месте я дал бы задний ход и осмотрел весь путь еще раз. — Взгляд Рейфа продолжал удерживать Бонаро. — Ты говоришь, что видел его. Как он был одет?

— Одет? — Бонаро смехался. Об этом никто его не спрашивал. Он не знал, что ответить. А вдруг кто-нибудь ответит на этот вопрос иначе? Он растерялся. — Я не знаю... Я...

Он посмотрел на Бейкера и Карадека и сделал шаг назад; глаза были как у загнанного животного. Этот глядящий в упор рослый человек каким-то образом лишил его уверенности в себе, уравновешенности. А ведь Бонаро пришел сюда, чтобы убить приезжего.

— Бонаро, Родни разговаривал со мной несколько недель назад, — спокойно проговорил Рейф. — Ты замешан в хладнокровном убийстве, Бонаро. А теперь — кругом и вон отсюда! Убейся! И быстро!

Рейф сделал шаг вперед; Бонаро попятился и, повернувшись, бросился к дверям. Рейф обернулся и взглянул на Бейкера.

— Обдумайте это, — посоветовал он. — Поверите ли вы слову такого койота о честном человеке? Кто-то пытается ограбить мисс Родни, а вы, поверив неправдоподобной истории, тому способствуете.

Джин Бейкер замер столбом, положив руку на прилавок. Он никогда бы не поверил тому, чему только что был свидетелем. Со времени появления в Пайнтэд-Рок Бонаро убил двоих, а этот незнакомец осадил его, не подняв руки и не прикоснувшись к револьверу. Бейкер задумчиво потер ухо.

Джонни Джилл встретил Рейфа перед магазином, держа на поводу двух вьючных лошадей. Единственный беглый взгляд сказал Карадеку, что маленький ковбой сделал удачную покупку. Джилл вопросительно взглянул на Рейфа.

— Я что-нибудь упустил? Я видел, как этот шютос наемник выскочил из магазина, словно за ним гнался черт. У вас с ним была схватка?

— Я его вызвал, но он отступил, — сказал Рейф.

Джонни потуже затянул веревку вьюка, одновременно краешком глаза поглядывая на Карадека. Этот человек явился в город и открыто объявил, кто он и зачем здесь, причем сделал это быстрее, чем когда-либо приходилось видеть Джиллу. «Ну-ну, — ухмыльнулся Джонни лошади. — Зачем, спрашивается, возвращаться в Техас? И здесь, работая на этого парня, можно стать свидетелем изрядного шума...»

Пайнтэд-Рок насчитывал точнехонько восемьдесят девять жителей, и к заходу солнца появление Рейфа Карадека и вызов, брошенный им Джи Бонаро, обсуждался каждым из них. Обсуждение велось шепотом, но история облетела весь город. Вместе со слухом о том, что Чарлз Родни жив или недавно был жив.

К ночи Дэн Шют узнал, что Карадек поселился в доме Родни у каньона Безумной Женщины, а часом позже ворвался в помещение, где спали ковбои, и осыпал Бонаро такой отборной бранью, что тот побелел от злости.

Брюс Барков был встревожен и не скрывал этого, совещаясь с Шютотом. Несколько обнадеживали их лишь слова Карадека о том, что Родни мертв.

Джин Бейкер, сидя в кресле в своей квартире, расположенной позади магазина, чувствовал себя крайне неловко. Он знал, что молчание беспокоит жену. Заметил и то, что Энн тоже мочалива — явление необычное, поскольку, как правило, она отличалась весельем, шутками, смехом. Бейкеру никогда раньше не приходило в голову, что в истории, рассказанной Барковым, Вебером и Бонаро, может быть что-то не так. Он принял ее на веру — так много людей было убито в пути или погибло в схватках с индейцами. Случилась еще одна трагедия переселения на Запад, и он сделал то, что мог: они взяли Энн Родни в свой дом и полюбили как собственное дитя.

А теперь появился этот незнакомец. Несмотря на все свое раздражение из-за того, что эта ситуация вообще возникла; невзирая на то, что внешне Бейкер отверг доводы Карадека, — внутренне он ощущал все растущее сомнение.

Бейкера можно было упрекнуть в чем угодно, кроме несправедливости. И потому он был вынужден признать, что Бонаро совсем не тот человек, которому можно доверять. Многие даже подозревали, что он — аугло*. То, что Шют его нанял, было плохо и само по себе; но, подумав о Шюте, Бейкер снова забеспокоился. Смежные ранчо Баркова и Шюта окружали город с трех сторон. Их покупки составляли не меньше половины оборота торговца.

Выпивка ковбоев с этих ранчо поддерживала и салун «Националь». Джин Бейкер всегда считал себя хорошим гражданином, живущим по принципу «живи и жить давай другим». Но теперь он вдруг обнаружил, что обдумывает ситуацию, которая ему совсем не нравилась.

Покурявая трубку, он не без тревоги и сомнения пришел к выводу, что Пайнтэд-Рок — город Баркова и Шюта. Кандидатура Пода Гомера на пост шерифа была выдвинута на заседании муниципального совета Барковым; Джо Бенсон, владелец «Националя», поддержал ее, а Дэн Шют спокойно предложил закончить на этом прения.

Джину Бейкеру Гомер никогда не нравился, но тот хорошо владел револьвером и, разумеется, был не робкого десятка. Бейкер проголосовал как все; как Пат Хигли, как другой полноправный избиратель. Таким же манером Бенсона избрали мэром, а Роя Гаргана — судьей.

То, что город фактически находится в руках Баркова и Шюта, поначалу вызывало нарекания и жалобы мелких землевладельцев; однако за жалобами никакого действия не последовало — главным образом потому, что Стью Мартин, возмущавшийся громче всех, упал с утеса, а несколькими неделями позже другой мелкий ранчоро, Ол Чейз, имел неосторожность ценой своей жизни выяснить отношения с Бонаро.

Рассматриваемая в этом свете ситуация вызвала у Бейкера беспокойство. Он зависел не только от Баркова и Шюта; их друг и партнер Бенсон осуществлял все поставки товаров в город.

Закон, таким образом, был полностью в руках местного самоуправления. Солдаты расположенного неподалеку форта федеральной армии преимущественно были заняты тем, что не спускали глаз с сию и их союзников, недовольство которых росло из-за быстро множющихся лагерей золотоискателей в Баннаке и на Ольховом Ручье, из-за прихода в Черные Холмы Кастера.

«Если здесь что-нибудь случится, — опасливо подумал Бейкер, — все будет улажено на месте. А это значит — все будет улажено Дэном Шютом и Брюсом Барковым».

Размышляя таким образом, он вспомнил человека в замшевой куртке и черной шляпе с плоской

тульей. Была в Рейфе Карадеке некая убедительность, заставляющая усомниться в том, что кто-либо сможет с ним управиться.

4

Рейф Карадек и Джонни Джилл в молчании выехали из Пайнтэд-Рока, ведя на поводу двух вьючных лошадей. Затем они свернули на тропинку поуже, петлявшую между громадными валунами. Джилл чуть повернул голову.

— Было бы неплохо уйти в холмы, босс, — сказал он беззаботно.

Карадек бросил на маленького ковбоя быстрый взгляд.

— Хорошо. Веди, если хочешь.

Джонни ехал настороже, с винтовкой поперек седла. «Неплохая идея», — решил Рейф. Он мотнул головой в сторону Пайнтэд-Рока.

— Что, ты думаешь, предпримет Барков?

— Трудно сказать, — пожал плечами Джилл. — А вот Дэн Шют знает, что делать. Если вы в самом деле знаете всю правду, он начнет охотиться за вами. Кстати, как, по-вашему, все это было?

— Джилл, по-моему, ты из тех, с кем можно переправляться чрез любую реку. Я расскажу тебе все, но если ты когда-нибудь проболтаешься, то повесишь четырех хороших людей.

Короткими и точными словами Рейф описал историю похищения Родни и его самого, все происшедшее на борту «Мэри С.» — вплоть до смерти Родни и ночного бегства.

— Видишь? — заключил он. — С их точки зрения все прошло без осечки. Родни отправлен в море и никогда не вернется. Кроме Баркова, никому не известно, что деньги по закладной выплачены.

Джилл кивнул.

— Родни оказался крепче, чем кто-либо мог подумать, — восхищенно добавил он. — Говоришь, он не падал духом?

— Да. Похоже, им владела одна мысль — выжить, чтобы попасть домой, к жене и дочери. Если, — добавил Рейф, — жена хоть немного походила на дочь, то я его понимаю.

Ковбой усмехнулся.

— Знаешь, Джилл, — после недолгой паузы задумчиво сказал Рейф, — одного я не могу взять в толк: чего ради им понадобилось именно это ранчо?

— Вот и я удивляюсь, — согласился Джилл. — Ранчо, конечно, хорошее, если не считать того места у входа в долину, где образуется что-то вроде купола, и Безумная Женщина его огибают... Там ничего почти не растет. А в остальном — хорошее ранчо.

Продолжение следует

Иллюстрация Наталии ЕРМОЛАЕВОЙ

* Аугло — человек, объявленный вне закона.

Григорий ПРЕКИН

ЕЕ ГЛАЗА — КАК ДВА ТУМАНА...

Сейчас мало что напоминает об усадьбе Струйских в Рузаевке. От дворца не осталось камня на камне. Лишь кое-где по огородам падаются в землю старинные кирпичи да растет у обмелевшего пруда сирень. А во второй половине восемнадцатого века на пустынном месте неподалеку от узловой железнодорожной станции Рузаевка на отлогом берегу реки Инсары величаво возвышался каменный дом-дворец, возведенный по рисункам знаменитого архитектора Растрелли. От большой проезжей дороги вели ко дворцу дубовая аллея. Литой решетчатый забор окаймлял широкий двор, шумел прохладный столетний сад.

В саду были глубокие проточные пруды и замысловатый кустарниковый лабиринт. Сквозь густые заросли сирени виднелось парадное белокаменное крыльцо. Пор его широким ступеням можно было взойти в просторный зал, где стояла мебель красного дерева с бронзовой отделкой на ножках и подлокотниках кресел, обитых малиновым штофом. Висели портреты в золоченых рамах. Это обитатели дворца — Александра Петровна и Николай Еремеевич Струйские.

Поэт Николай Заболоцкий, увидев портреты в Третьяковской галерее, вдохновился и воспел Александру Петровну:

*Ты помнишь, как из тьмы
былого,
Едва закутана в атлас
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?*

*Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.*

*Соединенье двух загадок
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных
мук...*

Николай Еремеевич Струйский (1748–1796) тоже был стихотворец, любил поэзию, и казалось, жил только чтобы наслаждаться ею. Воспоминания о нем оставил его современник, собрат по перу пензенский вице-губернатор князь И.М.Долгоруков.

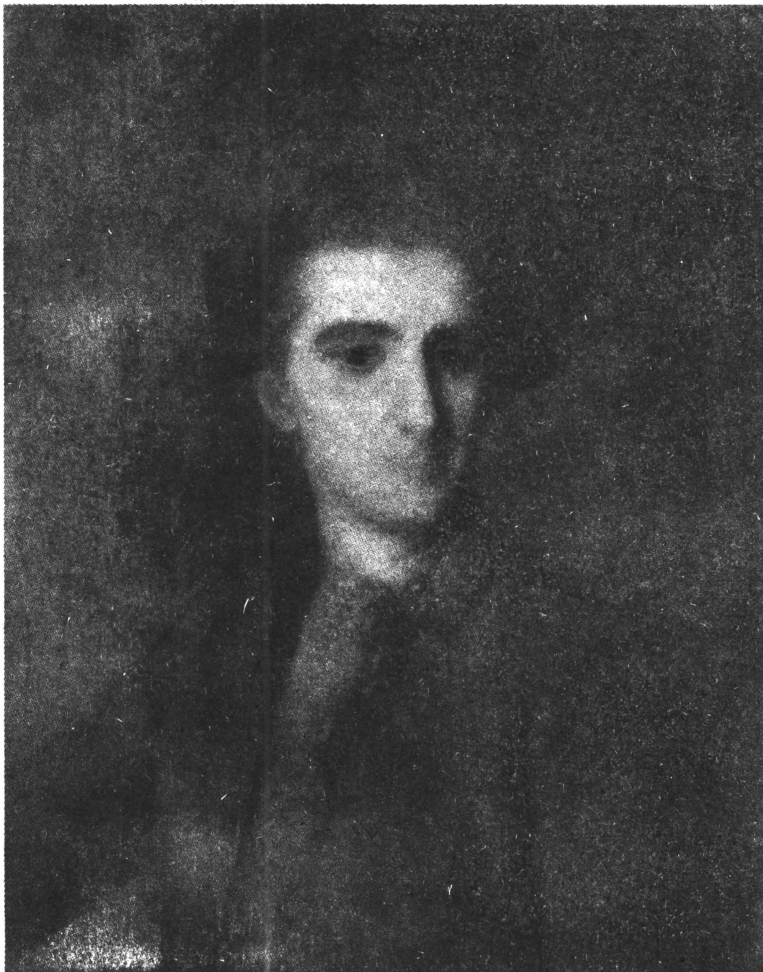
«Дом его в деревне, — писал он, — был высок и огромен; в нем на самом верху он отвел себе кабинет и назвал его Парнасом. Там он предавался своим вдохновениям пиитическим. Он имел у себя собственную свою вольную типографию и в ней отпечатывал все свои сочинения. Тиснение его доведено

было до наилучшего в то время в России искусства. Он подносил императрице разные свои труды, и она изволила красотой издания хвастать даже перед чужестранными посланниками, дабы они видели, что и за 1000 верст от столицы, в глуши, под скипетром ее процветают искусства и художества, а ему неоднократно, для вящего одобрения, посылавала перстни бриллиантовые в подарок.»

Поэт издавал свои книги не для продажи и в таком количестве, что уже в начале прошлого века рузаевские издания расценивались библиофилами «как редкость, которую нельзя купить».

В отделе краеведческой и национальной литературы Мордовской республиканской библиотеки имени А.С.Пушкина я обратил внимание на тоненькую книжечку, с обложки ко-

торой смотрел на меня мужчина в старинном камзоле с белым жабо. Вся его фигура, бледное лицо, окаймленное темными завитками, густые брови, губы, застывшие в трепетной улыбке, выдавали человека необыкновенного. На титульном листе прочитал: «Николай Струйский. Еротоиды. Анакреонтические оды». Эта новинка в 1991 году выпущена в издательстве «Прометей» Московского государственного педагогического института Ассоциацией «Неизвестная Россия».

К сожалению, русский поэт Н.Е.Струйский не упоминается в современных пособиях по истории отечественной литературы. Его имя оказалось преданным забвению еще в прошлом веке. Перед нами — совершенно забытый памятник русской любовной лирики. Как пи-

шет составитель Александр Морозов в предисловии к книге, «Еротоиды» представляют собой объяснение поэта в любви к той, которая в стихах его звалась Сапфирой, а в жизни подарила восемнадцать сыновей и дочерей, из коих четверо были близнецами и десять умерли в младенчестве.

г.Саранск

Надежда ТАГИЛЬЦЕВА

БИРЮКОВСКОЕ ХРАНИЛИЩЕ

Зимой 1924 года в Москве собралась вторая всесоюзная краеведческая конференция. Участвовало в ней немало знаменитостей:

непременный секретарь Академии наук и председатель Центрального бюро краеведения академик С.Ф.Ольденбург, геохимик и минералог тоже академик А.Е.Ферсман, географ В.П.Семенов-Тянь-Шанский, востоковед и лингвист Н.Я.Март, литературовед Н.К.Пиксанов...

Но больше всего аплодисментов выпало на долю доклада с неброским названием «Работа краеведческого музея в масштабе уезда». С ним выступил житель небольшого зауральского городка Шадринска Владимир Бирюков. Конференция тогда постановила: «Считать работу Шадринского научного хранилища образцовой во многих отношениях для провинциальных музеев».

В городке Шадринске обитало тогда около 17 тысяч человек. А краеведческий музей стал известен всей стране. И это благодаря фанатичной преданности делу изучения родного края Владимира Павловича Бирюкова.

Он родился и вырос в многодетной семье священника, служившего в церкви небольшого села Першинского в Шадринском уезде, что раскинулось по берегам тихой речки Течи. В семь лет он начал собирать свою первую коллекцию — нумизматическую. Затем последовали марки, минералы, предметы старины.

В Перми, где он учился в духовной семинарии, Бирюков увидел первый музей. Он был в то время одним из лучших на Урале. И юноша возмечтал создать краеведческое общество и музей в родном Зауралье. Мечта начала осуществляться в 1910 году, когда Владимир Павлович, отказавшись от духовной карьеры, учился в ветеринарном институте в Казани. Годы студенчества были тяжелыми. Отец, служивший псаломщиком, получал 47 рублей 4 копейки в год и содержал на это скромное жалованье большую семью. Приходилось студенту подрабатывать даже официантом.

Приезжая летом на каникулы в родное Першинское, он увлекся палеонтологическими раскопками.

Находки хранил под крышей сарая в отцовском дворе. Соседи окрестили его коллекцию «падьинником», т.е. скотским могильником. Но именно из этих находок Владимир Павлович и оформил свою первую выставку в сарае, где летом хранились сани, телеги и дрожки.

Теперь понадобилось постоянное помещение. Бирюкова прельщал пустовавший дом в ограде местной церкви, который называли «южная келья». Настоятель оказался человеком сговорчивым и уступил «келью» под музей. Белить стены, отмывать стекла и перетаскивать экспонаты помогали братья.

Тогда не каждый даже губернский город России мог похвалиться музеем. И вдруг — в селе, в нескольких шагах от входа в храм.

Бирюков открывал музей в воскресенье, в часы обедни. Прихожане по пути в церковь заходили к нему. В глаза сразу бросались кости «допотопных» животных. «Иная старуха, увидев двери открытыми, заглянет было в музей, а затем шарахнется при виде костей маконта или черепа человека, закрепит: с нами крестная сила! — и удирать», — вспоминал Владимир Павлович.

А молодежь шла в музей охотно, многие — не по разу. Бирюков мечтал уже о большем — о музейном комплексе, куда вошла бы сельскохозяйственная школа, библиотека, Першинское сельхозобщество, опытное поле, прокатный пункт машин и орудий. В мыслях выделся научно-производственный центр, своего рода «сельская академия». «Я не знаю, что заставило меня еще с отроческих лет смотреть на себя как на должника трудового народа. Я не мыслю личной жизни, если она не направляема в конечном итоге на благо и прежде всего просвещение родного трудового народа».

Помешала первая мировая война. Но Бирюков не успокоился. Воспользовавшись длительным отпуском по ранению, он в сентябре 1917 года переводит свой музей из Першинского в Шадринск и открывает

его там под названием Шадринского научного хранилища, хотя некоторые «отцы города» считали несвоевременным раскошелиться «на собирание камушков и прочий плюшкинский хлам».

Почти ежедневно Бирюков публикует заметки в шадринской газете, информируя общественность о ходе создания музея. Он уверяет жителей, что их труды не пропадут даром, музей «будет содержаться так чисто и опрятно, как церковный алтарь».

Хлопоты осложнялись революционными событиями: разрухой, ростом цен, ослаблением местной власти. С трудом находились извозчики для перевозки экспонатов даже за большую плату. Возникли сложности с выделенным для музея помещением, занятым воинской частью. И все же 27 декабря 1917 года (по старому стилю) в помещении городской думы состоялось открытие Шадринского научного хранилища.

В 1920 году Бирюкова избрали сотрудником только что организованного Уральского университета. К его учреждениям было отнесено и Шадринское научное хранилище. А с 1922 года Шадринское хранилище включено в сеть музеев общегосударственного значения с непосредственным подчинением Главнауке, на что могли претендовать лишь старые музеи с богатыми коллекциями, обширной исследовательской работой.

Посещение Шадринского научного хранилища было бесплатным. Число желающих побывать в музее росло с каждым годом и к концу 20-х годов достигло примерно 90 тысяч человек ежегодно.

Работой хранилища интересовался академик А.Е.Ферман, специально побывавший в Шадринске. Гостями музея были директор Эрмитажа академик И.А.Орбели, ректор Уральского университета Б.В.Дидковский. В 1922 году хранилище посетила дирекция французской миссии Красного Креста.

Несмотря на успехи хранилища и всеобщее признание, местные власти равнодушно отно-

сились к нуждам музея и его основателя. Бирюков более десяти лет ютился в полутемной и полусырой квартире, от чего сильно страдали его больные легкие. Заработок краеведа, трудившегося по 12–14 часов в день, поначалу составлял всего 27 рублей. Владимир Павлович полшута говорил, что штiblеты носит с 1912 года, а во время командировок в Москву и Ленинград обедает запасами домашних сухарей.

Был, как водилось, арест. В сталинских застенках погиб его единственный горячо любимый сын Иринарх, студент университета.

В 1931 году Бирюков переезжает из Шадринска в Свердловск и становится секретарем Уральского областного бюро краеведения. Что заставило его покинуть созданный им уникальный музей? Вероятно, решающую роль сыграла обстановка, сложившаяся в конце 20-х — начале 30-х годов в отношении к музейным кадрам. Музеи превращались из научно-культурно-просветительных учреждений в политико-просветительные, в центры пропаганды сталинской модели социализма. Старые кадры изгонялись. Обычной и будничной стала расправа с «социально-чуждыми элементами», то есть потомками дворян, духовенства и купечества. Бирюков и его жена, ближайший помощник в музейной работе, происходившие из сельского духовенства, имели все основания опасаться за свою судьбу. Уже был арестован И.А.Иванча, директор Далматовского музея-монастыря, филиала Шадринского научного хранилища.

Владимиру Павловичу предстоял еще большой жизненный путь. Он был известен как выдающийся ученый-фольклорист, написал много книг, но так больше никогда не вернулся к руководству основанным им первым комплексным музеем Урала.

г. Екатеринбург

Валентин ШУМОВ

ПОРТРЕТ ДЕРЖАВИНА

Совершавший инспекционную поездку в Сибирь и на Сахалин начальник Главного тюремного управления М.Н.Галкин-Враской 19 августа 1881 года приехал в Иркутск и несколько дней прожил в резиденции генерал-губернатора. В дневнике записал: «В доме губернатора Анучина — большой во весь рост портрет Державина, в собольей шубе, с такой же меховой шапкой на голове, сидящего у подножия скалы, в виду Иркутска и блестящих вод Ангары — занимает одну из стен столовой. Переданная мне история этого портрета та, что Державин, получив от сибиряков в дар соболью шубу и шапку (по какому поводу — неизвестно), прислал этот портрет, украшающий теперь помещение генерал-губернаторского дома».

Речь шла об известном портрете великого русского поэта Гавриила Романовича Державина. История портрета малоизвестна и занимательна. Писал его знаменитый исторический и портретный живописец Сальватор Тончи, итальянец, с 1800 года живший в Москве. Его там звали Николаем Ивановичем. Он служил инспектором в дворцовом архитектурном училище. Были известны выполненные им портреты героя Отечественной войны 1812 года Багратиона, графа Ф.Н.Ростопчина, князя Цицианова.

Тончи был женат на старшей дочери князя И.С.Гагарина и принят в великосветском обществе. Степан Жихарев, в то время молодой литератор, так описывал свою первую встречу с художником: «У князя Ивана Сергеевича Гагарина встретил я знаменитого живописца Тончи. Сед, как лунь. Судя по виду, ему должно быть лет около 60, но по живости разговора нельзя дать ему и сорока. Удивительный человек! Кажется, живописец, а стоит

любого профессора: все знает, все видел, всему учился».

Встреча происходила 10 марта 1806 года. Жихареву было восемнадцать, а Сальватору Тончи 50 лет. Он, по словам Жихарева, «теперь мало занимается живописью и пишет иногда портреты с родных жены своей. Портрет, написанный им со старого князя (И.С.Гагарина) — произведение образцовое. Но говорят, что этот портрет, как он ни превосходен, ничто в сравнении с портретом Державина, писанном в Петербурге. Тончи ни за что не хотел представить поэта в парике, а Державин не соглашался писать себя плешивым. И потому художник придумал надеть на него русскую соболью шапку. Сказывают, что это верх совершенства».

Портрет создавался за пять лет до того, в 1801 году. Под ним Тончи вписал латинское двустишие, им же сочиненное: «Правосудие изображено в виде скалы, пророческий дух — в румянном восходе, а сердце и честность — в белизне снега».

Прошло немного времени, и Степан Жихарев был ласково принят в доме самого Державина, когда-то дружившего с его дедом, и увидел портрет, который вызвал его восхищение.

Нравился портрет и самому Гавриилу Романовичу. В стихотворении «Тончию» Державин поведал об истории создания портрета. В объяснении к стихотворению писал: «Одни советовали написать автора в мундире и во всех орденах, какие он имел. А другие полагали представить его в древнем вкусе без всяких украшений. Живописец просил разрешить сии два мнения одним, какое автору принять будет угодно».

Державин отверг оба совета, не пожелал позировать ни в мундире сановника, ни в древнеримской тоге.

..Тога ль, иль мундир кургузый
Сделали, что он велик?

Нет, он «природой произведен в поэты, и на пути службы, испытывая многие препятствия, неприятности и нужду, одним характером, без вся-

кого постороннего покровительства, преодолевал их».

Таким он и просил запечатлеть себя. При жизни Державина портрет висел в его петербургском доме, а затем находился у его племянницы Н.Н.Львовой.

Трудно сказать, как он очутился в Сибири. Возможно, это была копия портрета. Вот что сообщал известный сибирский просветитель Иван Владимирович Ефимов в 1885 году в журнале «Русский архив». По его словам, «городской голова Иркутска Ксенофонт Михайлович Сибиряков, человек малообразованный, но очень умный, любил стихи Державина. Бывая в Петербурге, привез лично (а может быть, передал с кем-либо) поэту в подарок соболью шубу и шапку, в которых тот и изображен на портрете. Портретом этим одарил Гавриил Романович К.М.Сибирякова за шубу и шапку, уверял Ефимов, видевший этот портрет в доме Сибирякова».

Как мы уже знаем, в те же годы портрет Державина видел Галкин-Враской в генерал-губернаторской резиденции. Конечно, он вполне мог перейти от Сибирякова к могущественному сановнику. Известно, что портрет был гравирован Ф.Иорданом и публиковался в книгах Державина.

г. Каменск Ростовской обл.

Стефан ЗАХАРОВ

АХ, «КАРТОШКА»!

Поэт Александр Жаров написал много текстов для песен. Наиболее популярные из них: «Взвейтесь ко-страми, синие ночи!», «Ходили мы походами», «Где ты утро, утро раннее?»..

Как-то Александр Алексеевич рассказывал:

— К песенным делам я не прикасался до 1921 года, если не считать частушечных виршей. И еще прикоснулся раз к чужой пес-

не, к известной еще до революции «Картошке».

Не знаю, кто ее автор, его не обнаружили. И попросили меня переделать хотя бы одну строчку, чтобы «Картошка» могла звучать, как советская песня. Тут я с задачей справился, написал:

*Эх, картошка, — объедение,
Пионеров идеал!*

Однако, вспоминая о песне, поэт ошибся — автор у нее был, и довольно известный.

..В начале 60-х годов прошлого века в России выходил журнал «Вокруг света». Сначала это было издание сельскохозяйственной тематики. А в 1891 году право на журнал, который уже именовался «еженедельным журналом путешествий, науки, литературы и искусства», купил Иван Дмитриевич Сытин. С того времени тираж журнала, переориентированного на юного читателя, начал быстро расти. Это стало особенно заметно, когда редактировать его Сытин пригласил Владимир Алексеевича Попова.

В самом конце XIX века в Англии возникла внешкольная организация скаутов (разведчиков). Она объединяла молодежь от восьми до семнадцати лет. Мальчики назывались бойскаутами, а девочке — герлскаутами. Вскоре это движение распространилось и в других странах.

У нас скаутские отряды были особенно популярны в годы первой мировой войны. Лев Кассиль в своей повести «Конduit И Швамбрания» рассказывает, как после февральской революции в Покровской гимназии, где он тогда учился, возникла скаутская организация:

«В ближайшее воскресенье в соседней школе состоялось первое собрание бойскаутов. К моему удивлению, пришло много гимназистов из других классов и даже несколько старшеклассников. Мы заседали совсем как взрослые. Говорили речи, вели протокол. Было создано два отряда..

Был принят устав: не пить, не курить, не врать, не ругаться, быть вежливым, делать добрые дела,

всегда улыбаться, начальникам отдавать на улице честь, приложив к фуражке три сложенных пальца. Три пальца означали три основные заповеди скаута: скаут верен богу, своему слову, своему народу..»

Вот тогда-то Владимир Алексеевич Попов, как редактор юношеского журнала, и сочинил для скаутов, выезжающих летом в лагеря, песню. Причем он был не только автором текста, но и музыки. Песню запели не только скауты. Очень скоро она пошла «гулять» по стране. Писатель НЛовцов вспоминал:

«Я впервые услышал эту песенку на Дальнем Востоке в 1922 году, за Хабаровском, в глухой тайге. Были последние дни гражданской войны. «Картошку» пели красные партизаны — таежные охотники, амурские рыболовы. Пели протяжнее, чем поют нынешние пионеры, но проникновенно, как говорят, «со слезой», задумчиво глядя в синь таежных зарослей».

И все-таки песня, посвященная картошке, стала прежде всего пионерской. Когда в мае 1922 года возникла пионерская организация, сборы проводили в Сокольниках. Каждый приходил со своей картошкой. Ее пекли на кострах и при этом пели песню, сочиненную В.А.Поповым.

В Екатеринбурге первый пионерский отряд был создан в начале 1923 года при Коммунистическом клубе. Находился клуб в том здании на улице Карла Либкнехта, где теперь размещается театральный институт. А недалеко от Екатеринбурга, на склоне горы Светлой, около Верх-Исетского пруда, возник пионерский лагерь — школа для подготовки вожатых.

По вечерам пионеры собирались у большого костра, устраивали самодельные концерты, которые всегда начинались и заканчивались «Картошкой».

Песня впервые была опубликована в сборнике в 1924 году. Через год сборник переиздали. Фамилия автора, правда, не указывалась.

Затем несколько раз песня печаталась с обозначением: «слова В.Попова». Но то, что он и автор

мелодии, не упоминалось. А где-то мне приходилось читать, что автор музыки — композитор М.Иорданский. Однако, он лишь аранжировал музыку Попова. И сделал это гораздо позднее.

«Вокруг света» после революции выходить перестал. Но в 1927 году издательство «Земля и фабрика» журнал возобновило и еще стало издавать новый журнал «Всемирный следопыт». Редактором того и другого был Владимир Алексеевич Попов. Он же, кстати сказать, редактировал и журнал «Уральский следопыт», который выходил в Свердловске в 1935 году и был предшественником нынешнего «Уральского следопыта».

Когда НЛовцов поведал Попову о слышанной под Хабаровском «Картошке», Владимир Алексеевич удивился:

— Не ожидал я, что так долго будет жить моя маленькая песенка. Впрочем, что ж! Она — не столько о картошке, сколько о дружбе, о товариществе.

В 30-х годах «Картошку» записывали на грампластинки, звучала она и в кинофильмах. Россияне старшего и среднего поколений ее, конечно же, хорошо знают. А для тех, кто не слышал знаменитую «Картошку», привожу ее текст.

*Ну, споете-ка ребята,
Жили в лагере мы как,
И на солнце, как котята,
Грелись этак, грелись так!
Наши бедные желудки
Были очень голодны,
И считали мы минутки
До обеденной поры.
Дым костра, углей сиянье,
Серый пепел и зола..
Дразнит наше обонянье
Дух картошки у костра.
Здравствуй, милая картошка!
Низко бьем тебе челом!
Даже дальняя дорожка
Нам с тобою нипочем!
Ах, картошка, — объеденье,
Пионеров идеал!
Тот не знает наслажденья,
Кто картошку не едал.*

г. Екатеринбург

Анатолий ТУМБАСОВ

У ИСТОКА КАМЫ

Извечная труженица Кама — голубой нерв Прикамья. Живя на берегу, плаывая и создавая пейзажи Камы, как-то не задумываешься, где и как зарождается она: в лесных ли дебрях, в овраге, болоте...

В середине семидесятых, собравшись к истоку, мы решили добираться через Верещагино и село Сепыч, а не из Удмуртии, от станции Кез — более коротким путем. Чем длиннее дорога, тем больше впечатлений. Еще издали я увидел, как разрослось, обновилось районное село Сепыч, сверкая на солнце шиферными крышами. Однако улицы «вымощены» затвердевшей глиной, которую с первым же дождем размесят совхозные машины. Но в небе пока милостиво клубились облака.

От Сепыча до Соколова и водораздела мы ехали в компании с косцами. Дальше пошли пешком и, поднимаясь в гору, где вскоре завиднелся знак удмуртских земель, невольно прибавили шаг. Удмуртия... Такие же дали и так же ниспадает жаркими лучами лето. Белые копешки облаков словно отражаются на полях и лугах — повсюду заготавливали сено. Россыпью и куртинами белели ромашки, степенно парил ястреб, изредка взвивались жаворонки. Большое село Кулига мечено водонапорной башней, правее — деревня Карпушата. В конце ее мы спустились по тропинке в прохладную гущу деревьев, под нависшие ветви старой березы над колодезным домиком. От него ступенью ниже била родниковая струя, это — исток Камы. Чувствуя волнение, сначала побеждает жажда — напиться бы! И кружка пошла по кругу. Разгоряченные, мы хватили по глотку, точно обжегшись настуженной в земле первоисточной водицы. После чего пришли в себя и наконец-то порадовались: «Мы у истока!» А он, все убыстряясь и раздвигая струистым ручейком травы, начинал реку Каму. Ее мы легко перешагивали, фотографировали, уместив в одном кадре оба берега.

Разнотравье впечатляло первозданной неизмятостью: не было заметно следов пребывания туристов. Необычность ли места порождает в душе бережное отношение, или стережет исток чья-то доброхозяйская озабоченность. Хотя старая береза в глубоких шрамах, но раны ее залатаны — дерево пыгаются сохранить. Оно ведь многие годы преклоненно сторожит источник.

Необычной красоты большая бабочка сидела на влажном песчаном берегу начинавшейся Камы. Вспугнутая нами, она порхала вокруг, и Юра Новиков, протягивая руку, готовый служить бабочке, приговаривал: «Ну, садись же, не улетай». Радужная многоцветница, будто угадывая добродетель, доверчиво садится к нему на ладонь, невесомо распахнув бархатистые крылышки.

У источника все изначальное: первая электролиния перекинулась на деревянных столбах — сравните с могучими стальными опорами, несущими тысячи вольт над просторами Камы. Первая запруда сверкнула зеркальцем — вспомните безбрежия рукотворных морей Камы, трижды перехваченной плотинами ГЭС. Первым корабликом поплыл вниз по ручью листочек.

Вначале Кама пробивается на север, а в районе Чердыни

поворачивает, направляясь на юг, — и становится судоходной, сплавной до слияния с Волгой. К родничку, бьющемуся в овражке у деревни Карпушата, приходят обыденно с ведрами за водой. А для нас, хотя исток лишь условно отмечен на карте и нет его на глобусе, он останется в памяти, и мы всегда будем чувствовать его на земле.

В нашей группе были сотрудники музея, а руководил ею историк Г.Н. Чагин, собиравший этнографический материал в Верещагинском районе. В народных письменах 17 — 18 веков, рассказывал Георгий Николаевич, эти места именовались Верхокамьем. Здесь на левом берегу стоит один из древнейших памятников архитектуры в Чердынском районе — Пятежская церковь 1617 года. Ниже по Каме — запонь, целое плато древесины Керчевского сплавного рейда — завод на воде. Издревле заселялись человеком камские берега, образуя малые и большие пристани, и новые большие города.

Редкая выдалась мне тогда удача, увидеть землю у истока Камы. Шел и ехал я велением сердца и с радостью, чтобы не застоялась, не зачерствела душа.

Виктор РУДЕНКО

ЗНАКИ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ

Здравствуйте!

Пишет вам начинающий нумизмат. Перебирая свою коллекцию, обнаружил, что на некоторых монетах есть маленькие букочки. На пфеннигах ГДР, например, стоит буква А, на пятипфенниговике ФРГ — D, на десятипфенниговике — G. На венгерских монетах достоинством в 10 филлеров выбито KB, в 20 — BP. На аргентинской в 50 сентаво имеется значок А, а на российской копейке, если я не ошибаюсь, с 1991 года появилось Л. Не могли бы вы объяснить, что это за значки?

*Андрей Вензелев,
Волгоградская область*

Буквы, о которых вы спрашиваете, Андрей, относятся к так называемым монетным знакам. В данном случае речь идет об их разновидности — обозначении места чеканки или знаке монетного двора. Известны они еще с античности. Уже на древних римских монетах встречается надпись «ROMA». Значительно позже, в 3–4 вв, когда в Римской империи деньги начинают чеканить не только в столице, на монетах появляются разнообразные эмиссионные знаки: А, AN, ANT (Антиохия), AL, ALE (Александрия), H, HT (Гераклея), RV (Равенна), K (Карфаген) и другие. Знаки эти, как правило, ставились под обрезом монеты или рядом с номиналом. На европейских монетах широкое распространение они получают с XV–XVI вв. В то время во многих государствах работала масса монетных дворов, конкурировавших между собой за право чеканки. Отвечая за качество своей продукции, они помещали ее. Как известно, в феодальном обществе широко использовались геральдические изобра-

жения — гербы городов и земель, дворянских родов и так далее. Эта практика была перенесена и на монетное дело. Многие дворы имели свой геральдический знак: «Трилистник» и «Листок» использовал в 1582–1609 и в 1613 гг. монетный двор г. Вильно (Великое княжество Литовское), «Крюк» в 1595 ставили в Познани, два скрещенных «крюка» — в Быдгоще (1614–1618), «Лисичка» являлась знаком монетного двора г. Риги (1609–1621), все — Речь Посполитая; «Голова ангела» символизировала Брюссельский монетный двор, «Крыса» — монетный двор Арраса, «Длань» — Антверпена, «Башня» — двор г. Турнэ (Нидерланды, XVII в.), целую серию геральдических знаков имели дворы Кенигсберга и Берлина (Пруссия, XVIII в.) и многие другие европейские дворы. Несколько позже установился обычай маркировать монетный двор первой буквой названия города, где он находится. На французских монетах до XVIII столетия такая буква не проставлялась, но обозначалась точкой под одной из литер круговой надписи.

В нашем отечестве знаки дворов появляются в XIV веке, когда многие самостоятельные княжества чеканили свои монеты. Место чеканки в то время обозначали не всегда. Регулярно делали это только в Новгороде и Пскове. Известны также тверские знаки. По данным барона Станислава де Шодуара, опубликованного в 1841 году книгу «Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен», обозначения выглядели следующим образом: на новгородских монетах до царствования царя Алексея Михайловича (1629–1676) ставились буквы (кириллицей) Б, НО, О, Н (Новгород); на псковских монетах того же периода

буквы ПС, С (Псков); на монетах Твери при великих князьях с 1400 года, а затем при Иване III Васильевиче (1440–1505) и Василии III Ивановиче (1479–1533) ставится буква Т, к которой снизу примыкает буква «оть» («омега», ,); на московских деньгах проставляется символ слова «Москва» — М, МО, МОСК, СКВА, МОС, КВА.

По мере централизации государственной власти монетное дело сосредоточивалось в Москве. Упомянутые дворы (в то время — мастерские частных лиц, которым чеканка давалась на откуп) сначала сделались периферийными, а затем и вовсе закрылись. Так, Новгород прекратил чеканку в 1663 году. В самой же Москве в 1553-м был открыт первый государственный монетный двор, и ко времени царствования Петра I их было уже несколько. Ввиду того, что на некоторых из них выпускалась одна и та же продукция, возникла необходимость контроля за ней. Этим и объясняется появление знаков монетных дворов в виде буквенных сокращений. Символы были следующие: НД (Набережный двор), НДД (Набережный денежный двор), НДЗ (Набережного двора завод) с 1704 года на монетах Набережного медного двора (1699–1727). На этом дворе началась чеканка круглых копеечных монет разного достоинства, пришедших на смену архаичным деньгам.

— МД (Медный двор), МДЗ (Монетного двора завод), МДД (Монетный денежный двор), М (Москва) на продукции Кадашевского (Хамовного, Замоскворецкого, Нового монетного, Монетного денежного, Адмиралтейского, Военно-морского) двора (1701–1736). На медных пятаках 1730 года этот двор ставил обозначение ММ (Московская монета). Двор чеканил золотые, серебряные, медные монеты, а также наградные медали и бородовые знаки.

— КД (Красный двор), ММД (Московский монетный двор), ММ (Московская монета) на монетах Красного (Старого или Китайского) двора у Китайгородской стены (1697–1797). Этот двор чеканил общегосударственную монету всех видов, а также специальные выпу-

ски монет для Прибалтики, Пруссии и других мест.

— БК (Большая казна) в 1704–1718 годах, на некоторых монетах Красного и Набережного дворов, подчиненных приказу Большой казны.

Определяя свои монеты, необходимо иметь в виду, что в нумизматической литературе до сих пор идут споры вокруг того, какой из московских дворов считать «новым» или «старым». Не совсем ясно, какой двор употреблял аббревиатуру БК на конкретных монетах. Поэтому в современной справочной литературе читатель может натолкнуться на разночтения.

Со строительством новой российской столицы — Санкт-Петербурга — в 1724 году там вводится в строй свой монетный двор, который к 1776-му стал единственным в стране местом чеканки золотых, серебряных и платиновых монет. Еще раньше он стал монополистом в изготовлении медалей, жетонов, знаков отличий. Здесь же чеканились медные монеты всех достоинств, монеты с двойным польско-русским обозначением номинала, нидерландские дукаты (1768–1869) и турецкие пиастры (1808–1809). На монетах можно встретить разные обозначения данного двора: СПб в 1724–1796 и 1805–1914 годах, СП в 1798 (Санкт-Петербург), СПМ с 1797 по 1801-й, СМ с 1797 по 1799-й (Санкт-Петербургская монета). Знаки двора встречаются на всех российских монетах, отчеканенных в период с 1876 по 1914 год. Начиная с 1915-го в связи с переименованием города в Петроград они были вообще устранены с монет.

На некоторых монетах 1796 года можно встретить буквы БМ (Банковская монета). Выпущены они штемпелями Санкт-Петербургского двора, предназначенными для нового аналогичного учреждения при Ассигнационном банке, но введенного в эксплуатацию с опозданием.

Кроме Москвы и С.Петербурга чеканка в XVIII–XIX вв. велась и в других городах России. Многие периферийные монетные дворы тоже имели свои обозначения:

— ЕМ в 1726–1727 и в 1762–

1876 гг. (Екатеринбургская монета) — знак Екатеринбургского двора (1725–1876). Двор выпускал четырехугольные платы, медные монеты, различные жетоны, бляхи и знаки для низших должностных лиц, угольные печатки и памятные медали. По данным О.С.Тальской, двор выпустил 482 образца монет со своим обозначением.

— АМ в 1788–1798 гг. (Аннинская монета) — аббревиатура Аннинского (Бабкинского) двора при медеплавильном заводе на реке Бабке в Пермской губернии (1788–1798). Выпускал в основном монеты 5-ти и 2-х копеечного достоинства.

— КМ (Колыванская монета), СМ (Сузунская монета) — знаки дворов, входивших в систему Колыванско-Воскресенских заводов в Томской губернии. С 1767 по 1801 гг. первый знак ставился на медных монетах Колыванского двора, а затем с 1802 по 1830 год на изделиях зависящего от Колывани Сузунского двора. С 1831 по 1847 гг. используется знак СМ. В следующем году двор сгорел и работу не возобновлял. В нумизматической литературе обычно эти дворы рассматриваются как один Сузунский монетный двор, Колыванский или Нижне-Сузунский (1763–1848). До 1781 года здесь чеканилась так называемая «сибирская монета», особенностью которой являлось изображение герба Сибири. В последующем готовилась общегосударственная монета. В отличие от общерусских, «сибирские монеты» производились из меди, получаемой после плавки серебряных руд и содержащей золото и серебро. Это учитывалось при чеканке — по весу они были значительно меньше обычных монет. По подсчетам О.С.Тальской известно 308 образцов монет сибирских заводов.

— ИЖ (Ижорская монета), КМ (Колпинская монета) — символ Ижорского (Колпинского) монетного двора в селе Колпино близ С.-Петербурга (работал с 1810 по 1821 и с 1840 по 1844 гг.). Поначалу место чеканки обозначалось КМ, но уже в 1810 году стало использоваться сокращение ИМ, во избежание совпадения с Колыванью. Двор чеканил медные монеты. В 40-е

годы он использовал символ С.-Петербургского двора.

— СМ (Сестрорецкая монета) — знак Сестрорецкого монетного двора при одноименном оружейном заводе близ С.-Петербурга (1757–1778). Использовался в 1763–1767 и 1771 гг. Двор был предназначен для переделки пушечной меди в монету для нужд армии. Чеканил, в основном, медные пятаки.

— ТМ (Таврическая монета) — аббревиатура Таврического двора в Крыму (1787–1788). Был открыт на бывшем ханском дворе в Кафе-Феодосии. До 1783-го двор чеканил медную монету последнего крымского хана Шахин Гирея. Возобновив работу, выпускал в основном пятаки и двухкопеечные монеты.

По мере того как Российская империя все больше расширялась, присоединяя все новые территории, множилось и количество монетных дворов. Власть учитывала специфику местного денежного обращения. Поэтому некоторые монеты отчеканены на национальных монетных дворах: Гельсингфоргском, Варшавском, Тифлисском. Двор в Хельсинки — Гельсингфорсе (1863–1917) не имел собственного знака, но его монеты узнаваемы — это марки и пенни, украшенные российским гербом или монограммой одного из русских императоров. Тифлисский двор (1804–1833), устроенный в помещении бывших царских бань, выпускал абазы и полуабазы с обозначением места чеканки — «Тифлис» — на грузинском языке.

А вот Варшавский монетный (1816–1864) имел собственные символы: MW (Mennica Warszawska), WM (Warszawska Mennica), BM (Варшавская монета). Двор чеканил золотые, серебряные и медные монеты для Царства Польского (в составе Российской империи) с двойным русско-польским обозначением номинала (1834–1850), он же выпустил монеты польского восстания 1831 года.

В истории российского монетного дела имеется и ряд выпусков монет с литерой S. Ею обозначался Садогурский монетный двор, располагавшийся на территории нынешней Румынии близ г. Яссы. Монетный

двор, отданный на откуп барону Садогурскому (Гартенбергу), во время войны с Турцией в 1771–1774 гг. выпускал монеты для Молдавии и Валахии с двойным румынско-русским обозначением номинала.

В разное время в России существовало несколько временных монетных дворов: в Нижнем Новгороде, Ярославле, Херсоне, в селе Поречье Смоленской губернии, в Архангельске, Полоцке, Банковский двор при Ассигнационном банке в С.-Петербурге. Временно, в период пребывания войск в Прусском королевстве, велась чеканка монет для Пруссии на Кенигсбергском дворе. Однако эти дворы своих символов не имели. Их продукция не без труда поддается определению.

Легче установить место чеканки некоторых российских монет, произведенных на иностранных дворах. По данным В.В.Узденникова, такую чеканку вели Парижский, Страсбургский (Франция), Брюссельский (Бельгия), Осацкий (Япония) и (для Финляндии) Стокгольмский (Швеция). Признаком чеканки монет в Париже — одна звездочка на гурте («ребре») монеты. Страсбургский двор ставил обозначение Петербургского двора. Однако на его монетах (20, 15 и 10 коп. 1861г.), в отличие от российских, отсутствуют другие денежные знаки — так называемые знаки минцмейстеров (денежных мастеров). По отсутствию этих знаков на части монет 1916 года достоинством в 10 и 15 коп. распознается и Осацкий монетный двор. Две перевернутые звездочки на гурте некоторых российских рублевиков 1897–1899 гг. — признак Брюссельского двора.

В советское время символы монетного двора отсутствуют на монетах вплоть до 1975 года. Монеты для обращения в это время чеканились на Петроградском, а затем на Ленинградском монетном дворе. При этом часть серебряных полтинников 1924 года была отчеканена в Лондоне, а партия пятикопеечных монет — в Бирмингеме. Следы места чеканки «зарубежных» монет присутствуют только на полтинниках, и то в гуртовых надписях Лондонские монеты имеют на них буквы TP (Томас Росс — начальник мо-

нетных переделов двора). На ленинградских стоят буквы ПЛ (Павел Латышев). Примечательно и то, что советские монеты 1942–1943, а частично и 1944 годов, отчеканены Ленинградским монетным двором в эвакуации в Краснокамске Пермской области. Кроме монет этот двор в разное время выпускал наградные и памятные медали, жетоны метро, металлические боны для угольных предприятий острова Шпицбергена.

Знак Ленинградского монетного двора ЛМД (Ленинградский монетный двор) впервые появился на золотых червонцах образца 1923 г., вновь отчеканенных в 1974 году. На таких же монетах 1978 года впервые чеканится знак ММД (Московский монетный двор). На червонцах эти знаки обозначены в гуртовых надписях. В виде монограммы ЛМД знак Ленинградского двора появляется и на реверсе юбилейного рубля 1975 г. С этого времени потихоньку возрождается практика маркировки монет. Знаки и монограммы дворов ставятся на червонцах всех последующих выпусков, на других монетах из драгоценных металлов, которые чеканятся, в основном, на Московском дворе. Но если в 70–е и 80–е годы такие символы проставлялись лишь на «парадных» монетах, то с 1991 года они появляются на всех рядовых выпусках от 1 коп. до 1 руб. На гербовой стороне монет появляются знаки Л (Ленинград) и М (Москва). Такая практика сохраняется и в отношении новых российских монет, на которых можно увидеть либо буквы, либо монограммы дворов.

В зарубежном монетном деле подобная традиция тоже жива. Приведем данные по некоторым странам:

— на монетах Австралии Р — Лондон, Н — Бирмингем, I — Калькутта, М — Мельбурн, I — Бомбей.

— монеты Австрии: А — Вена (Венский двор узнается и по отсутствию знака на монетах после 1872г.), В — Кремниц, Е — Карлсбург, М — Милан, V — Венеция.

— Канада. С — Оттава.

— Фиджи. S — Сан-Франциско (во время II мировой войны).

— Франция. А — Париж, В — Руан, BB — Страсбург, D — Лион, К — Бордо, MA — Марсель, L — Лилль.

— Германия. А — Берлин с 1750, В — Ганновер (1866–1878), В — Вена (1938–44), С — Франкфурт-на-Майне (1866–1879), D — Мюнхен с 1872, Е

— Дрезден (1872–1887), У — Мюльденхютте с 1887, F — Штутгарт с 1872, G

— Карлсруэ с 1872, Н — Дармштадт (1872–1882), I — Гамбург с 1873.

— Венгрия. KB. — Кремниц, G.Y.F. — Карсбург, B.P. — Будапешт с 1926.

— Италия. В — Болонья, F — Флоренция, Н — Бирмингем (на меди), М — Милан, N — Неаполь, OM — Страсбург (на меди), R — Рим, E — Турин, отсутствие знака на медной монете — Париж.

— Испания. Знаки дворов в виде звездочек, обычно сбоку от даты. 8 звездочек — Барселона, 7 — Севилья, 6 — Мадрид, 5 — Манила (для Филиппин), 4 — Сеговия, 3 — Джубия.

На монетах американских стран можно встретить обозначение места чеканки более общее, чем монетный двор: М — Мексика, В — Боливия, NE — Перу, S — Чили.

Разумеется, знаками дворов не исчерпываются все обозначения на монетах. На многих из них имеются знаки монетчиков, знаки даты чеканки, встречаются так называемые знаки коллекционеров, знаки присутствия и другие, о которых тоже необходимы специальные знания. Что же касается затронутой темы, то дополнительную информацию по ней можно получить в литературе: Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов, 1980; Фенглер Х, Гирроу Г, Унгер В. Словарь Нумизмата. М, 1982; Спасский И.Г. Русская монетная система. Л, 1970; Узденников В.В. Монеты России. 1700–1917. М, 1986; Щелоков АА. Монеты СССР. М, 1989; Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1977.

При знакомстве с этой и другой литературой желаю читателям малых открытий.

Регина ТЕРЕШКИНА

МИШКИ НА ЗАПАДЕ

Вы когда-нибудь слышали английскую песенку о медведях, идущих на пикник? Мне впервые удалось услышать ее в Перми от преподавателей с туманного Альбиона. Песенка была очень веселой, мои коллеги с энтузиазмом под нее маршировали. А вскоре в журнале «Женский еженедельник», выходящем в Австрии, мне встретилась статья о медведем пикнике в Лонглитте графства Уилтинер, который был устроен маркизом Батским. На лужайке перед домом маркиза среди гостей были знаменитости того времени — писатель Майкл Бонд, создатель медведя Паддингтона, с приключениями которого в Англии знакомы все школьники, актер Питер Деннис, который читал монологи Винни-Пуха, а несколько добровольцев, одетые в костюмы медведей, собирали пожертвования. Были соревнования для детей, ярмарка по продаже оборудования для пчеловодства и юмористический конкурс «Чей медвежонок будет одет лучше». Призом стала книга с автографом Кристофера Милна, автора Винни-Пуха. А еще энтузиасты могли сами изготовить медвежонка.

Оказалось, что люди разных возрастов и профессий на всю жизнь сохранили привязанность к любимцам своего детства. Даже в доме «железной леди» Маргарэт Тэтчер до сих пор живут игрушечные медведи.

Нам кажется, что плюшевые медведята жили в детских спальнях всегда, но оказывается, им нет еще и сотни лет. В начале века Маргарита Штайф из Мюттенберга выставила на Лейпцигской ярмарке первых плюшевых медведей. 300 штук из них были проданы в США. Вскоре их производство началось в Англии и США, а игрушечный медвежонок в этих странах получил новое имя Тедди-бир, которое потом просто сократилось до Тедди. А причастен к этому «крещению» оказался сам президент США Теодор (сокращенное имя Тедди) Рузвельт. На свадьбе его старшей дочери стол был украшен забавными плюшевыми фигурками в костюмчиках охотников, рыбаков в соответствии с подаваемыми на стол мясными или рыбными блюдами.

Недавно возник термин, еще не заре-

гистрированный в словарях: «арктофил» — любитель игрушечных медведей. Связан он с именем актера Питера Булла, любителя плюшевых медвежат, автора нескольких книг о них.

В последние годы Тедди становится гвоздем программы аукционов игрушек. В каталоге 1981 года «Антикварные куклы и игрушки», изданном в Англии, был лишь один заводной медвежонок, в 1982 году — уже несколько медвежат разыгрывались на аукционе Сотбис, причем лучший был продан за 360 фунтов стерлингов. К 1985 году цены на игрушки возросли, и в мае 1988 медвежонок серебристого цвета фирмы Штайф был продан за 8800 фунтов стерлингов, а спустя некоторое время газеты сообщили о рекорде: двухцветный Тедди фирмы Штайф 1920 г. выпуска был продан за 55 тысяч фунтов. Общественность волновалась. Такие деньги за изрядно потрепанную игрушку возрастом в 70 лет!

Новоявленная знаменитость из игрушки Европы отправилась самолетом за океан в салоне первого класса и в сопровождении Джэка Уилсона, президента фирмы Низбет. (Эта фирма возникла в год коронации королевы Елизаветы II, она специализируется в производстве кукол ручной работы, изображающих членов королевской семьи и некоторых знаменитостей Англии, а в последнее время и не менее знаменитых медведей).

В доброй старой Англии обнаружилось еще несколько подобных раритетов, которые представительница Сотбис Анна Кларг оценила от 100 до 6000 фунтов, но предупредила, что результаты торгов непредсказуемы.

Один из самых известных медведей на старости лет стал звездой Голливуда, сыграл роль медведя Алоизиса в фильме «Возвращение в Брайосхед» по роману Ивлина Во. Появившийся на свет в 1907 году, он провел 55 лет в лавочке мисс Евфимии Алэдд, а «отойдя от дел», вместе с хозяйкой поселился в доме первого арктофила — актера Питера Булла.

Страстные любители медведей посвящают свою жизнь изучению их истории. Так, Патриция Пекун написала «Историю медвежонка Тедди» — своеобразных

справочник для коллекционеров по идентификации мишек.

Редкие музеи кукол и игрушек обходятся без плюшевых красавцев. В знаменитом Лондонском Музее Детства — Бентам Грин, большую часть коллекции мягкой игрушки составляют Тедди.

Недавно арктофилы всего мира приветствовали открытие в шекспировском Стрэтфорде-на-Эйвоне появление еще одного туристического объекта — музея, в экспозиции которого свыше 500 Тедди, сделанных в 20 странах мира. Счастливые основатели музея — телевизионная звезда Жилен Бренгет и его супруга.

Образ мишки часто используют в рекламе. Одна фирма, желая привлечь к себе внимание, выставила огромного плюшевого медведя высотой 8 метров и весом 454 кг. А вспомним олимпийского Мишку, завоевавшего сердца многих людей во всем мире и улетевшего во время закрытия игр...

Долгое время каждое воскресенье наши дети с нетерпением ждали продолжения телеприключений медведей Гамми, пьющих волшебный сок.

Английские Тедди носят жилеты и галстуки-бабочки, теплые шарфы и нарядные кружевные платья, спортивные костюмы. Они «работают» в больницах, помогая малышам справиться с незнакомой обстановкой или даже «обучают» детей, а в США начался эксперимент «Медвежий патруль»: потерявшийся ребенок находит в патрульной машине полицейских медвежонка, который помогает ему рассеять страх.

Еще не изучена история отечественных игрушечных медведей, хотя искусные произведения богородских резчиков известны всюду. Почти у каждого в детстве был свой мишка, которого любили даже мальчишки, презирующие кукол. Посмотрите, не сохранился ли у вас «друг детства», который может стать для кого-нибудь новым другом. А может быть, где-то уже есть и наш, русский арктофил, который продолжит этот рассказ на «родном» материале?

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В первом полугодии 1994 года

на страницах журнала

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт
U R A L S T A L K E R

читайте:

ФАНТАСТИКА

Далекую Прокну пытается обживать вот уже третья волна переселенцев с Земли. Бурно развивается местная промышленность, в невероятно напряженной борьбе с косной природой планеты возникают новые комбинаты, шахты, тоннели. Между тем, рядом с поселенцами — в буйной, неистребимой коричнево-зеленой сельве — прячется иная, негуманоидная форма жизни: вариадонты. В конце концов биологам удается выйти на контакт с этим чуждым разумом, и теперь перед ними встает трудновыполнимая задача — убедить окружающих в необходимости свернуть промышленное освоение Прокны, отступить перед легкоранимым местным — пусть непонятым — разумом, ибо «... нельзя, как бы нам этого не хотелось, руководствоваться одними лишь практическими соображениями, нельзя, если мы, люди, тоже мним себя разумной расой...»

Помимо остросюжетной «космической» повести Александра **ГРОМОВА** «Наработка на отказ», отдел фантастики планирует опубликовать в первом полугодии 1994 года новую повесть Геннадия **ПРАШКЕВИЧА** «ПРИГОВОРЕННЫЙ (ШПИОН ПРОТИВ АЛХИМИКОВ — III)», ряд других произведений отечественных и зарубежных писателей-фантастов, разнообразные материалы «Заочного КЛФ».

ПРОЗА

Судя по письмам и телефонным звонкам, вы обратили внимание на повесть Юрия Короткова «АБРЕКЪ».

Мы рады не только за популярного в стране автора — Ю. Короткова, — но и за журнал. Ибо на эту повесть делалась определенная ставка. Именно такой мы желаем видеть «следопытскую» прозу: современной, динамичной, раскрывающей яркие, цельные характеры...

Хотя раньше мы анонсировали другое произведение Ю. Короткова — «Дикая любовь», — окончательный выбор пал на повесть «Спас Ярое Око».

В начале 1994 года читайте — Юрий **КОРОТКОВ**. «СПАС ЯРОЕ ОКО».

Герой повести — фарцовщик, контрабандист, сбывающий за рубеж старинные русские иконы. Лихое стечение обстоятельств — и герой попадает к спрятавшимся в тайге богомольцам. Судьба задержала незадачливого контрабандиста в этом отшельническом поселении больше года, — но сюжет не замедляется. Действие стремительно перетекает в Москву, в «столицу антихриста», как называют ее верующие... Столкновение двух миров не обходится без драк, автомобильных погонь, перестрелок. И маленький, затерянный в Сибири мирок мир высокой духовности, побеждает!

«Уральский следопыт»-94 продолжит публикацию романа Владислава **КРАПИВИНА** «БРОНЗОВЫЙ МАЛЬЧИК».

Приключенческий сюжет, переключки разных поколений, осмысление жизни современных ребят в семье и школе — эти особенности крапивинской прозы присутствуют и во второй книге романа

А еще... На то «Следопыт» и следопыт, чтобы открывать для вас новые имена — еще незнакомые...

КРАЕВЕДЕНИЕ

Знатоки и ценители русской природы и родного слова отметят в январе столетний юбилей Виталия Бианки, замечательного детского писателя. Уральские дни Виталия Валентиновича — тема своеобразного диалога дочери писателя Елены Витальевны и осинского краеведа и педагога В.Н. Русанова.

Огородничество — такую профессию и такое дело жизни выбрал себе помещик Александр Петрович Мертваго, русский интеллигент и ревнитель земледелия. А учиться огородничеству поехал он — в Париж. «ПАРИЖСКИЕ ОГОРОДНИКИ» — глава из забытой мемуарной книги А. П. **МЕРТВАГО** «Не по торному пути», выдержавшей до революции три издания.

Где и как сегодня простому грешному человеку найти землю обетованную. Оказывается, таковая ждет его совсем близко — на стыке Новгородской и Псковской областей. О ней, земле обетованной, — правдиво-фантастические размышления Марка **КОСТРОВА** под названием «РДЕЙСКИЙ РАЙ».

Кто правил на Руси, или история русского государства в лицах и датах — таково содержание родословных таблиц русских великих князей, царей и императоров, составленных и прокомментированных нашим читателям историком — любителем из Харькова В. И. Чернышевым.

Отдел краеведения продолжит испытанные рубрики: «Тропой поиска», «Ждет защиты», «Краеведческая копилка», «Малые города России», «Заветная полка», но предстоят и новые.

БАЙКАЛЬСКИЙ ХРЕБЕТ

У Р А Л Ь С К И И
СЛЕДОПЫТ
У Р А Л Ь С К И И

ИНДЕКС 73413. ISSN 0134 241X.
УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ. №8. 1993. с 1 80